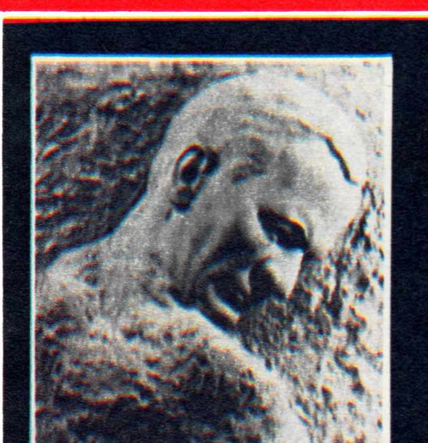
ISSN 0131—0097

# ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 33 АВГУСТ 1989

# Что нам стоит дом построить?



ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

РЕАЛЬНОСТЬ АССОЦИАЦИЙ

УНИЖЕНИЕ БЕДНОСТЬЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (3238)

12—19 АВГУСТА



НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

*Это наша земля. (См. в номере материал «Рядом с мраморными дворцами».)*

*Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА*

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 24.07.89. Подписано к печати 08.08.89. А 08893. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 981. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

*Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.*

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



# Внук

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Яна НИКИТИНА, Павел КРИВЦОВ (фото)

Давно уже должен был сдать арендатор Александр Божко своих семерых бычков на мясо. Но не сдает, потому что знает о распоряжении директора совхоза «Прогресс»: «Как только Божко сдаст скотину — поле возле его фермы пойдет под плуг».

Деда Божко, Василия Семеновича, раскулачивали дважды. Первый раз из-за веялки. Каждого, кто имел в хозяйстве какой-либо механизм, объявляли кулаком. Второй раз его дом и подворье подмели до нитки, до зернышка, уже за то, что устояла семья и в разоре, не разбрелась по миру, по-прежнему с утра до ночи трудилась дружно на своей земле.

Дед никогда не использовал наемный труд. В большой его семье работников и так хватало, а сам он был мастером на все руки — и сапоги точал, и глину обжигал, и плотничал. В кузне ему равных не было. Даже одежду ребятишкам Василий Семенович шил сам на стрекочущем, как пулемет, «Зингере».

Кроме веялки и «Зингера», был в доме деда еще один механизм — граммофон. Его тоже забрали...

Мать Саши, Екатерина Васильевна, тогда была совсем маленькой — восемь годков ей только миновало, но она хорошо запомнила, как после повторного раскулачивания отец сказал: «Ну, все, теперь только в петлю...» Через несколько дней он вступил в колхоз.

«Все сбылось, чего мы ждали:
Урожайным вышел год...
Дорогой товарищ Сталин,
Принимайте наш отчет».

Таких песен Василий Семенович, конечно, не пел, вряд ли он верил в обещанную «светлую коммунию», но колхозную лямку, хоть и поневоле в нее впрягся, тянул исправно. Трудился так же усердно, как у себя на хуторе. Вот только жил намного хуже. В хлеб лебеду подмешивал.

Умер Василий Семенович, ничего не оставив своим наследникам. Единственная память о нем — фотография. Екатерина Васильевна повесила было ее на стенку, а потом в шкаф спрятала. Уж больно печальны отцовские глаза на портрете. Нет сил смотреть...

Отец ее особенно любил и жалел. Потому и отправил в Рыбинское ФЗО учиться на шлифовщицу. После училища она совсем немного поработала, потом началась война, и ее взяли на фронт. Служила Екатерина Васильевна в полевом госпитале перевязочной сестрой. Жива осталась, только поседела. Когда замуж выходила, старухи головами качали, на нее глядя: «Что ж это деется, невесты ноне седые...» Завербовались они с мужем в Магадан. Ехали за счастьем, а вышло за бедой. Мало вместе пожили, погиб муж в дорожной катастрофе.

Вернулась Екатерина Васильевна в деревню с маленьким Сашей на руках и с дочерью под сердцем. С двумя детьми на дояркины харчи прожить нечего было и думать. Приходилось подрабатывать — днем на ферме возле коров крути-

лась, а по ночам односельчанам сено заготавливала — косила, ворошила, стоговала.

Тринадцать лет отдала колхозу Екатерина Васильевна. На четырнадцатый в город подалась, пошла в уборщицы, чтобы сразу квартиру получить. Дали ей одну комнату. Вчетвером в ней жили — мать Екатерина Васильевна с собой забрала. В эту комнату Саша после армии привел свою жену Галю. Потеснились. Родилась у молодых первая дочка — опять потеснились. Вторая родилась — еще потеснились.

В трехкомнатную переехали, как во дворец. Саша на радостях ее всю перекроил, перестроил, руки у него золотые, как у деда. Все Саша умеет, все может. Его женщины за ним, как за каменной стеной. И друзья, узнав, что Божко на аренду решился, сказали: «Если уж у тебя не получится, значит, никому такое не под силу».

Сашу в деревню не иначе как гены потянули. На заводе в неплохих инженерах ходил, но все чего-то не хватало душе. Только в деревне у тещи, в трудной, потной работе на земле душа переставала томиться. Так что вопроса с адресом аренды не возникло. Малень-

кое тещино «имение» давно уже стало семейной фермой Божко. Там они двух коров и двух телят держали, возделывали огород. Саша даже технику завел — собрал своими руками почти из металлолома маленький трактор.

На семейном совете за аренду проголосовали единогласно. Саша взял десять тысяч рублей ссуды. На эти деньги перво-наперво расширил тракторный «парк», присоединив к своей самоделке один новенький, с иголочки, трактор, который продали ему как пионеру арендного подряда и другой, уже бывший в деле, по дешевке. Взяли Божко лицензию на вырубку леса, нарубили колючих елей. Саша распилил их на станке, тоже, кстати, самодельном. Семь бычков, взятых на откорм в совхозе, временно поселились в заброшенном сарае.

Начал Саша ферму строить. А уж и так от работы в глазах темно. Он ведь в семье единственный мужчина. От усталости и случилась беда. На дворе сенокос, а он в больнице — ногу топором поранил, чуть совсем не обезножел. Галка одна на хозяйстве осталась, тяжело ей, да и отпуск вот-вот кончится, что тогда будет? Ферма недостроенная стоит, бычки подрастают, того и гляди ветхий сарайчик разнесут. Из больницы он сбежал. В отчаянии проделывал на лугу просто цирковые номера — пробовал косить... на костылях. Может быть, и эффектно это было, но не эффективно.

И вот тут двое знакомых изъявили желание войти с ним в пай. Божко согласился, хотя, откровенно говоря, он сторонник интимных отношений с землей. Насмотрелся на коллективное хозяйствование, когда «все вокруг колхозное, все вокруг мое». Но ситуация была пиковой. Ударили пайщики по рукам, только союз оказался непродолжительным. И не по вине Божко. Понюхав синь порох арендаторской жизни, компаньоны расторгли договор. Саша их не винит. Аренда только издали хороша. А на деле нет в ней пока ни счастья, ни воли. И это логично. Какой резон колхозам и совхозам потрафлять своим прямым конкурентам?

Железную хватку арендодателя Божко ощутил сразу. Землю совхоз ему выделил из расчета чуть более гектара на голову. А для того, чтобы прокормить бычка, нужно, как минимум, один-два под траву, другой под зерно. Совхоз со своего гектара получает девяносто восемь килограммов мяса, а с арендаторского затребовал двести шестьдесят.

В зиму Божко вошел, не имея других кормов, кроме заготовленного им сена. Каждый бычок за год должен тонну концентратов съесть, а Саше совхоз на семерых только полторы тонны пообещал. Да и те выдавал по чайной ложке. Купил Саша в гастрономе две тонны... ячневой крупы, из нее и варил кашу для своих рогатых малолеток. К январю бычки всю «шрапнель» подъели, замычали с голодухи. И начал Божко с рассветом ближние магазины на тракторе объезжать — скупал хлеб. Стыдно ему было и противно...

...Не раз и не два хотелось Саше послать совхоз подальше и податься в городской кооператив деньги зарабатывать. Аренда-то ему, кроме долгов, ничего не дала. Но удерживала надежда на добрые перемены. «Неужто,— размышлял он,— «верхи» не понимают, что с арендой творится? Ведь погибает она, толком еще не родившись. Где логика в действиях «верхов»? Если они считают, что совхозы и колхозы обеспечат страну продовольствием, тогда зачем арендаторов на помощь кликнули? А коли вправду арендаторская подмога нужна, то почему не дают фермерам на равных с коллективными хозяйствами соревноваться? Почему не разрешают напрямую с государством торговать? Вот он, Божко, продает совхозу мясо по госцене — 2 рубля 10 копеек за килограмм. А совхоз его государству перепродает с учетом льготных надбавок вдвое дороже, мироедствует и за каждым шагом арендаторским следит. Какой крик поднялся, когда Саша, чтобы от безденежья спастись, решил взять в соседнем хозяйстве овец для развода: «Мы тебе землю под бычков давали, нечего самодеятельностью заниматься».

Сидя вечерами за столом, накрытым штопаной-перештопаной скатертью, пионер советской аренды Александр Божко частенько мечтает о полной хозяйской самостоятельности. Он бы тогда все дело иначе повернул. Вместо бычков завел бы пяток коров — им концентратов поменьше надо. А польза двойная — и мясо, и молоко. Обязательно выкопал бы Саша небольшой пруд, развел бы рыбу — не для продажи, для себя. Ветряк бы поставил, чтобы от централизованной электросети не зависеть,— и стране, и ему экономия. Дом бы построил добротный, просторный. Сад бы под окнами разбил...

Как ждал Божко решений мартовского Пленума ЦК! А дождался — чуть не заплакал: не на то надеялся, не о том мечтал. И Съезд народных депутатов не ответил на главный Сашин вопрос — будет ли крестьянин свободен в своем труде?

В партийных и правительственных постановлениях много хороших слов об аренде написано. Мартовский Пленум вроде и землю разрешил выделять крестьянским хозяйствам. Саша заветную строчку карандашом обвел и с газеткой в райком помчался. Секретарь глянул, озаботился:

— Раз ЦК за крестьянские хозяйства, будем ваш вопрос решать.

И вот до сих пор решают: как Божко из совхозной кабалы вызволить. Мудрено это, если вместо закона о земле — благие пожелания.

Позиция директора «Прогресса» И. Шлемина за это время менялась от — «пусть хоть Горбачев приедет, земли не получишь» до — «дам, но эту». Сейчас «золотую» середину занял: «Перепахать Сашино поле, а там разберемся». Ждут только сдачи бычков.

Пока семья Божко держит оборону, то есть работает не покладая рук. С первыми петухами встает Екатерина Васильевна, доит коров, во дворе порядок наводит. В восемь утра бегут на ферму Саша с Галей, кормят бычков, навоз убирают. Через час начинается рабочий день у восьмиклассницы Светы — она садится на трактор, едет сено ворошить. Как спадет роса, старшая дочка Елена ведет бычков на луг пастись. А Саша с Галей тем временем сено стогуют...

К полуночи все стихает в приземистом домике на окраине полузаброшенной деревни. Только Саша не ложится — слушает на веранде радио. Идет сессия Верховного Совета. Может быть, на ней решат судьбу крестьянского внука Александра Божко, чудом сохранившего в генах любовь к земле?

# СЕССИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ — РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**М. ГОРБАЧЕВ:**
**Итак, впереди большая, серьезнейшая работа. Ее содержание, ритм обусловлены остротой проблем, стоящих перед страной, теми неотложными задачами, которые нам предстоит решать в первоочередном порядке.**

**Съезд народных депутатов и первая сессия вызвали огромный резонанс. В следующем номере журнала публикуется социологическое исследование о том, как избиратели оценивают это событие, принятые решения.**

# КТО ВОЙДЕТ В СОВЕТЫ? ● О ВОЕННОЙ ПРИСЯГЕ ● МИНИСТР БЛАГОДАРИТ ●

■

*События последнего времени несколько отодвинули на второй план предстоящие выборы в местные советские органы. Между тем чувствуется, что местные органы власти не теряют времени даром. Задача у них одна — выбрать угодных себе лиц. Такая попытка была налицо при выборах народных депутатов СССР, но не везде она закончилась удачно. Сейчас, обогащенные прошлым опытом, местные функционеры будут умнее.*

*Уже сейчас проскальзывает мысль в прессе, да и в некоторых передачах по радио и телевидению, что выборы в местные органы надо провести по образу и подобию выборов в народные депутаты: по территориальному признаку и от общественных организаций, а это лазейка для антиперестроечных сил. Почему мы все время изобретаем собственный трехколесный велосипед, когда существует богатый опыт других стран? Это прежде всего обязательные прямые выборы мэра города, и выборы на альтернативной основе. Точно так же надо выбирать членов горсовета (муниципалитета). Надо ли говорить о важности этих выборов? Двумя словами об этом можно сказать так: если мы выберем не тех лиц, то работа наших народных депутатов будет обречена на провал (в масштабе своих территорий), или наоборот: вместе они сдвинут перестройку с мертвой точки и добьются успехов.*

*Предвижу, что существующие начальники всех рангов (советские и партийные) будут уповать и доказывать, что выдвигаемые ими кандидаты (которые сейчас правят городом и областью) обладают большим опытом работы. Я бы этот опыт оценил только негативно. Нам «опытные кадры» не нужны, мы ими сыты по горло. Нужны умные и толковые люди с революционными и демократическими убеждениями, а опыт придет в процессе работы.*

*Считаю, что уже сейчас необходимо развернуть работу по выборам в местные органы для принятия Верховным Советом и Съездом народных депутатов демократического закона о выборах. Надо будоражить и настраивать массы на активное проведение кампании по выборам в местные Советы. Слишком большая цена этого события (мне так и хочется сказать: «Ставка больше чем жизнь»). Власть надо передать Советам, но в Советах должны быть лучшие из лучших. А если отдадим власть не в те руки, то крах неминуем.*

**Ю. ШЕПЕЛЕВ**
**Воронеж**

■

*Недавно на профсоюзном собрании нам был прочитан удивительный документ: обращение горкома к коллективам учреждений и предприятий. В нем предлагалось во избежание «ошибок» предыдущей избирательной кампании и, чтобы не прошли в депутаты «случайные» люди, «крикуны» и «критиканы», «заранее оповестить горком о тех, кого намерены выдвинуть коллективы в республиканские и местные Советы, а горком вынесет по ним свое решение, отвергнет или утвердит их для выдвижения на будущих предвыборных собраниях».*

*Разве это не возвращение к доперестроечной выборной системе, когда собранию «спускались» кандидаты, а оно лишь разыгрывало выдвижение?*

*Что это, как не попытка корректировать волю избирателей? Разве это не то же окружное предвыборное собрание, только собирающееся сработать до народного волеизъявления?*

**Г. ПЕТРОВА,**
**преподаватель Псковского музыкального училища**

■

*В статье «Эхо Ферганы» Н. Васильева («За Родину», 29 июня 1989 года) речь идет о том, что определенные круги, которые действовали и на Съезде, нейтрализовали армию, отбили у нее охоту наводить порядок в стране и тем самым сделали возможной трагедию в Узбекистане. Ответственность за пролитую кровь майор запаса возлагает на тех, кто придумал «мифические саперные лопатки», разжигал против армии «кампанию клеветы», фарисействовал по поводу тбилисских событий и создавал преступным элементам «режим максимального благоприятствования». Можно поверить, что Н. Васильев искренне сопереживает пострадавшим, но согласиться с его мнением, что единственное противоядие от такой беды — это повторение тбилисского сценария с ферганским колоритом, простите, не могу. Никогда высокие цели не оправдывались, если к этим целям шли по трупам людей.*

*Привлечение армии не для защиты Отечества, а для борьбы с жителями Отечества — преступление. Такая цель не имеет права на существование, особенно в государстве, стремящемся наконец стать правовым. Безнравственность этой цели ясна. Вот почему потрясает некомпетентность многих военных чинов, так и не ухвативших разницу, хотя бы краешком глаза, между солдатом внутренних войск и Советской Армии. Такой «профессиональный дилетантизм» может еще дорого обойтись всем нам.*

*Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1989 года внутренние войска выведены из состава Вооруженных Сил СССР. Однако юноши, призванные в эти войска в мае — июне этого года, принимая Военную присягу, тем самым снова вступали в ряды Вооруженных Сил СССР. Как могло такое случиться? В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка» требуется «строго соблюдать социалистическую законность, быть честным, правдивым и храбрым, справедливым в обращении с гражданами, мужественно и самоотверженно защищать их личное достоинство, конституционные права и свободы от преступных посягательств и иных антиобщественных действий».*

*Почему же молодое пополнение внутренних войск не присягало*

в верности этим положениям, соответствующим их специфике и предназначению, а клялось в готовности защищать Родину и добиваться победы над врагами? С внешним врагом не церемонятся. Его действительно побеждают, не щадя жизни.

Универсальная для Советской Армии и внутренних войск Военная присяга — веское свидетельство жизнестойкости небезызвестной теории об обострении классовой борьбы, новочеркасско-тбилисского синдрома. Необходимо срочно исправить этот досадный политический казус, принять новый текст присяги для внутренних войск (он во многом будет созвучен присяге советской милиции) и привести к ней солдат весеннего (1989 года) призыва.

Военная присяга проходит через сердца воинов не только чувством любви к Родине, но и чувством ненависти к ее врагам. Стоит ли тогда удивляться, что солдаты, воспитанные побеждать недруга любой ценой, узрели на тбилисской площади перед собой не советских людей, женщин и детей, а зловещие призраки «происков империализма против СССР и его союзников» и решительно пошли на «разгром агрессора».

**З. ДЗАРАХОХОВ,**
**военнослужащий внутренних войск МВД СССР, журналист**

■

Председатель Верховного суда СССР Е. А. Смоленцев на сессии Верховного Совета СССР, по существу, отказался от суда присяжных, который якобы себя изжил. После такого заявления ясно, что от судебной реформы ожидать больше нечего, так как она пойдет по колее, наезженной в застойные времена. А может, с точки зрения плюрализма мнений не мешало бы выслушать и другую точку зрения?

Нам кажется неубедительной ссылка на то, что в капиталистических странах судами присяжных рассматривается незначительное количество дел. Дело здесь не в количестве, а в качестве их рассмотрения. Никто не призывает все дела рассматривать судом присяжных. Но зачем отказывать в этом человеку, который не признает себя виновным в совершении тяжкого преступления и требует именно такого суда?

Противники реформы утверждают, что приговор должен быть законным, а законность могут и должны обеспечить профессионалы. При этом на время забывают, что законность во многих случаях зависит от оценочных понятий, по которым в законе нет даже приблизительных ориентиров. Это и вопросы общественной опасности преступления, и соучастия в нем, и необходимой обороны, и многие другие.

И все же почему в этих вопросах непрофессионалы разберутся лучше? По ныне действующему законодательству суд решает вопрос о виновности по внутреннему убеждению, основанному на доказательствах. Внутреннее убеждение одного человека — величина не всегда постоянная. Нам кажется более справедливым, если это будет убеждение не одного человека, а пяти, шести, двенадцати. Тем более если это мнение людей, не деформированных профессией, или, проще, не отягощенных мнением по ранее рассмотренным делам. Тогда и подменить это коллективное мнение мнением одного человека, хотя бы он вышестоящий судья или прокурор, было бы не просто.

**А. НАРОЖНЫЙ,**
**старший помощник прокурора города Харькова**

■

В журнале «Огонек» № 24 опубликована статья Л. Красина «Контроль или производство» с предисловием профессора Г. Попова. Так как я сам писал о ней («Наука и жизнь» № 5, 1989 г.), то мне бросилось в глаза, что эта статья вышла с добавлением, которого Красин не писал. Заключительный раздел публикации, озаглавленный «Еще раз о статье т. Ленина», является началом статьи Корзинова, бывшего участника «рабочей оппозиции», которая была напечатана сразу после красинской статьи на той же странице газеты «Правда» 24 марта 1923 года. Такое присоединение тем более непонятно, что, как нетрудно увидеть при внимательном чтении, автор добавленного текста в противоположность Красину одобряет ленинское предложение о реорганизации Рабкрина. Странно, что этого не заметил Г. Попов, который в своем предисловии цитирует некоторые мысли из добавления как неотъемлемую часть красинской концепции.

Вскоре после публикации я привез в редакцию «Огонька» письмо об этой ошибке. Как мне сказали, Г. Попов принес в редакцию статью Красина со своим предисловием, и, доверяя ему, было решено без проверки направить ее в печать. В результате у читателей сложилось искаженное представление о таком важном документе ленинского периода, как красинская статья. Это подтверждают опубликованные в «Правде» 19 июля полемические заметки академика Г. Смирнова «Об одном историческом экскурсе», который хвалит «маленькое добавление к статье», будто бы принадлежащее Красину, утверждает, что именно в нем «он говорит действительно нужные слова». Уж теперь-то, если и академик путает, я думаю, просто необходимо информировать читателей о допущенной ошибке.

**Ю. ГОЛАНД,**
**кандидат экономических наук**

■

Почти одновременно я получил седьмой номер журнала «Молодая гвардия», который редактирует А. С. Иванов, и материалы Комиссии по премиям Ленинского комсомола за подписью ее председателя, того же А. С. Иванова.

Позиция «МГ» известна. Но то, что собрано под обложкой седьмого номера, по-моему, переходит все границы. Здесь и оскорбительные выпады В. Бушина против известных писателей, и сомнительные сетования о нашем времени небезызвестной Нины Андреевой, и стихи, в которых участь России сравнивается с нынешней Палестиной, и провокационные фразы о межнациональных отношениях Н. Кузьмина. Я уже не удивляюсь тому, как далеко ушел от истоков комсомольских идеалов журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», ибо возглавляет его человек, чей консерватизм известен всем и чьи групповые пристрастия, по всей видимости, уже не исправимы. И как такой писатель, для кого подобные отношения между людьми стали нормой, может возглавлять Комиссию по премиям Ленинского комсомола в области литературы и искусства, если в самом себе он не способен подавить групповые страсти, необъективность, недоброжелательство к товарищам — этого я понять не могу. Так же, как и не могу оставаться в одном коллективе с коллегой, потерявшим мое уважение из-за мелкой и бесперспективной борьбы, которую он возглавил в своем журнале во имя только ему — Иванову — ведомых групповых интересов.

Мы живем во времена плюрализма мнений, во времена споров. Но споры эти должны вестись по принципиальным вопросам, интеллигентно, как к тому обязывает наша общая принадлежность к культуре, а не переходить на личности. Редакция «Юности» приняла в свое время решение не отвечать на частные и частые выпады против нашего журнала. Многомиллионному читателю навряд ли интересно выяснение наших отношений. Мы думали, что коллеги из «МГ», равно как и журнала «Наш современник», последуют этому естественному примеру и введут мораторий на испытания критических взрывов. Увы! Вместо этого редакция «МГ» пошла еще дальше в своем рвении «обличать» и «выводить на чистую воду», приняв, вероятно, нашу невозмутимость за позицию слабости. Я не считаю возможным участвовать далее в работе Комиссии ЦК ВЛКСМ по премиям Ленинского комсомола, которую возглавляет А. С. Иванов, и выхожу из ее состава. Мне тем более горько пойти на это, что многие молодые авторы окажутся вне поля зрения этой Комиссии, возглавляемой человеком определенных и весьма односначных литературных пристрастий. И тем более обидно решиться на такой шаг, что с комсомолом связаны моя юность и долгие годы симпатий и дружбы со многими ее воспитанниками. Я оставляю за собой право предать гласности это письмо.

**Андрей ДЕМЕНТЬЕВ,**
**главный редактор журнала «Юность», лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола**

■

Увидел недавно фотографию Михаила Глузского, аж сердце оборвалось. Не молодеем мы, увы!

Недавно написал письмо и. о. первого секретаря Союза кинематографистов СССР Смирнову по поводу своего фильма «Места тут тихие». Прошу восстановить картину, по сути, уничтоженную. Восстановить по оригиналу, откуда затем по трусости и подлости кинобонз вырезали роль Глузского вместе с главной идеей. Я помню его слова: «Каждый актер, который хочет остаться в истории кино, должен сыграть своего Чапаева». М. Глузский считал роль штрафника Братнова своим Чапаевым... Мне тоже не дали высказать главной идеи: о штрафниках эпохи. О невинно загубленных, арестованных, сосланных...

Думаю, если лента-оригинал сохранилась, было бы справедливым выйти с ней к зрителю. По сути, образ флаг-штурмана штрафника Братнова, блистательно сыгранный Глузским, был бы первым в советском кино. Думаю, это сейчас, в дни восстановления имен невинных жертв, крайне актуально.

Все дело в том, что нужно найти в Белых Столбах или где-то еще запрещенную ленту. Юра Щукин умер, я если и приеду, то ненадолго. Хорошо бы, если б взялся сам Михаил Глузский за это благородное дело. Жив ли Листопадов и другие, они могли бы помочь в поисках ленты?

Меня вытолкали из страны в 1972-м (после речей в Союзе писателей, направленных против сталинщины и бесчинства цензуры). На Западе я был профессором русской литературы в университетах Канады и США. Написал и издал пять романов и повестей, переведенных на главные европейские языки. Один сценарий.

Радуюсь изменениям, происходящим в стране.

**Григорий СВИРСКИЙ**
**Торонто**

■

Имею ли я право вступать или нет в Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, находясь в исправительно-трудовой колонии в качестве осужденного,— это уже вопрос риторический. Нам продают красные книжечки с марками, и, значит, мы становимся членами этого общества, даже несмотря на то, что среди «покупателей» есть и убийцы, и насильники. А проверял ли когда-нибудь Красный Крест условия, в которых содержатся осужденные?

Но раз я вступил в общество, теперь я «обязан соблюдать нормы общественной и личной гигиены и участвовать в проведении профилактических, санитарно-оздоровительных мероприятий». Хотел бы я знать, как представляют мое участие в подобных мероприятиях руководители Союза обществ?

**А. САМАРСКИЙ**
**Красноярский край**

■

Разрешите выразить редакции журнала «Огонек» благодарность Министерства здравоохранения СССР за крайне своевременную и важную инициативу открытия благотворительного валютного счета «АнтиСПИД», призванного оказать действенную помощь в предупреждении распространения страшного заболевания в нашей стране.

Не меньшее значение, чем сбор денежных средств, имеет и привлечение внимания общества к этой очень серьезной и актуальной проблеме, требующей своего скорейшего разрешения. Особенно важно и ценно намерение редакции журнала постоянно держать эту тему в зоне внимания и информировать широкую общественность о результатах.

Со своей стороны, Министерство здравоохранения СССР хотело бы информировать редакцию журнала, что в этом году промышленность нашей страны сумеет изготовить 200 млн. одноразовых шприцев, 56 млн. из них уже получено. Кроме того, Минздрав СССР самостоятельно закупил в этом году 25 млн. шприцев и 23 млн. инсулиновых шприцев однократного применения. Также будет закуплено 30 млн. одноразовых шприцев в Китайской Народной Республике.

Помимо этого, Советом Министров СССР предложено союзным республикам рассмотреть возможность выделения валютных средств из собственных фондов для закупки производственных линий, которые позволят дополнительно производить одноразовые шприцы для нужд самих республик.

В Узбекской ССР достигнуто соглашение совместного советско-итальянского предприятия «Совпластитал» с итальянскими фирмами о закупке производственной линии, которая уже в 1990 г. позволит изготовить 300 млн. одноразовых шприцев.

В настоящее время также прорабатывается возможность дополнительного производства одноразовых шприцев в Казахской ССР, Молдавской ССР, Белорусской ССР.

Однако, бесспорно, всех этих мер еще недостаточно, и только неукоснительное выполнение промышленностью заданий постановления Совета Министров СССР № 1508 от 18.12.86 г. «О мерах по ускорению развития производства шприцев однократного применения» позволит выйти на ежегодный уровень в 3 млрд. шприцев и полностью обеспечить потребность страны. Помощь прессы в контроле за решением этих вопросов может быть очень эффективной, и Минздрав СССР рассчитывает на сотрудничество.

**Министр здравоохранения СССР**
**Е. ЧАЗОВ**

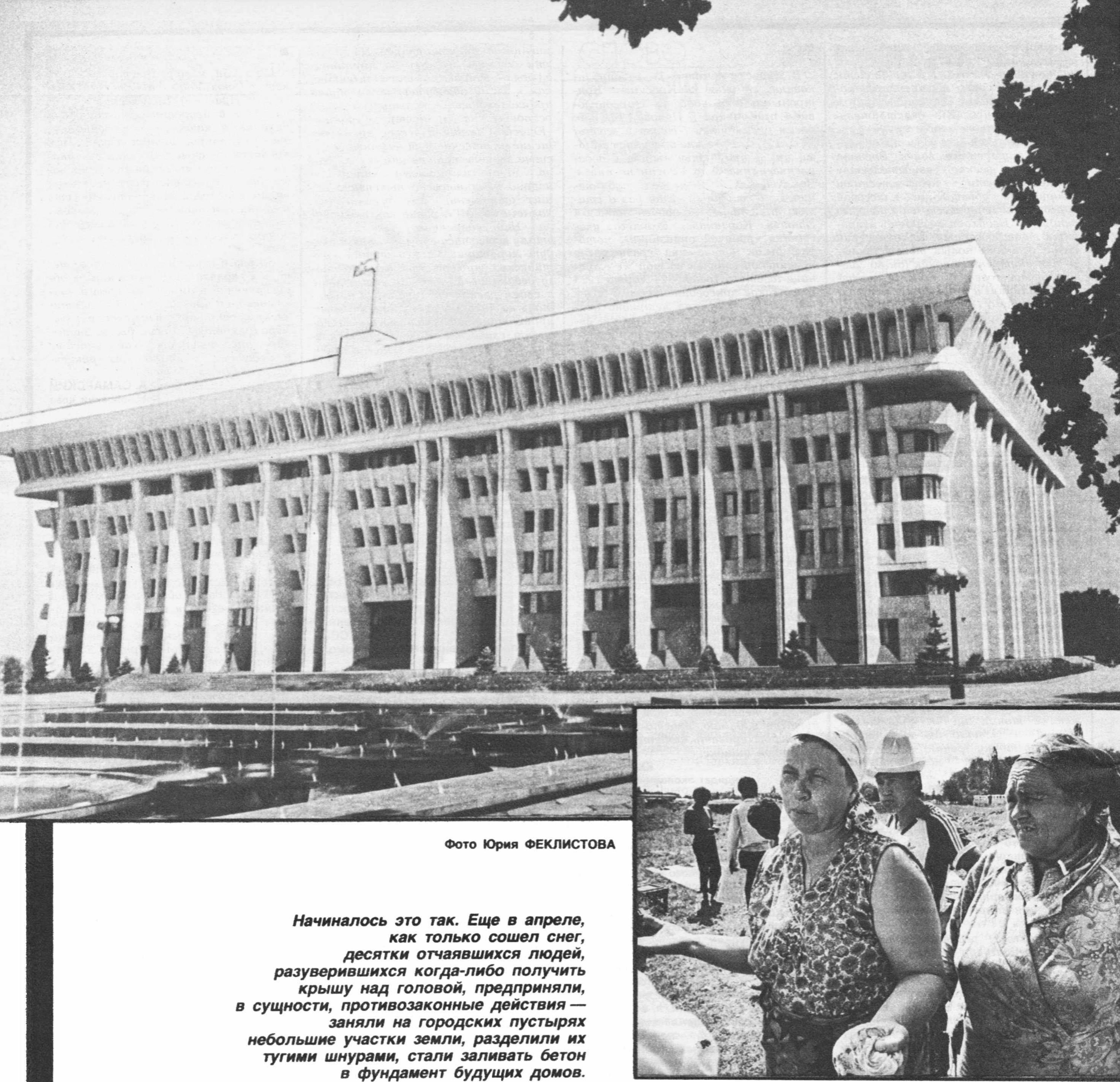


Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

*Начиналось это так. Еще в апреле, как только сошел снег, десятки отчаявшихся людей, разуверившихся когда-либо получить крышу над головой, предприняли, в сущности, противозаконные действия — заняли на городских пустырях небольшие участки земли, разделили их тугими шнурами, стали заливать бетон в фундамент будущих домов.*

# РЯДОМ С МРАМОРНЫМИ ДВОРЦАМИ

акие случаи были и раньше. Именно так многие решали жилищную проблему на протяжении десятилетий. Возникали многочисленные «Шанхаи» и «Нахаловки». Поэтому весной местные власти не придали этому особого значения.

Массовая вспышка самозахвата земли во Фрунзе произошла 2 июня. Пятница. Впереди выходные. Позади дискуссии на Съезде народных депутатов, пламенные и обвинительные речи, констатирующие рост национального самосознания. В разгаре ферганские события, которые будут прокомментированы как стычка из-за тарелки клубники. Причем прокомментированы Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. На юге Киргизии ситуация чрезвычайно напряженная, подразделения милицейских служб и внутренних войск в полной боевой готовности. Во Фрунзе сотни беженцев из Ферганы, в республике их тысячи. Слухи, один нелепее другого, будоражат умы людей. Кто-то бросил клич: «Они приехали на нашу землю».

Совокупность всех этих обстоятельств и стала поводом небывалого самовольного захвата земель для строительства домов.

За город вышли уже не десятки самых отчаявшихся. Тысячи людей пошли захватывать землю. Но на сей раз их привлекали не пустыри, а пшеничные и ячменные поля, угодья выставки народного хозяйства, места, отведенные генпланом под строительство микрорайонов. Среди «самозахватчиков» — как они сами себя называют — есть рабочие и служащие государственных учреждений (иные — облеченные весьма солидными должностями), милиционеры и студенты, домохозяйки и безработные.

В чем же причина этих событий?

В последние десятилетия идет развитие столицы Киргизии. Заводы и фабрики в городской черте теснят друг друга. Здесь требуются высококвалифицированные рабочие, специалисты. В республике таких кадров мало.

Поэтому расчет делается на приезжих. Заманивали обещанием квартир. Приезжие становились первоочередниками. Ставка на людей «со стороны» привела к парадоксальной ситуации. При существенном дефиците кадровых рабочих на фрунзенских предприятиях в столице образовалась довольно многочисленная резервная армия труда. В беседе со мной это подтвердил и заместитель председателя Госкомтруда и социального обеспечения республики Аманкул Молдолиев. По его словам, не занято в общественном производстве по республике почти 60 тысяч человек. Каждый третий из этих людей проживает во Фрунзе либо в непосредственной близости от него. Число семей, нуждающихся в квартирах, давно перевалило за сорокатысячную отметку. Сделаем поправку на многодетность, характерную для здешних мест, и цифра нуждающихся многократно возрастет.

К этим объективным причинам необходимо добавить еще и субъективные. Я не встречал нигде цифры, которая засвидетельствовала бы число руководящих работников, улучшивших свои жилищные условия за последние тридцать — сорок лет в городе Фрунзе. Но смею утверждать — таким счастьем многие из них были «одарены» не только вне очереди, но и вопреки закону. Лишь в 1986—1987 годах в столице республики вне очереди было выделено 85 квартир, как правило, высокопоставленным лицам, большинство из которых отнюдь не ютилось по частным углам. При этом выделялись новые квартиры с улучшенной планировкой и отделкой в домах в центре города — зачастую с превышением установленной нормы жилой площади.

Бездумно использовались средства и на строительство административных зданий. Кто бывал в последние годы во Фрунзе — поражался белокаменным центром города. На гранитно-мраморное одеяние ушло 80 тысяч квадратных метров ценнейших пород. Только на одну отделку здания ЦК Компартии Киргизии было израсходовано сверх утвержденной сметы свыше 4 миллионов рублей, что равнозначно стоимости шести шестидесятиквартирных домов. А чего стоит филиал Центрального музея имени В. И. Ленина, населенного сплошными копиями? Это можно было бы списать на застойное прошлое, если бы не новые факты, свидетельствующие о нежелании бюрократии расставаться со своими амбициями. Когда речь зашла о передаче одного из престижных зданий, где нынче размещается Президиум Верховного Совета республики, ЦК ЛКСМ Киргизии и некоторые другие ведомства, под Дворец пионеров, руководство республики воспротивилось и поставило крест на надеждах ребятишек.

Возникают серьезные сомнения в том, что программа «Жилье-92», так разрекламированная в республике, будет осуществлена. По крайней мере при нынешних темпах строительства. Жизнь ставит новые вопросы и требует на них ответа. Еще осенью прошлого года был отменен запрет на строительство индивидуального жилья в столицах республик. Но за полгода во Фрунзе практически ничего не изменилось. Теперь приходится расплачиваться: потравлены сельскохозяйственные угодья на десятках гектаров, понесли материальный ущерб самозастройщики, вынужденные под давлением властей уйти с захваченных мест, накалены страсти, кое-где отдельные лица стремятся им придать националистическую окраску. Сейчас приняты определенные меры, значительная часть «захватчиков» получила участки в отведенном месте. Конфликт погашен, но до полного его разрешения еще далеко. А все это можно было предусмотреть. И надо было.

Поэтому удивляет позиция отдельных должностных лиц, которую со страниц вечерней газеты выразил заместитель председателя Фрунзенского горисполкома А. С. Моисеев:

— Вот я семь лет учился в Москве, у меня была семья, и я тоже жил не в гостинице «Националь», но не стал захватывать землю... Даже в голову не пришла такая дикая мысль.

Ах, Александр Сергеевич...

**Степан РОМАНЮК**

# НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО

Виталий КОРОТИЧ

**Вопрос корреспондента информационного агентства КАТАРА:** ***Мой вопрос к обоим президентам. Париж и Москва с 1986 года выдвинули идею проведения международной конференции по Ближнему Востоку, и наверняка вы говорили об этом в последние два дня. Можно ли сказать, что вы решили совершить практические шаги, чтобы прийти к этой конференции после трех лет консультаций и контактов со всеми заинтересованными сторонами? Я хотел бы также знать вашу оценку «плана Шамира». Думаете ли вы, что этот «план» может способствовать проведению международной конференции или же, напротив, усложнит дело?***

**Ф. МИТТЕРАН:** ***По первому пункту. Мы действительно говорили о положении на Ближнем и Среднем Востоке. Мы напомнили наше общее стремление созвать международную конференцию в соответствии с процессом, который мы оба обозначили в 1986 году. Таковы наши действия. Но для созыва конференции с участием стран этого региона и постоянных членов Совета Безопасности необходимо желание всех. И вы прекрасно знаете, что некоторые до сих пор от этого отказываются. Мы будем продолжать настаивать, чтобы к нашему мнению прислушались.***

***Второй вопрос — о «плане Шамира». Как вы прекрасно знаете, будучи прекрасно информированными журналистами, г-н Шамир не соглашается на международную конференцию, поэтому я думаю, что ответ ясен.***

**М. С. ГОРБАЧЕВ:** ***Я могу согласиться с тем, что сказал Президент. Но, может быть, два слова добавлю от себя ввиду важности проблемы. Мы действительно считаем, что это один из старых, очень сложных международных застаревших региональных конфликтов. Он таит в себе огромную опасность. Огромную — не только для региона, но для всего мира. И то, что эта проблема присутствовала в наших дискуссиях,— еще одно тому подтверждение.***

***Г-н Президент сказал — и это отражает наше общее понимание,— что все же надо искать подходы к тому, чтобы выйти на международную конференцию. Это не исключает, что в рамках этого процесса могут быть и двусторонние, трехсторонние переговоры, встречи... Какие угодно. Но все же главное — конференция. И мы надеемся, что эта идея жива. Так или иначе движение идет к тому, что все стороны будут вынуждены признать разумность такого подхода. Я бы это подчеркнул. И это будет в интересах и арабов, народа Палестины, в интересах всех государств, вовлеченных в этот конфликт. Это будет отвечать и интересам безопасности Государства Израиль. То, чего мы хотим, будет отвечать интересам всего мира.***

***Что касается «плана Шамира», то я бы присоединился к тому, что сказал г-н Президент.***

**(Из пресс-конференции М. С. Горбачева и Ф. Миттерана в Елисейском дворце 5 июля 1989 года.)**

Происходящее на Ближнем Востоке тревожит до боли; рядом с нашим домом, в нескольких часах полета реактивного лайнера, в нескольких минутах полета ракеты, совсем у порога, идет война. Гибнут в основном не люди, взявшие в руки оружие; не солдаты, не партизаны — хоть убивают их тоже,— гибнут дети и женщины многих национальностей. Мы сочувствуем палестинцам, не уравниваем вину сторон, но результат разгоревшейся войны бесчеловечен. Нерешенные конфликты прошлого взрываются сегодняшней ненавистью, ненависть эта прорастает, простирается в будущее, в тот самый двадцать первый век, который все мы возмечтали увидеть столетием без войн. Каждый день, как сводки с фронтов ненависти, я читал в газетах сообщения о том, что вот еще одного убили, застрелили, зарезали, сбросили в пропасть — это стало до ужаса повседневным. И тем не менее нельзя привыкнуть к невозможному, нельзя забыть, что преступен солдат, застреливающий швыряющего камнями мальчишку; преступен партизан, уничтожающий беззащитных пассажиров автобуса. Насилие плодит насилие. И вот уже одна сторона захватывает заложников, затем другая тоже захватывает заложников. Следующим шагом становится казнь заложника. Что дальше?! Жизнь и смерть, мир и война стали неразделимы в здешней повседневности; при том, что необходимы-то людям мир и жизнь. Тем более странно было видеть все это — будто исторический антиурок — в стране, у народа, который больше многих других, особенно в нашем столетии, настрадался от геноцида и обязан знать, что сила ничего не решает в межнациональных спорах...

В иерусалимском Музее катастрофы Яд-ва-Шем недавно открыт памятник детям, невинно погибшим во время массовых убийств, осуществленных фашистами в годы последней мировой войны. Это один из самых впечатляющих мемориалов, которые мне доводилось видеть — я даже возмечтал, чтобы нечто подобное построить у нас, сэкономив чуть-чуть на одном из бесконечных конкурсов, где соревнуются не идеи, а бронзово-гранитные великаны и плакальщицы да еще авторы, позванивающие лауреатским металлом.

А ведь памятник может быть так прост...

Вначале: шершавая серость бетонных стен, расстояние между которыми сужается с каждым шагом. Только что это была широкая дорога, и стен вроде не было, и небо синело над головой; но стены взвысились, дорога превратилась в дорожку, солнце уже не проникает сюда, а небо синеет высоко и отчужденно. Еще шаг — и вступаешь во мрак, в кромешную темноту, где только светящаяся дорожка извивается тусклой лентой. Непроглядный мрак и светящаяся тропинка, уводящая в эту темень. Ведешь ладонью перед собой и нащупываешь с двух сторон перила — они не видны, но в них впиваешься, потому что дорожка по-прежнему чуть светится и кажется, что она пролегла над бездной, ведь кроме этой дорожки ступить некуда, все остальное, что под ногами,— черный, чернильный, абсолютный мрак.

Поднимаешь глаза и видишь, что перед тобой — Галактика. Первое же впечатление, что мерцающих звезд бесконечно много — миллиард, триллион, не знаю сколько — они везде, ими заполнено все пространство вокруг, ты чувствуешь себя отделившимся от корабля космонавтом и с каждым шагом погружаешься в звездную бесконечность — по едва светящейся дорожке с невидимыми перилами.

А Голос в это время не спеша перечисляет детские имена. Имя, возраст и город, где ребенка убили. Все. Иногда еще вздыхает хрипло невидимая большая труба — время от времени, астматически, протяжно. И опять — имя, возраст, город, где убили. Или название лагеря, где уничтожали детей.

До чего это просто и как трогает душу! Весь путь сквозь имена и звезды продолжается минут десять — это долго и мгновенно, как жизнь. Мне рассказали, что идею реализовал некий канадец; здесь сложная оптическая система, шесть постоянно горящих свечей и сложная система зеркал, обращающая свечное мерцание в звездный свет...

Когда видишь осмысленную и увековеченную трагедию, мемориал, неизбежно думаешь о необходимости предотвратить сегодняшние и завтрашние трагедии. А здесь не все просто. Когда в своей беседе для «Огонька» премьер-министр Государства Израиль говорит о необходимости переговоров, это можно только приветствовать. Но двусторонние переговоры, на которых настаивает он, не способны решить все проблемы. Палестинский вопрос в двусторонних переговорах неразрешим; противодействие многосторонней конференции, ему посвященной, лишь затягивает решение. Да и вопрос о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Израилем бесспорно связан с началом процесса урегулирования. Сдвинется с места процесс и нормализация пойдет по множеству направлений, это определенно. Но не все просто.

Один из первых, с кем довелось мне побеседовать в Иерусалиме, был Эбби Натан, миллионер, популярнейший в Израиле человек, владелец радиостанции. Эбби Натана вызвали в суд. Дело против непослушного богача возбуждено на том основании, что он нарушил закон, встретившись с Ясиром Арафатом, лидером ООП. «Чушь собачья! — кипятился Эбби Натан.— Наши руководители считают, что можно решать палестинскую проблему без палестинцев! Но я встречался и буду встречаться с палестинскими лидерами, потому что это необходимо моей стране, моему народу, потому что иначе мы не выйдем из застоя, не освободим заложников и, возможно, даже не выживем!..» Но повестка в суд уже получена, и Эбби Натан почти готов к тому, чтобы сесть в тюрьму на полгода и заплатить большой штраф. Для него дело не в деньгах — дело в политике; что касается денег, то недавно израильский миллионер пожертвовал большую сумму на восстановление разрушенных землетрясением районов Армении. «Денег не жаль, если они идут на укрепление, а не на подрыв отношений между народами!» — говорит Эбби Натан.

Бывший министр обороны Израиля Эзер Вейцман вполне конкретен. Он в свое время сделал все для того, чтобы состоялся мирный договор с Египтом, и горд этим: «Я воевал на всех войнах моей страны и скажу вам с генеральской прямотой: сегодня необходимо искать пути к миру не через силовое давление, а через переговоры. Ведь как прекрасно было это доказано во время недавнего визита вашего лидера Горбачева в ФРГ! Он приехал в страну, народ которой кое-кто стремился провозгласить вашим историческим и вечным врагом,— но какие дружеские отношения формируются сегодня! Вот урок!..»

«Вы что, считаете Израиль охваченным манией преследования? — прямо спросил меня министр иностранных дел Моше Аренс.— А пять войн с арабами за несколько десятилетий? Это ничему не учит? Безопасность страны превыше всего! Это никакая не шизофрения, а выстраданная политическая линия, и никаких переговоров с ООП не будет...»

В Израиле все говорят о войне и мире. Ничего странного: завязнув в трясине бесконечных боевых конфликтов с арабскими соседями, не признанный многими из них до сих пор, сорокалетний Израиль все больше пропитывается надеждой, ненавистью, беспокойством, болью. Тревога разлита над полями выигранных и проигранных сражений, над посеянными и сжатыми полями, над виноградниками и полигонами. Здесь очень тесно: если бы какая-нибудь страна региона обрела ядерную бомбу и вздумала ее взорвать — погибли бы все сразу; здесь тесно, здесь негде развернуться, а ненависть развернулась в этой колыбели нескольких культур и религий особенно привольно. Мнения и события схлестываются сегодня со всей непримиримостью, а век наш изнемогает в поисках компромиссов. Серо-желтые каменные дома вечного Иерусалима похожи на крепости. Возможно, это от вросшего в повседневность образа мыслей и жизни, где расстояние между мирным и военным временем стерто напрочь; а может — от близости пустыни, подразумевающей окна-бойницы, не столько открытые к солнцу, сколько спасающие от него. Здесь смешаны времена, народы и новости. В городе обычным является прием на телеэкранах двух израильских программ, двух иорданских, а во многих домах и — сейчас это модно — двух советских. Разницы в поясном времени почти нет (с Москвой всего один час, как в Тбилиси), поэтому столь разные интерпретации новостей наползают друг на дружку, споря, множа беспокойство, заставляя задумываться над тем, как же сложится жизнь здесь, в одной из колыбелей человечества, в одной из самых важных и жарких точек земного шара, в стране, одним из первых защитников и основателей которой был именно Советский Союз, прервавший с Израилем отношения более двадцати лет назад.

Впрочем, сегодня в тель-авивской гостинице «Рамада» обосновалась советская консульская группа. Такая же группа израильских дипломатов бросила якорь в московской гостинице «Украина». Налаживаются мосты между учеными двух стран, деятелями культуры, врачами, рассматривается вопрос о том, чтобы люди, выбывающие от нас в Израиль на постоянное жительство, могли, если хотят, сохранить советское гражданство. Впрочем, эмигранты пока еще летят с пересадками, прямого сообщения между нашими странами нет. Разве что запомнилось сотрудничество с израильской полицией в поимке преступников, угнавших советский самолет. Недавно состоялся спецрейс Ереван — Тель-Авив, которым израильская авиакомпания Эл-Ал доставила для лечения к себе в страну пострадавших при землетрясении.

Многое спуталось, но многое и стабильно. Говорят, что израильская бюрократия по твердолобости сравнима лишь с нашей отечественной и так же боится международного уже термина (а, вернее, смысла его) «перестройка». Впрочем, многие здесь продолжают считать русский язык родным, и на газетных стендах я насчитывал немало русскоязычных изданий, был в книжном магазине, торгующем в Тель-Авиве советскими книгами и журналами, много раз слышал на улицах русскую речь. Это внешний, легкий слой узнавания. Но когда в Беер-Шеве, университетском городе в пустыне Негев, мне показали сад, взросший на мертвых вчера песках, поводили по институту, изучающему проблемы пустынного земледелия и многого достигшему, я пожалел, что не было со мной никого из Узбекистана или Туркмении. Почему, собственно говоря, специалисты из Беер-Шевы едут налаживать земледелие в пустыни Кении, а не к нам в Кара-Кумы? Владеющих русским языком специалистов в институте предостаточно — один из них сразу же разыскал меня и так подробно расспрашивал о делах в Союзе, что я не удержался и спросил: «А согласились бы вы свой опыт передать людям где-нибудь в Голодной степи, у нас?». «Хоть завтра,— выдохнул мой собеседник.— Мы ведь вправду изучили здесь многое, что в СССР было бы кстати, и можем объяснить, показать — я ведь учился в Уфе и в Москве. Может быть, следом за культурным обменом углубится и научное, деловое сотрудничество...»

Может быть. Открыли же мы в Москве выставку вчера не признаваемой и в упор не различаемой Южной Кореи...

В июле в Израиле выступал рижский балет, в сентябре приедут танцевать звезды Большого, поздней осенью — московские театры имени Ленинского комсомола и с Таганки. Знакомые журналисты попросили меня сфотографироваться с ними у большой афиши, сообщающей о заканчивающихся гастролях Геннадия Хазанова и начинающихся Эдиты Пьехи. Будто две струи смешивались в реке дружелюбия и заносчивости, желания отделиться от всех и желания быть поближе с разными народами и культурами. Да, в это время чудовищные события происходили на оккупированных территориях, время от времени можно было увидеть, услышать и прочесть сионистского экстремиста. Но в эти же дни острейшие дискуссии происходили в правительстве, отражая настроения, сложившиеся в стране. Я встретился с руководителями Коммунистической партии Израиля во главе с генеральным секретарем ее Меиром Вильнером, и тот рассказывал, как коммунисты ведут парламентскую борьбу, что делают для нормализации жизни на оккупированных территориях, как в Назарете (да, да, в том самом, библейском) мэром избрали коммуниста. Вильнер недавно был в Москве и с восторгом говорил о нашей перестройке, твердя о необходимости перестройки в Израиле. Тезис этот я слышал от многих: «Нужны перемены, нужна перестройка, надо бы по-другому...»

Но страны наши не поддерживают дипломатических отношений по-прежнему с 10 июня 1967 года. Евреи-эмигранты получают визы в голландском посольстве в Москве, представляющем в СССР интересы Государства Израиль.

Мне очень обидно, что они уезжают. Тому много причин, и мало у кого из эмигрантов я встречал откровенную нелюбовь к покидаемому советскому дому, как главную причину отъезда.

Да, бесспорно, террор на оккупированных территориях не приносит ни покоя, ни радости, ни славы; людям, съехавшимся в Израиль со всего света, получают сложнейшее политическое наследство, окунаются в ненависть, разлитую здесь не ими и не сегодня, но, судя по всему,— надолго. Люди едут в Израиль на всю оставшуюся жизнь, но, сменяя одни заботы на другие, далеко не всегда обретают немедленное счастье. Оглядываясь вокруг, перечитывая написанные и изданные израильскими эмигрантами газеты и книги, убеждаешься в неизменности давнего тезиса о том, что всякий выбор подлежит осмыслению. Я не хочу здесь возвращаться к одной из любимых тем прежнего «Огонька», снисходительно измывавшегося над эмигрантами, да заметки эти и не ставят перед собой цели выяснить и немедленно уточнить все обстоятельства. Я говорю о том, что нельзя, не надо упрощать, вульгаризировать, разделять неправдой. Да, я видел на улицах израильских городов и по телевидению религиозных или сионистских экстремистов, чьи митинги выглядели точь-в-точь, как патриотические радения «Памяти»: полюса смыкаются. Но считаю необходимым подчеркнуть, что узколобость никого не делает уважаемей и понятней; истерическое юдофильство так же, как истерический антисемитизм,— род духовного сальмонеллеза, эпидемия которого не смертельна, но все еще очень опасна. Это социальная болезнь, и возбудители ее были и есть социальны: крайне важно остановиться, оглянуться, понять это.

Боль, неутоленная жажда справедливости, ностальгия, вековые обиды представителей многих народов сплелись в очень опасный клубок на Ближнем Востоке, и рано или поздно нам надо начать анализировать у себя в периодике этот клубок разнообразно и всесторонне. Наше государственное неприятие того, как Израиль государственно строил и строит свои отношения с палестинцами, нескрытно и широко известно. Это отношение разделяют много стран мира, думаю — большинство. Но разговаривать, выяснять отношения со всеми конфликтующими сторонами все равно надо, искать выход необходимо. Даже если отношения между странами немыслимо далеки от ситуации, изображенной на желто-красной банкноте в десять шекелей: вскоре после Победы радостные москвичи приветствуют первого израильского посла в СССР Голду Меир. Все давно уже не так просто, много воды утекло с тех пор в Москве-реке. И все равно мы не безразличны к происходящему; не имеем права на безразличие.

Кроме самых непоколебимых сторонников «твердой линии» в правительстве Израиля, мало кто верит, что нынешняя ближневосточная ситуация разрешима, если из попыток улучшить ее будут устранены другие государства, в частности, те, что традиционно зовутся великими, все те, кто так или иначе замешан в клубящемся здесь конфликте. Вопрос этот беспрерывно обсуждается в Израиле и далеко не однозначно трактуется даже в самом правительстве, которое не раз уже бывало в кризисе именно из-за того, что расходились мнения по поводу отношения к правам палестинцев, по поводу оценок мирового общественного мнения об Израиле и его политике. Хочу дальше предложить вашему вниманию ряд вопросов, которые я задал двум самым авторитетным и влиятельным руководителям сегодняшнего Государства Израиль. И. Шамир и Ш. Перес представляют разные партии, разные политические блоки страны: Ликуд и Маарах. С первых дней независимости у власти в Израиле постоянно были лейбористы, партия труда, возглавляющая блок Маарах. Но в 1977 году на выборах впервые победил оппозиционный блок Ликуд во главе с М. Бегином. Ситуация страны, и политическая, и особенно экономическая, резко ухудшилась, нарастала инфляция. В 1983 году М. Бегин ушел в отставку, а в 1984 году парламентские выборы уже не дали преимущества ни одному из блоков. После долгих переговоров лидеры блоков решили создать единое правительство, возглавляя его по очереди. Вначале премьер-министром стал лидер Маараха Шимон Перес, а ликудовец Ицхак Шамир стал его первым заместителем — министром иностранных дел. Затем поменялись местами: И. Шамир занял премьерское кресло, а Ш. Перес стал первым заместителем — министром финансов. Союз этот крайне нестабилен, взрываясь конфликтами на уровне, приближающем правительственный кризис, требующем постоянного внимания к тому, что происходит в Израиле от многих миллионов людей — уж очень горяча эта точка на карте мира, требующая к себе заинтересованного, повседневного, очень серьезного и доброжелательного интереса. Нашего — в том числе.

Понятно, что советская страна никогда не примет шовинистической, агрессивной политики Израиля в отношении арабов — из-за нее и были расторгнуты в свое время дипломатические отношения. Но современные политические реалии требуют гибкости, умения спорить; мы овладеваем этим искусством, зачастую усиливающим, а не снижающим государственную принципиальность. Трудно сказать, как разовьются события в дальнейшем — вы прочтете сейчас интервью, в которых израильские лидеры по-разному относятся к идее международного разрешения ближневосточных конфликтов, а премьер-министр страны и вовсе не спешит пригласить нас к участию в переговорах. Но теперь, когда международная общественность понимает все четче, насколько опасен ближневосточный пожар, ответственность каждой из сторон возрастает многократно. Важно понять ее, эту ответственность. И действовать.

## На вопросы «Огонька» отвечает премьер-министр Государства Израиль Ицхак ШАМИР.

***— Господин премьер-министр, расскажите, пожалуйста, о себе. Хочется понять, что за деятель возглавляет сегодня правительство Израиля...***

— Стоит ли? Может быть, начнем с вопросов?

***— А это и есть вопрос. Хочется, чтобы читатели смогли лучше представить себе вас, очень влиятельного израильского политика. Если хотите, я чуть изменю вопрос: с какими лозунгами, с какими идеями сподручнее идти в Израиле к вершинам власти? Какая политическая линия, какая судьба привела вас в кабинет премьер-министра? Что вы предложили своему народу, дабы он предложил вам этот пост главы правительства?***

— Я родился в маленьком польском городишке в еврейской среде. Очень еврейской. Учился в еврейской школе, а затем, проучившись год в Варшаве, решил эмигрировать в Палестину. Дальше: борьба в подпольных организациях. Разные формы борьбы. Англичане арестовывали меня не раз, депортировали в Африку. Я удирал из-под ареста, работал в подполье, веря в Государство Израиль, и дождался времени, когда стал его гражданином. К мирной жизни в ту пору я не был готов и перепробовал немало профессий. Затем работал в разных организациях молодого государства, был в политической жизни, уходил в бизнес. Затем сосредоточился на политике, был избран депутатом парламента (кнессета), через год стал спикером кнессета. Мне довелось быть министром иностранных дел в правительстве М. Бегина, а когда он ушел в отставку — премьер-министром. В Израиле выборы не личностные, здесь партийные, а не личные программы, людей не агитируют голосовать за Шамира. Это не так, как в Америке, у нас другая традиция, мы агитируем за политические позиции. Личной конкуренции кандидатов на выборах у нас нет. У меня сложилась репутация человека, твердо следующего своим принципам и в то же время прагматичного. Вот моя визитка (последнее слово И. Шамир произносит по-русски).

***— Спасибо. Давайте будем прагматичны, раз это вам не чуждо. Тем более, что в современной мировой политике многое направляется прагматизмом — даже в проблемах войны и мира. Об этом я и хочу спросить. Как в политике вашей осуществляются идеи мира, мирного сосуще-***

***ствования, столь необходимого сегодня вашей стране? Я согласен с вашей самооценкой: судя по всему, у вас и вправду репутация политика жесткого, несговорчивого. Впрочем, политик должен иметь твердое мировоззрение. Но все же гибкость тоже ценное качество. Как вы ее проявляете? Я ведь спрашиваю не вообще, имею в виду конкретные сегодняшние проблемы, в том числе палестинскую...***

— Я уже сформулировал план мирных инициатив. В конфликте участвуют арабский мир и Израиль. Называют это конфликтом международным, палестинским вопросом, а я всегда помню, что в наших исторических книгах, в Библии, эта земля зовется землей израильской. Весь конфликт — вокруг этой маленькой земли, небольшой страны. Она и вправду очень мала географически, но мы верим, что она наша, принадлежит нам три или четыре тысячи лет. Арабы с той же убежденностью считают, что эта земля — их. Как же разрешить конфликт? Есть два пути: конфронтация или переговоры. На путях конфронтации приобретен огромный опыт: было много войн, экономических конфликтов и тому подобного. Опыт говорит, что на путях конфронтации достичь окончательных результатов не удастся. И тем не менее противостояние нарастает, ему не видно конца. Я настаиваю на пути переговоров, потому что решение должно быть найдено, решение, приемлемое для обеих сторон. Как найти формулу такого решения — надо мобилизовать всю энергию для таких поисков. Вот каково мое кредо.

***— Значит, только мирное решение?***

— Конечно! Конечное мирное решение. В нем и единственный смысл переговоров. У земли этой древняя история, но Государство Израиль молодо, ему всего 41 год. Это ничтожный исторический срок, и весь он переполнен опытом войн. Мой собственный сын участвовал в трех войнах — сколько можно?! Я определенно решил идти по дороге переговоров, достичь на ней всего, чего можно...

***— И вы считаете, что в нынешней ситуации можно достичь конкретных результатов именно в переговорах, предложенных вами?***

— Мы считаем, что переговоры должны идти по двум каналам. Первый: отношения Израиля с арабскими странами (кроме Египта, с которым у нас уже есть мирный договор). Мы ведь со всеми арабскими странами, кроме Египта, пребываем в состоянии войны, даже теоретически. Пришло время нормализировать это положение. Надо нам собраться со всеми государствами региона, со всеми арабскими соседями и поискать формулу мира. Второй канал — переговоры с палестинцами, поиски мирного решения с ними. Надо решить проблему лагерей беженцев, они ведь здесь с 1948 года,и там живет около 350 тысяч людей. Эти проблемы: и политическая, и гуманитарная, решив их, можно резко улучшить положение дел в регионе. Вот это главные вопросы, по-моему. Мне кажется наиболее удачным путь, основанный на прямых переговорах между заинтересованными сторонами, лицом к лицу, без посредников. Я не верю в посредников, даже если они из ООН. Конфликт — между Израилем и арабами — значит переговоры и встречи тоже должны идти между ними...

***— А СССР и США? Нужно ли, по-вашему, их участие в переговорах?***

— Все страны мира, особенно супердержавы, если они хотят привнести согласие в этот регион — да приложат к тому усилия! Но я хочу только прямых переговоров и только с арабами. Я буду рад, если руководители вашей страны повлияют на дружественных вам арабов, чтобы те приняли наши предложения...

***— Но, как вы знаете, между представителями СССР и США идут постоянные переговоры по событиям на Ближнем Востоке, в том числе и сейчас в Вашингтоне. Считаете ли вы их важными, верите ли, что мир в этом регионе может быть достигнут без помощи великих держав?***

— Вы объединили два вопроса в одном. Прежде всего нам очень по душе улучшение отношений между СССР и США. Это всем необходимо, кто хочет мира без войн. А что касается помощи супердержав процессу урегулирования на Ближнем Востоке, то пусть помогут прямым переговорам между Израилем и арабами. А с ООП мы переговоры не готовы вести, так как считаем, что в мире с нашим участием ООП не заинтересована. Поэтому мы с ними говорить не будем, а с арабскими странами будем, даже с теми, где преобладают экстремистские настроения. Будем разговаривать и с палестинским арабским населением здесь...

***— Ну что же, это достаточно твердая программа, и чувствуется, что вы в нее верите. И все же пытаюсь понять, как удастся выкарабкаться из этой пропасти. Я прекрасно понимаю, что это, так сказать, «ваша яма», но многие страны мира не могут позволить себе безразличия к происходящему здесь, стремятся посильно участвовать в разрешении конфликта. Вы ведь сами из Европы, которая настрадалась в войнах, это и часть вашего личного опыта. Вспоминаете ли вы, принимая решения, свой путь, думаете ли о России, Советском Союзе, о том, насколько важна не только для жителей этого региона нормализация жизни в нем?***

— Я никогда не посещал России, но немало знаю о вашей жизни. Для меня лично в том, как сложился мой путь, многое связано с революцией, происшедшей у вас в стране. Это и память о друзьях детства, юности, среди которых были и коммунисты. Мы много спорили, но все верили, что СССР поддержит идею независимого еврейского государства. Мы верили в это еще до известного заявления А. А. Громыко в ООН в ноябре 1947 года. Ваша страна была окружена здесь великой симпатией, и это было время великой радости для нас. Дальше было по-всякому. В уже названном мной конфликте Советский Союз поддержал арабов. Это его официальная позиция до сих пор. Сегодня мы бы хотели, чтобы СССР пересмотрел некоторые свои подходы. США на Ближнем Востоке в более выгодном положении: у них отличные отношения с нами и в то же время отличные отношения с большинством арабских государств. Ваша страна имеет хорошие отношения с рядом арабских стран и не поддерживает дипломатических отношений с нами. Свободный, открытый диалог с СССР затруднен. Со многими европейскими странами у нас есть расхождения, разногласия, но при всем том — хорошие двусторонние связи. Мы хотим, чтобы Советский Союз нормализовал отношения с нами и мы повели свободный, открытый диалог. Страны могут быть несогласны по целому ряду вопросов, но при этом могут оставаться хорошие, даже дружеские отношения между ними. Нам хотелось бы иметь отношения такого рода с Советским Союзом и социалистическими странами. Мне довелось встречаться и беседовать с Э. А. Шеварднадзе, но этого мало. Наш диалог должен быть непрерывен, постоянен, чтобы мы понимали друг друга лучше. К советским людям, к вашей культуре у нас в стране огромные интерес и уважение. Ваш вклад в историю человечества, в цивилизацию велик. Наши отношения должны нормализоваться, чтобы мы встречались, обменивались взглядами, разговаривали, кооперировались, торговали. Почему нет? Надо развивать наши отношения.

***— Заканчивая интервью, я хочу спросить, не хотите ли вы передать советским людям что-либо, обратиться к ним?***

— (После паузы) Я вас люблю... (произносит фразу по-русски).

***— Спасибо за интервью.***

**На вопросы «Огонька» отвечает первый заместитель премьер-министра Государства Израиль Шимон ПЕРЕС.**

***— В последние годы вы, господин Перес, были членом правящей коалиции, высказывая коллективные позиции, отстаивали совместные предложения. Наверное, это не очень легко для самостоятельно мыслящего политика. Какие ваши личные взгляды на сложившуюся в вашей стране ситуацию, на то, как она соотносится с мировыми процессами?***

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что за последние четыре тысячи лет еврейский народ неоднократно был угнетен, но мы никогда не становились нацией угнетателей. Все те, кто уничтожал, угнетал наш народ, бесславно исчезли. Почему же у нас находятся желающие подражать им? Наши традиции и философия должны подсказать нам компромиссные решения, мы сегодня обязаны искать компромисс. В данном случае — компромисс между желанием палестинцев иметь свое государство и желанием Израиля жить в безопасности. Мы должны демократизировать разрешение конфликта, прислушиваясь к народным мнениям с обеих сторон. Здесь позволю себе сказать об огромном впечатлении и влиянии, производимом демократическими процессами в вашей стране, в частности демократизацией вашей внешнеполитической жизни. Подобные преобразования можно осуществлять, опираясь на силу народного большинства, на избранное им демократическое правительство...

***— Пожалуй, это вообще решающий пункт, определяющий момент во многих проблемах современной политики: умение определить народную волю и руководствоваться ею. Как вы считаете, возможен ли в этой части планеты мир, основанный на столь высоких принципах? Мир, когда конфликтующие стороны садятся к столу переговоров и договариваются между собой? В связи с этим я хотел бы знать, считаете ли вы необходимым участие великих держав в этом процессе?***

— Я начну с откровенного признания, что современные войны обходятся слишком дорого — кроме прочих своих пороков. В связи с этим хотел бы напомнить, что проиграть войну сегодня можно и не участвуя в ней; это относится и к СССР, и к США, и к Израилю. В течение многих лет великие державы поставляли в этот регион оружие, а не мир. А по-моему, сверхдержавы должны прежде всего помогать экономическому развитию других стран. Ведь в сегодняшнем мире экономических границ не существует. У нас есть документы, удостоверяющие ту или иную государственную принадлежность, но экономические барьеры и пределы — нечто иное. Существует местная экономика, региональная экономика, и, оперируя экономическими рычагами, можно многое повернуть. Отношения в сфере международного экономического сотрудничества крайне важны...

***— А в сфере культурной?***

— Они традиционны! Сколько пришло сюда из России! Не перечесть: песни, многое в образе жизни, традициях, даже в привычке к пространному изложению своих мыслей... Даже то, как мы выглядим: продолжение выработанных в России привычек...

***— Несколько лет назад вы были премьер-министром. Исходя из интересов коалиции, вы перешли на второе место в правительстве. Осталась ли у вас тоска по тому, что могли сделать, да не сделали, есть ли идеи, которые хочется осуществить немедля?***

— В отношениях между нашими странами?

***— В том числе. Но возьмем чуть шире, в вашей политике вообще. Что надо бы сделать, да не сделалось?***

— Во внутренней или внешней политике?

***— Везде. В попытках изменить жизнь.***

— Начнем с Израиля. Надо поразмыслить о традиционно израильских формах организации труда, о таких, как кибуцы, где сочетаются коллективная ответственность и личная свобода. Дело в том, что для нас, лейбористов, изучение таких форм принципиально важно. Мы постепенно принялись за улучшение наших отношений с Советским Союзом. Сейчас можно подумать о разрешении тех проблем, которые не давались нам прежде. Кстати, мне кажется немаловажным, что наша партия — член Социалистического интернационала...

***— А что такое социализм для вас?***

— В коротком ответе я могу лишь констатировать, что социализм чрезвычайно важен для человеческой цивилизации. Это система критериев, но и система ценностей. Социализм устремлен к международному взаимопониманию, солидарности, миру, свободе, равенству...

***— И, по вашему мнению, социалистическая система ценностей популярна в Израиле?***

— Израильские идеологические небеса основательно затемнены проблемами войны и мира. Это уводит в сторону немало оценок, умственных ресурсов и усилий страны. В отличие от ряда других социалистических партий наша партия не ограничивается одной социальной программой — мы боремся и за политическую власть в стране. Это иначе, чем, скажем, во Франции, где многие левые выступают против существующего государства, а правые — против механизма управления им...

***— Наш опыт социалистического строительства, как вам известно, во многом отличен от вашего, но в конечном счете высшие устремления каждого народа все равно — к миру и благополучию. Да и судьбы народов сплетены между собой. Если бы у вас была возможность сейчас обратиться к советским людям, что бы вы сказали им?***

— Величайшая слава и величайшая трагедия ваши возникли при столкновении чистейших надежд и устремлений, вспомним хотя бы Льва Толстого, слишком уж механистически понятого марксизма. Сразу же хорошую смесь получить не удалось. Поэтому мне понятны и симпатичны ваши сегодняшние усилия освободить социализм от тоталитарных наслоений. Вы ведь такой великий народ! И ваш путь сквозь все надежды и разочарования хорошо виден всем. Вы пришли к необходимости исправить, откорректировать его. Это увлекательнейшая работа, и у вас достаточно сил для нее. Надеюсь, это будет новая смесь: удовлетворенные экономические потребности, свободный дух... Ваши процессы изменяют, преобразуют мир. Если вы добьетесь успеха, еще яснее станет нелепость войн, но исторически такая задача очень сложна. Сегодня, когда мы судим человечество, то зачастую примеряем его к своим собственным мечтам... Мы многое почерпнули из русского опыта, многому у вас научились. Наше образование немыслимо без Толстого и Пушкина, которых читали и читают здесь; русские мелодии звучат по всей стране. Для меня очень важно знать, что сказал Горбачев и какова позиция Шеварднадзе, мы понимаем важность этих высказываний для Израиля. Думаю, что время должно было призвать у вас такую личность, как Горбачев. Это ведь не только он преобразует время, а преобразовывающееся время призывает лидеров, таких, как он. Исторический материализм... Я хочу быть оптимистом. У нас появилась возможность жить в мире без войн; возможно, мы будем счастливее. Должны быть.

***— Спасибо за беседу, господин Перес.***

Если попытаться коротко, одной фразой определить самую суть того, что происходит сейчас с нашей литературой, я бы назвал это **торжеством гамбургского счета**.

«Гамбургский счет — чрезвычайно важное понятие... Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов...

Гамбургский счет необходим в литературе. По гамбургскому счету Серафимовича и Вересаева нет. Они не доезжают до города. В Гамбурге — Булгаков у ковра. Бабель — легковес. Горький — сомнителен (часто не в форме). Хлебников был чемпион». (Виктор Шкловский. Гамбургский счет. 1928).

С конкретными оценками В. Шкловского («Бабель — легковес», «Булгаков — у ковра») соглашаться необязательно. Но что правда, то правда: гамбургский счет в литературе на самом деле **необходим**. Сегодня — более чем когда-либо, поскольку «приказания антрепренера» никогда прежде не оказывали такого мощного и разрушительного действия на литературный процесс, как в те шесть десятков лет, что отделяют наш сегодняшний день от тех времен, когда Виктор Шкловский выдвинул эту свою идею.

Следует, однако, отметить, что при всем своем великолепном пренебрежении к установившимся авторитетам Шкловский все-таки не посмел объявить чемпионом никого из живых своих современников. Хлебников, которого он короновал этим титулом, к тому времени был уже мертв, а канонизация покойников — дело сравнительно безопасное.

«Гамбургский счет» Виктора Шкловского был написан в 1928 году. А годом раньше вышел в свет первый сборник рассказов одного из самых замечательных писателей нашего века — Андрея Платонова. К тому времени уже были написаны такие его вещи, как «Происхождение мастера», «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Город Градов», «Ямская слобода». А вскоре (годом позже) были закончены лучшие книги Платонова — «Чевенгур» и «Котлован», лишь сейчас, в наши дни, дождавшиеся опубликования на родине писателя.

Разумеется, я это говорю не в упрек Шкловскому (он, кстати, одним из первых заметил Платонова и написал о нем в своей книге «Третья фабрика», 1926 г.). Уж, во всяком случае, не его вина, что истинный масштаб писателя Андрея Платонова, истинное его место в истории нашей литературы стали очевидны лишь сегодня.

В 1929 году появился рассказ Платонова «Усомнившийся Макар», вызвавший гнев самого Сталина. А. Фадеев, исполнявший в то время обязанности ответственного секретаря журнала «Октябрь», в котором рассказ был напечатан, писал по этому поводу в письме к Р. С. Землячке: «...Я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина,— рассказ анархистский...»

На опубликованной двумя годами позже в журнале «Красная новь» повести Платонова «Впрок» Сталин, как говорят, собственноручно начертал: «Сволочь!» Чугунная тень этого верховного приговора повисла над Платоновым и давила его всю жизнь.

О том, что **именно** в книге Платонова вызвало неудовольствие и гнев вождя, свидетельствует статья о писателе, помещенная в 8-м томе «Литературной энциклопедии» (1934). Вот что там говорится:

«В рассказе «Усомнившийся Макар» автор, критикуя советский бюрократизм, обнаруживает непонимание сути Советского государства как органа диктатуры пролетариата и проводит политически ошибочные тенденции. Советский госаппарат показан не как форма участия рабочих и крестьян в управлении страной, а как механический аппарат принуждения, нивелировки человеческой личности. Объективно роман Платонова подкрепил тот наскок на партию и пролетарскую диктатуру, который велся троцкистами. «Впрок» дает неверное представление о сущности коллективизации...» и т. д.

Затравленный, вычеркнутый из литературы, обреченный на нищенское существование, он продолжал работать, ни на йоту не поступившись своей писательской сущностью, своим художественным зрением, своим пониманием окружающей его действительности и отношением к ней.

Рассказывая о своей встрече с Г. К. Жуковым, Елена Ржевская с горечью констатирует, что, написав поначалу честные и правдивые мемуары, под давлением «высших сил» маршал сильно исказил их, поступившись первоначальным замыслом. «Он не соразмерил,— замечает она,— барьер выносливости с такой катастрофой, как неразрешение на выход книги».

В 1929 году была запрещена к печатанию главная книга Платонова — «Чевенгур». По приказу свыше набор книги был рассыпан. Надо полагать, это было для Платонова никак не меньшей катастрофой, чем для маршала Жукова «неразрешение на выход» его мемуаров.

Что же это? Неужели измученный, смертельно больной Платонов был «сотворен» из более крепкого и прочного материала, чем герой самой страшной из войн, какие знала история?

Я думаю, дело тут не только в мужестве, в крепости и несгибаемости духа. Платонов просто **не мог** изменить себе, даже если бы хотел.

Читая письма Андрея Платоновича с фронта к жене, его записные книжки, поражаешься, как неотличим словесный и синтаксический строй каждой фразы от словесного и синтаксического строя платоновской художественной прозы. Платонов просто не умел писать иначе. Научиться этому было для него так же невозможно, как научить свои больные легкие вдыхать углекислый газ и выдыхать кислород.

# О ПОТУХШЕЙ ЛАМПЕ ИЛЬИЧА

**Андрей ПЛАТОНОВ**

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

## 1

Моя фамилия Дерьменко. Идет она от барского самоуправства, будто бы предки мои в давнее время с голоду ели однажды барские тухлые харчи — дерьмо, оттуда и пошло Дерьменко.

Наше село Рогачевка от города шестьдесят верст; расположение имеет вкось по реке Тамлыку, что втекает в другую речку Усмань.

По преданию говорят, что Тамлык, иначе сказать Тимурлык, по-татарски значит маленький сын Тимура. А Тимур, как исторически известно, был предводитель татар, кои в старые времена здесь скакали по степям и пользовались их сладкими травами для своих коней. А Усмань у татар значит красавица. И вот будто бы Тимур влюбился раз в степную красавицу гречанского роду, родил от нее сына Тимурлыка и ускакал бить балканцев. Гречанка от горя иссохла и умерла вместе с сыном-ребенком; вернувшийся Тимур так затосковал по своей скончавшейся любимой семье, что велел войску своему и пленным горстями насыпать два памятных кургана, а сам Тимур носил и сыпал землю мечом.

И до сей поры у нас есть два жутких холма — один побольше, другой поменьше. Уже давно стерлась тоска в сердце Тимура, а курганы все стоят, и их не стерли ни ветер, ни вода.

Вот что значит сердце человека!

Когда я гляжу на эти курганы, у меня начинается тоска,— и я чувствую в себе добросовестность.

Вот на этом знаменитом месте стоит наша Рогачевка — небогатое село.

От помещика Снегирева остался у нас сад в пятнадцать десятин — хороший сад, и дерева не старые. А как стало им пользоваться общество, вижу — гибнет сад: ни окопки, ни обмазки, никакого хозяйственного ухажерства,— плод еще зеленый, а уж ребятишки все вдрызг обломали, оборвали и поносом изошли.

А зимой зайцы кору лущат — еще год, другой — и усохнет сад, и пропадут чудеса его плодородия.

Думал я сильно, за всех, и враз схватила меня догадка:

— Надобно крепкую, мудрую артель — и взять у общества сад. А мужики подходящие есть.

И еще было у меня мечтание — построить у нас на Рогачевке электростанцию, и чтобы при ней была мельница с просорушкой и обойкой. Это было бы очень способно для крестьян. У нас стоят семь ветрянок — все у кулаков; берут по четыре фунта с пуда, да еще когда ветер, а в летнее время ветры жидкие,— иной раз с голоду насидишься, хоть и есть зерно. Да и электрический свет даст селу интересное увлечение.

Сам я проходил в красноармейцах курсы электротехники сильных токов, а брат мой тоже любитель этих делов и знаток своему разуму. А до службы

в войске я пять лет трубил линейным монтером на городской электрической станции, оттуда у меня и пошел интерес ко всяким механизмам и таинственности, с той же поры скучно мне на деревне и напрасной кажется бедность ее.

Собрал я артель, вышел на сходе и говорю мужикам:

— От барского сада нету нам прибытка, кроме как ребятишки по картузу зелени нарвут. А сад ведь, граждане, гибнет — то ведомо всем. Отдайте нам сад,— говорю.— Только пять лет мы вам ничего платить не будем, а зато сад приведем в показательный порядок и электрическую станцию вам построим с линией и вводами на сто дворов, а дальше сами тяните (я уже подсчитал про себя, сколько даст сад и сколько стоит станция). При станции же оборудуем мельницу с камнем на девять четвертей, просорушку и обойку для пеклеванной муки. И все это добро передадим, кому общество укажет, а лучше кредитному товариществу — на правильное пользование. А по изжитии пяти годов и сад вам в целости предоставим, либо аренду будем должее держать,— это,— говорю,— как вам угодно будет.

А меня влекла не только полезность дела и свое пропитание, но и интерес к жизни — советское строительство.

Тут пошел гам и обсуждение предложения.

— Брось,— говорят.— Ефимыч, не твоего ума это дело. Погорим от твоего электричества...

— Фролка, а каково твое обеспечение, где залоги возьмешь? Аль обчество дуриком отдаст тебе сад?

— Набрался газу в городе, умней всех стал!..

— Не трожь напрасно: Фрол — городской парень, он и ране был по разуму ходовитый...

— Жрал сто лет дерьмо, на яблошные харчи хочешь...

— Знаем мы этих изобретателев — землю липистричеством мазать хотят, дожжу пущать...

— Оно любопытно, только ни хрена не выйдет: тут иностранец нужон...

Вышел здесь председатель сельсовета, мужик здравый и в зрелых летах:

— Тиш-ша! Пулеметы, гуси-лебеди! Девки, брось зерна грызть! Кузьма, отставь от себя брехню и агитацию... Граждане, садом нам не владать все едино, не к рукам он нам, а Фролка на глазах будет,— ежели што, враз водворим на его усадебное место... Рыска я не вижу, а посулы Фролкины — не обида...

Обломались к вечеру мужики — сдали нашей артели сад на пять лет. Все буквально в протоколе отметили, и расписались мы всей артелью казенным почерком с фигурами. Один из артели нашей, Прошка Кузнецов, сумел лебедя вывести, даже председатель сельсовета, который видел сзади, как Прошка старался, сказал ему:

— Да будет тебе, Прокофий, мудрить на официальной бумаге: ты не шуточное дело делаешь и собрание задерживаешь...

## 2

Осенью было дело. Грузно нам пришлось зимовать: харчей мало, артельщики — люди без избытку, одежи нет, тот же Прошка зимой и летом ходил в железных калошах, которые сам сделал,— в холодное время у него, говорят, пот на ногах мерз. Однако с весны до самых плодов не посидели — суетливое дело сад.

Прошла завязь, а потом плод, еще хуже стало — лезет вся деревня к нам. Сколько тут скандалов, сраму было, день и ночь не очнешься. Да ведь не ребятишки донимали: сурьезные мужики ломились за яблоком.

Захватишь и говоришь:

— Да ты бы попросил, Фома, я бы тебе дарма насыпал.

— Да я и не лез,— говорит,— я бадик сломить зашел. Нужон твой сад, хозяин нашелся! Выгоним скоро обратно: обчество говорит, урожай хорош.— Фролку долой с нашего имущества!

А раз захватили милиционера и секретаря Совета с двумя битыми мешками: что тут делать будешь? Хотел я усовестить — куда тебе!

— Мы,— говорят,— не себе, а детдому.

— Так чего же,— спрашиваю,— нам сперва не заявили, предписания не дали — ведь мы организация.

— Молчи,— отвечают,— мы знаем, что делаем, не суйся в административные мероприятия!

Тогда Прошка (который и захватил их), слова не говоря, хрясь ладонью милиционеру в ухо, ляп железной калошей секретарю в спину. И так и далее. Однако дело это прошло молчком: вреда эти власти нам впоследствии не сделали.

Подговорились мы с одним городским армянином сбывать ему фрукт, и стали водиться у нас деньги.

Вышел сезон — подсчитали, свели в срезек баланец, ан три тысячи с лишком чистого дохода.

И хлебом мы запаслись на целый год, и прикупились кое-чем для себя и для сада, а три тысячи остатку.

Сильный был фрукт, да еще червь попортил.

Надобно договор до дела доводить. Поехали мы с братом и Прошкой в город — двигатель покупать. Походили, поспросили — дорого.

— Зато машины,— говорят,— на букву ять.

— Нет,— отвечаем,— дорого. И при чем тут твоя царская буква?

— Букву не лай,— говорит сиделец,— она довоенного качества!

Наконец довел нас до дела один гражданин из Дома крестьянина. Пришли мы с ним к одному частнику, видим: мельница на дворе стучит. Входим — идет шведская машина. Отсечка — мягкость и чистота, газ — без дыма, тянет восьмерики плавно, бесшумно, шутя, вся блестит и влечет, как кровная лошадь. Танец, а не работа, шут ее дери! Я понимаю это, я сам электромеханик.

Долго мы вращались около двигателя.

— Сколько машина стоит,— спрашиваем,— со всей гарнитурой — чохом (как раз и постав мельничный тут же, рушка, обойка, бочки для нефти и весь инструмент)?

— Пять тысяч,— говорит нам хозяин.

Дней пять мы ходили — испытывали постав, разбирали машину и торговались.

Сошлись на трех с половиной тысячах. Ведь машина сорок сил, да причиндалу сколько.

А денег у нас три тысячи двести. Поговорили с хозяином — согласился обождать триста рублей.

Тогда мы вошли во владение машиной и мельницей, пошли в сельскохозяйственный банк и заложили все благоприобретенное за две с половиной тысячи. На эти деньги мы окончательно расплатились за двигатель и купили в тресте: динамо, два маленьких электромотора для молотьбы, приборы, щиты, провода, лампы и прочее.

И начали мы возить имущество в Рогачевку. Сопровождал Прошка — ездил и ужасал встречных мужиков.

— Прокоп Палыч, нюжли ж взаправду светить и молотить оно будет?.. А я так думаю, не двинется оно — все же мертвый минерал...

— А ты пойди — тронь,— отвечал Прошка, показывая на какой-нибудь изолятор на возу.— Тронь, Матвей, пальцем! Да не бойся — тебе приятно станет...

— Да ну тебя к шуту — изувечит еще...

— Ага, а говоришь, мертвый минерал: это энергетик, тайная живность...

Кредитное товарищество дало нам амбар под станцию — туда и свезли все. Начали мы орудовать с братом и Прошкой. Привезли цемент и начали класть фундаменты под двигатель и динамо.

Утром поедим в саду печеных яблок с молоком — и до вечера на электростроительство. От народу в амбаре работать было нельзя: каждый указывает и советует, но и помогали иногда.

Собрался раз в кредитном сход о налоге, исчерпали повестку дня, я вышел и говорю:

— Трудно, граждане, втроем станцию — завет Ильича и основу социализма — строить. Нужна ваша помощь. Свезите нам из лесничества столбы, ошкурите их и вкопайте вдоль по улице, как мы укажем. Затем, я полагаю, что бесплатно следует провести электричество только безлошадным и неимущим, по списку комитета взаимопомощи, а остальным по десять рублей с хаты.

Мне говорят:

— Правильно, Фрол Ефимыч,— устроим! Видим твои старания, от забот борода облупилась!..

Тогда дело пошло спорее: мы с братом установку делаем, а мужики под руководительством Прошки столбы вкапывают, линию тянут и вводы в хаты втыкают по особому списку, а богатых проходят мимо: если хочешь свету-силы, вноси десять рублей.

Прошка стоит на столбу и верховодит:

— Кузька, глянь, как столб твой стоит,— переставь вкрутую, это тебе на бадик!

— Егорка, давай голую магистраль, сними валенки, чего ноги паришь!

— Петруха, неси харчей из дома, скажи: Прошка требует.

— Эх вы, жлоборатория, да разве так тянут провод — это вожжи, где же тут напряжение пойдет? Его ветер сдует. Тяни втугачку, сопля, жми до пупка — технически трудись!

Вечером мужики наблюдают:

— До чего ж ходовит Прошка — огнем горит: глянь, с версту уже протянули. Ты скажи, и не обидчив! И сам смеется — и все ребята грохочут...

Когда у Прошки затекали руки и ноги, он слезал со столба и выплясывал из себя тут же всю усталость. Тогда все бросали работу и сбегались к нему. Прошка, поплясав и поорав, сразу смолкал и уставлялся своими белыми глазами на толпу:

— По местам, электромеханики, аль инженера не видали?

Довольные электромеханики расходились на работу.

По вечерам мы задумчиво отдыхали. Машины уже собраны и блестят, по соломенному селу ходит влажный осенний ветер, а Прокофий греет ужин.

Наконец настал день 5 ноября. Мы сделали деревянную звезду с лампами, через улицу протянули гирляндой тридцать ламп, а самая улица освещалась десятью фонарями на версту.

Кроме того, на площади против станции поставили две молотилки с электромоторами и подвезли хлеба к ним.

Ночью втихомолку мы попробовали станцию: впрягли в двигатель все — и динамо, и постав, и рушку, и обойку. Двигатель пошел мерно и без натуги. Улица засияла огнями, звезда в разноцветных фонарях светила с крыши дома кредитного товарищества на десять верст через село в степь, в ста хатах тоже загорелись лампы,— мужики в смятенье проснулись, заплакали дети, бабы их начали кутать и выносить на улицу, но в ту осеннюю ночь на улице тоже горел электрический свет.

По селу началась горячка. Народ бежал к станции, радуясь и тревожась, угрожая и удивляясь. Всех охватило смутное чувство, и сон в селе пропал.

А предприятие наше было на полном ходу и жутко гудело таинственной силой.

Прошка стоял у распределительного щита и следил за приборами, мы с братом мотались от двигателя к мельнице, от мельницы к молотилкам, устраняя неполадки, слушая ход и дыхание механизмов.

Над селом плыло великое зарево, за околицей гремели чьи-то убегающие телеги по заскоклой обмерзшей земле.

Был третий час ночи.

Тогда я крикнул человеку на щит:

— Прокофий, запри нефть, включай реостат, вырубай село, кредитное и улицу!

И Прошка ответил:

— Есть, механик,— вырубай ток!

Свет погас всюду, и сразу все ослепли от вновь нагрянувшей страшной ночи.

Полуодетый народ стоял в полном молчании: он ошалел и поник.

— Прокофий, переведи ремень на холостой шкив, пусти двигатель, затем прекрати нефть, открой все краны и продуй машину!

— Есть, продуй машину! — ответил Прошка. Он, должно быть, матросом был: очень уж ловок и тактичен. Машина пошла ходко, а затем засвистела дикими голосами во все открытые отверстия.

— Прокофий, заулючь установку, конец работе.

— Есть, заулючь механизмы, работу прекратить!

Стало торжественно, и мы пошли к себе в сад отдыхать.

Но мы не уснули, а разволновались и просидели до света в разговорах по механике.

## 3

Наступил день открытия станции. Наладить праздник взялась сельская ячейка большевиков. К тому же открытие совпало с днем Октябрьской революции.

Наше дело малое: мы вновь проверили машины.

Ячейка вела дело лихо: разослала всем соседним селам и городу особое трогательное приглашение.

Было сухо — народу съехалось, как на обношение мощей в старое время. Приехала вся большая власть и простые крестьяне.

В зале кредитного товарищества назначено было торжественное заседание. Прошка ввернул туда пять ламп по шестьсот свечей, чтобы свет бил до слепоты.

Уже завечерело, мы стоим на станции наготове и греем двигатель паяльной лампой. Вдруг приходит за мной предуика товарищ Кирсанов.

— Пожалуйте,— говорит.— Фрол Ефимыч, в залу.

— Сейчас,— говорю, а сам задержался.

— Прокофий,— обращаюсь.— Семен (это мой брат), глядите, ежели што — стыд и срам: кувалдой запущу! Я скоро вернусь. Пускай машину — вруби одно кредитное, я выключатель там выключаю,— как увидишь нагрузку на амперметре — глаз не своди! — так моментально включай все и пускай на полный ход предприятие целиком. Ты, Семен, следи за молотилками, мельницей и всем прочим, поставь надежных мужиков.

Прихожу в зал кредитного: чувствуется торжественность, тишина, а народу, как ржи в мешке. За красным столом — власть и два наших мужика, а сбоку оркестр.

Прохожу сквозь ущелье стульев и иду прямо в президиум: мне машет оттуда предуика. Сажусь. Начинается вечер его речью. На столе горит пока что керосиновая лампа — для пущего противоречия!

Умно говорил предуика:

— Лампа Ильича сейчас,— говорит,— вспыхнет и будет светить советскому селу века, как вечная память о великом вожде. Мотор,— говорит,— есть смычка города с деревней: чем больше металла в деревне, тем больше в ней социализма. Наконец,— указывает на меня,— строитель электрификации Фрол Ефимыч есть тоже смычка: глядите, он родился крестьянином, работал в городе и принес оттуда

в вашу деревню новую волю и новое знание... Объявляю Рогачевскую сельскую электрическую станцию имени Ильича открытой!

Я еле успел подбежать к выключателю и дал свет. Свет упал в темную залу, как ливень: три тысячи свечей пожертвовал сюда Прошка. Все зажмурились и нагнулись — как будто лилась горячая вода.

Оркестр заиграл «Интернационал», все встали и закричали что попало.

Я подошел к окну.

Пятиконечная звезда, уличные фонари, лента через дорогу, хаты — все сияло.

Народ бросился глядеть наружу.

Дальше говорил председсовета, потом секретарь укома, а затем вышел председатель нашего кредитного товарищества:

— Товарищи! Что мы здесь обнаружили? Мы обнаружили лампу так называемого Ильича, т. е. обожаемого товарища Ленина. Он, как известно здесь всем, учил, что керосиновая лампа зажигает пожары, делает духоту в избе и вредит здоровью, а нам нужна физкультура... Что мы видим? Мы видим лампу Ильича, но не видим тут дорогого Ильича, не видим великого мудреца, который повел на вечную смычку двух апогеев революции — рабочего и крестьянина... И я говорю: смерть империализму и интервенции, смерть всякому псу, какой посмеет переступить наши великие рубежи... Пусть явится в эту залу Чемберлен, либо Лой-Жорж, он увидит, что значит завет Ильича, и он зарыдает от своего хамства... И я говорю: помни завет вечного Ленина, носи его умное лицо в своем несчастном сердце...

Тут председатель кредитного заплакал, сел и вынул кисет.

Еще говорил, всем на удивление, наш мужик Федор Фадеев:

— Граждане, сказано в писании: вначале бе слово. А кто его слыхал, и еще чуднее, кто его сказал? Нет, граждане, сначала был свет, потому что терлись друг о друга куски голой земли и высекалось пламя... Граждане, ведь мы слышали сейчас задушевные слова наших вождей и видим, что действительно электричество есть чистота и доброе дело...

Поговорив еще с час, Федор сбился и сел, и весь вечер не мог очнуться от своей речи.

Остальную ночь я пробыл на станции. На дворе в драку молотили хлеб и дивились маленькой напористой машине — электромотору.

Всю ночь зарево пропускало над собой тучи, и темная долина Тамлыка была впервые освещена от сотворения мира.

4

Так прошел счастливый год. Станция везла уже не сто, а триста дворов. Мельница не управлялась молоть хлеб, и кооперация, которая владела всем предприятием, здорове наживалась. Ветряки заглохли — весь помол отобрала мельница на станции: она брала дешевле, от налогов была свободна и работала без задержки, а кооперативный приказчик был обходительный человек и приучил мужиков.

А мне не раз уже говорил председатель кредитного, что мельники с ветряков собираются сжечь станцию, но я думал, что они не посмеют.

В сельсовете подсчитали, что одна наша мельница, не считая пользы от освещения, молотьбы, рушки и обойки, сберегла мужикам за год шесть тысяч пудов хлеба — это то, что мужик переплатил бы мельникам-кулакам, если бы не было нашей мельницы. Да еще заработок весь пошел не кулаку, а кооперации,— это тоже прибыток.

Оказывается, действительно в правление кредитного приходили два сельских мужика и говорили, что один мельник, владелец самого большого ветряка, подвыпивши, обещал сжечь все паровое заведение в августе — перед обработкой нового урожая. Я посоветовал кредитному застраховать предприятие, повесить в нем огнетушители и нанять ночного сторожа, а на кулака донести власти. Не знаю, сделало ли это кредитное товарищество.

Только раз, когда я спал — дело было в августе, работы в саду много, за день уморишься здорово,— будит меня Прошка:

— Ефимыч, вставай, в Рогачевке полыхает что-то свечой, должно станция, хаты так не горят — это нефть...

От сада до села была верста. Добежали мы до станции, видим — уже нет постройки, все машины в огне и по двигателю зелеными струями текут расплавленные медные части.

Теперь стоит в Рогачевке линия, висят фонари на улицах, а лампочки в хатах засижены мухами до потускнения стекла.

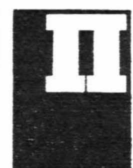
Прошка ездит на тракторе, а я думаю опять уйти в город и поступить там на электростанцию линейным монтажистом.

Брат осел в деревне окончательно и разводит кур плимутроков.

Хотя на что нужны куры кровному электромеханику?

# ДЕРЕВЯННОЕ РАСТЕНИЕ

## Из записных книжек 1927—1950

осле выхода в зарубежных издательствах повести «Котлован» и романа «Чевенгур» Андрея Платонова его вдова, Мария Александровна, была вынуждена «добровольно-принудительно» сдать рукописи всех художественных произведений писателя в ЦГАЛИ. В семейном архиве Платоновых остались лишь письма, записные книжки и некоторые документы, эпизодически публиковавшиеся в журнальной периодике. В начале 80-х годов мы вместе с Марией Александровной расшифровали и датировали тексты в двух с половиной десятках записных книжек, часть из которых общим объемом около шестидесяти машинописных страниц тогда же была подготовлена к изданию двумя обширными подборками. Эти публикации — «Труд есть совесть» («Литературная Россия», № 1, 1982) и «Мой новый путь» (там же, № 21, 1983), увидевшая свет уже после кончины М. А. Платоновой, выдержали ряд перепечаток у нас и за рубежом, частично вошли в двух- и трехтомные собрания сочинений писателя. Но литературная и общественно-политическая ситуации того времени не позволили дать тексты из записных книжек в предложенном виде: одни были изъяты при прохождении через редакционные сита, другие оказались частично усечены. Записи Андрея Платонова, оставшиеся «за бортом» прежних публикаций, и составили настоящую подборку; в ней сохранены тот же композиционно-хронологический принцип и заголовок, выбранный Марией Александровной. Сразу оговоримся: тексты датированы с большей или меньшей степенью точности, так как писатель редко помечал их конкретным годом. Этим объясняется группирование нами книжек по косвенным признакам в пределах нескольких лет; более точная датировка — дело специалистов.

Записные книжки 1927—1930 годов заполнялись во время работы Платонова над повестями «Котлован» и «Ювенильное море», рассказами-очерками «Усомнившийся Макар», «Впрок» и др.

Записи 1931—1933 годов (поистине бесценные, ибо в то время Платонов был практически лишен возможности печататься, и этот период его творчества наиболее туманен для исследователей) поражают прозорливостью Андрея Платонова, уже тогда сумевшего увидеть и точно назвать симптомы многих социальных болезней нашего общества, о которых мы лишь недавно стали говорить во всеуслышание. Здесь, как и в записных книжках 1935—1936 годов, настойчиво повторяется тема «нового» («другого», по платоновской поэтике) человека, явственно слышна обеспокоенность писателя происходящими в стране переменами, возрастающим влиянием «отца народов», ставшего к тому времени символом абсолютного единовластия. Уже одно наличие таких записей, способных обернуться опасным «компроматом» на самого себя, очень много говорит о Платонове — писателе и человеке.

1934 год начался для Платонова поездкой в Туркмению в составе писательской делегации. На материалах этой поездки и следующей — год спустя, были написаны рассказ «Такыр», повесть «Джан». В феврале 1937 года Андрей Платонович повторил маршрут Радищева, проехав из Москвы в Ленинград той же дорогой. С этой поездкой связан замысел романа «Путешествие в человечество», рукопись которого считается безвозвратно потерянной при эвакуации в Уфу в начале войны.

Примерно к 1938—1939 годам относится записная книжка, где с трудом можно разобрать рваную строчку: «...письма сдать, посылки сыну... Комендант Лагеря...». В то время сын писателя Платон был осужден, как не без оснований полагала Мария Александровна, «за отца». Вызволенный из заключения стараниями друзей Платонова, сын умер от туберкулеза зимой 1943 года.

После возвращения из эвакуации, с октября 1942 по ноябрь 1944 года, Андрей Платонов — военный корреспондент (окончательно демобилизован в начале 1946-го по болезни, через пять лет оборвавшей его жизнь). В записных книжках той поры — обилие записей журналистского характера, но многие, безусловно, сделаны в расчете на дальнейшее художественное осмысление. Конечно, читателю, хорошо знакомому с особенностями платоновской поэтики, его склонностью к подтексту, увидеть это будет проще. Так, например, опубликованная ранее запись «Рассказ о матери, которая любила одного сына и не любила другого. Но тот, которого она не любила, любил ее и отдал жизнь свою за нее, а тот, которого она любила, предал мать» обогащается иным смыслом, если вспомнить образ Матери-Родины, особенно популярный в плакате и в публицистике военных лет. Внимание Платонова к «нелюбимым сыновьям» подтверждает и запись слов пленного немца в данной публикации, которая может показаться неясной, если не знать, что штрафникам, даже идя в атаку, не разрешалось вести себя, как остальным бойцам,— они имели право погибнуть не "за Родину", но искупая кровью свою вину (сравним с песней В. Высоцкого «Штрафные батальоны»: «Со смертью мы играемся в молчанку»).

Настоящая публикация не дает возможности подробно комментировать записные книжки Платонова, да это, видимо, и не столь нужно,— читатель, знакомый с творчеством писателя, сам способен во всем разобраться. Сегодня машинописные копии текстов записных книжек, хранящихся у дочери М. А. Платоновой, переданы в платоновский фонд в ЦГАЛИ и комиссию по литературному наследию писателя и ждут компетентного исследования.

**Георгий ЕЛИН**

### ок. 1927 г.

Истина — тайна, всегда тайна. Очевидных истин нет.

Свобода живет только там, где человек свободен перед самим собой, где нет стыда и жалости к самому себе. И потому всякий человек может быть свободным, и никто не может лишить его свободы, если он сам того не захочет. Насилие, которое захочет человек применить как будто для удовлетворения собственной свободы, на самом деле уничтожит эту свободу, ибо где сила,— там нет свободы, свобода там, где совесть и отсутствие стыда перед собою за дела свои.

### 1928—1930

Котл<ован>: отняв имущество, опустошили душу.

Интернационал велик — жители найдутся.

Дети не едят сахару, чтобы создать социализм.

Как хороша жизнь, когда счастье недостижимо, и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в парке культуры и отдыха.

Любви хотят люди, не имеющие общественного значения.

Типичн<ый> человек н<ового> времени: это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое.

Месяц как рыдать над миром.

**Для Чевенг<ура>**

Во время револ<юции> по всей России день и ночь брехали лаяли собаки.

Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли.

**Котлован**

Активист сам нарисовал К. Маркса как его понимал: диктатора антикулачника.

Попа расстригли и сделали, по его просьбе, под фокстрот.

Составлялись сводки, по которым видно, что обобщ<ествле>нию не подлежит только воробей.

Колхозы живут, возбуждаясь радиомузыкой; сломался громкоговоритель — конец.

Раскулачили за то, что проживает девой.

Рабочий так точно рассказал о способе повреждения, что его самого заподозрили во вредительстве.

— Дай кусок сахару, а то выйду из колхоза! Я и вошел в колхоз из-за сладкого! Исключительно!!

Мужик делает не потому, что понимает, а потому иногда, что уважает человека, а потом сознается, что я ведь, дескать, не верил вначале.

В колхозных парикмахерских висят портреты Ленина, Силыча и др.

## 1931—1933

Баба, которая такая по характеру, что сама себе делает аборты.

Тайна проституции: единение тела предполагает единство душ, но в пр<оститу>ции настолько нет единения душ, настолько это явно и страшно, что нет любви, что от удивления, от гибели, от страха — «единение душ» начинает происходить. Т<аким> о<бразом> все, что доводится до ужаса, превозмогает ужас «со дна» и любовь происходит, гибель ликвидируется. Проституция м<ожет> б<ыть> прочней любви и культуры.

Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т. д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы.

**Вот человек:**
Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мчится по коридору своей жизни, ничего не сознавая, живя в полпамяти, трогая работу, не свершая ее, отмахиваясь от людей, от ума — и мчится, мчится, мчится, пропадая где-то пропадом, безполезный, счастливый, удивительный.

Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т. д.

Жизнь по черному, как в избе без трубы.

При социализме не будет злобы и отчаяния, но глубокое страдание останется; не будет презрения, но ненависть будет...

Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить воен<ную> промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника.

И он, мужик, вошел к ней в тесноту плоти и обмер. Это было много раз, но не бывало повторенья.

Контр<революционе>р: — «Сов<етская> вл<асть> опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все».

Человек, лишенный любви, начинает жить страстями службы,— он спорит, страждет и любит в вопросах положения о «райсекторе», о «правах и обязанностях»,— и в этом исходит струя его жизни.

Настанет время, когда за элементарную ныне порядочность, за простейшую грошевую доброту,— люди будут объявляться величайшими сердцами, гениями и т. п., настолько можно пробюрократить, закомбинировать, зажульничать, замучить обыденную жизнь,— это отход, отброс от великого стр<оитель-ст>ва, Жовова.

Как испуг, тронутый преступлением в одном месте, идет кругами, захватывает покаянием всех и мир погружается в трепет души и понос желудка. Стихия.

Совершенствуется не только техника производства материальн<ой> жизни, но и техника управления людьми. Не настанет ли в последнем кризиса перепроизводства, кризиса исторической безвыходности.

Человек то верит в социализм, то нет. Он в доме отдыха: он верит, он в восторге, он пишет манифест радости; в поезде сломалась рессора, пассажиры набздели,— он не верит, он ожесточается, и т. д.— и так живет.

Провинц<иальная> газета пишет лозунгом-шапкой: «Условия т. Сталина выполнены только на 18%».

Человек, не верящий ни во что, никакой, пустой,— исполняющий поэтому наилучшим образом любое высшее предначертание: такой тип только и нужен.
(в поезде) 2 чел<овека>, один интел<лигент>, друг<ой> — «чуйка»

**Тема романа**
Стратилат делал коммунизм, а сделал **другой** мир,— ничто в обычно-пошлом, нашем злободневном смысле, а другой мир **истории**, другую категорию, которая могла **объективно** выйти, выйти из развороченных форм прошлого и субъективно-классовой воли Стратилата — **не** мир Келлера или мой коммунизм, но нечто исторически-прекраснее, неожиданнее, неизвестнее и действительно необходимое и простое.
Вот — основное и высшее противоречие судьбы Стратилата, романа и нашей истории.
История будет **не та,** что ожидают и что делают. Это и есть коммунизм.

Открыта подписка на Распоряжения Н<ар> К<о>Мата.

Деревянное растение.

Он пользовался местным авторитетом.

**Есть такая версия:**
Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного «плаката»,— но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна на ряду (так у А. Платонова.— **Г. Е.**) с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет, и быть им не может.
Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них.

Вначале класса — чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий.

Чем живет человек: он что-нибудь думает, т. е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным.

«В революцию выигрывает «боковая сила», т. к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забирает все». Сообщение мыслящего мещанина.

«Темная личность с горящим факелом».

Сам делал преступления, сам на себя доносил, ибо все равно узнали бы: пусть уж знают от него. Арифметика: что он преступник — плохо, что занимается самосообщением хорошо, и простят.

Время идет, зреют, накапливаются юбилеи, 100-летия со дня рождения и пр.

Для долговечности нужно поставить себя в положение «накануне ликвидации» — и проживешь два века.

О человеке, которого пугают газеты, п<отому> ч<то> били и бьют его за политпороки. Его душевное состояние ужаса непроходящего.

Что эти кости делали, когда на них тело было!

Страна темна, а человек в ней светится.

Человек, гибнущий от скандала, затеянного им по поводу сдачи у газетчика; человек, одержимый энергией скандалов, спорщик, крайне впечатлительный, активный на любой непорядок, дерзкий, вызывающий на себя всю прорву мира и т. д. Великий новый тип! «Буржуй в социализме».

Я с тобой сошелся не этичничать!

Мыслят «свободно» тогда, когда ничего, никакой цели не остается.

«Всенародная инсценировка».

Всюду герои — читал Кузява,— а среди тысяч знакомых людей он таковых не нашел ни одного.

Сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа (класса) — самое такое самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, с умницей, к<о>т<о>р<ый> жалеет мучается, что он живет в дурацком положении.

Конец света: и люди стали настолько глупы, что уже практика их жизни, действительность, ничему не могла научить их, лишь разучивала и приводила к обратному.

Какой-то странный долголетний сон.— Стойка вроде книжной, вроде «довостребования», я что-то и получаю и нет. Мне дают что-то и отказывают. Какие-то якобы мои рукописи, которые ценятся, но во мне они вызывают стыд. Двусмысленное отношение ко мне «стоечника».—
Бред, но страшн⟨ый⟩.

Чтобы жить в действительности и терпеть ее, нужно все время представлять в голове что-нибудь выдуманное и недействительное.

Жить внутри разом нечем, отсюда и все технические игрушки, все «творчество».

Мы разговариваем друг с другом языком нечленораздельным, но истинным.

Мещанин, а не герой вывезет историю.

«Берег чугун для торгсина: золото, серебро, медь, потом чугун».

## 1934—1936

Истина всегда сама на себя не похожа.

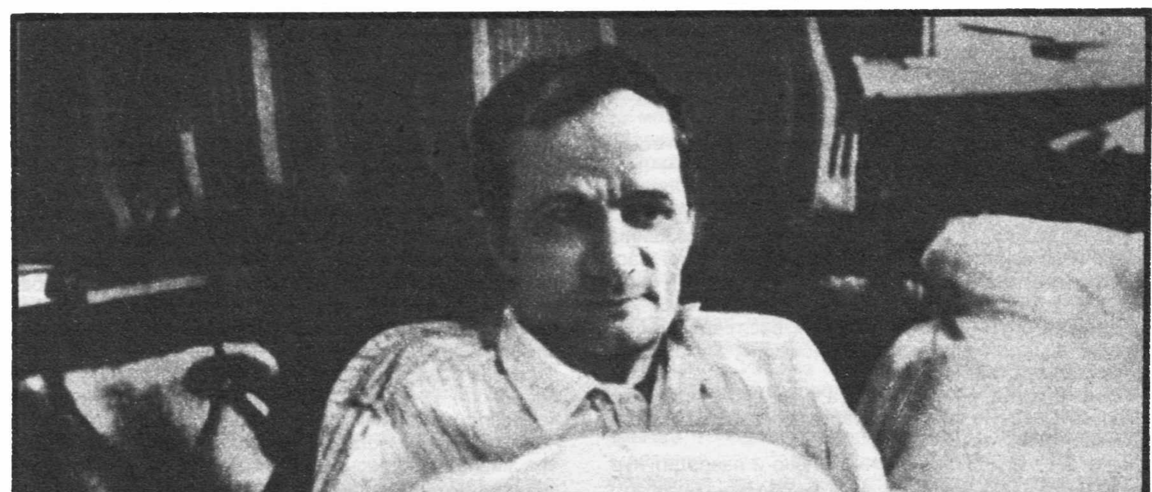
Моя молодость, прошедшая в организационных наслаждениях.

Вовсе не природа, а люди виноваты в гибели прежних цивилизаций.

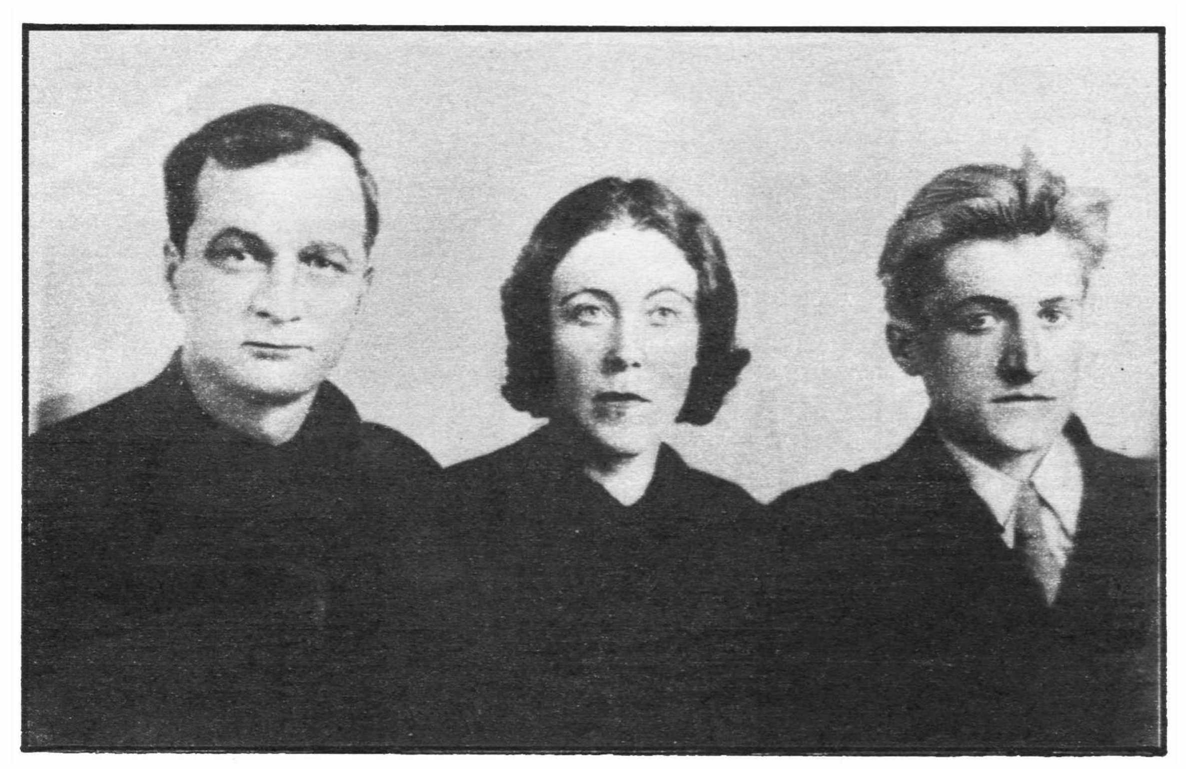
Басмачи сами делали свинцовые пули в Кара-Кумах, в то время как совет⟨ские⟩ акад⟨емики⟩ сомневались в кара-кумском свинце.

— Где у вас сельсовет?
— В Персию ушел, через два месяца вернется.

Туркмения — страна иронии.



*Декабрь 1950 года, последняя фотография: меньше чем через месяц Платонова не станет.*



*Андрей Платонов с женой и сыном. 1942 г.*

Для того, кто понимает — вселенная не существует.

Туркмены — народ интимный, чуждый зрелищ (доселе).

Саксаульные страсти.

Бригада писателей — собрание несчастных (изредка жуликов).

Музыка туркмен идет в два голоса — арифметика любви двоих.

Чл⟨ен⟩ партии, туркмен, отрезал голову своей бывшей разведенной жене, когда она сошлась с другим мужем.

А что такое Пушкин и Гоголь — разве это предел?

Искусство (прошлое) сначала причиняло боль обществу (Шекспир), потом проходило время, боль засыхала, искусство признавалось классическим.

Старообрядчество, это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно, что могло бы еще выйти, а из прогресса известно что.

Земля так холодна и бесприютна, что семейство нужно как печке беднота.

Сотню старепьких проверил, двадцать новых провертел.

Вторая жизнь человеку необходима, иначе и первая не нужна и не выйдет она никогда.

«Новый народ, национальность — значкисты» (трамвай)

Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин — отец или старший брат всех, Сталин — родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца.

Всю жизнь, всю жизнь быть канцелярским работником, и зарабатывать все же больше, чем землепашец.

Она сошла с ума на деле вредителей зерновых запасов, на опрыскивании, в борьбе за надл⟨ежащие⟩ капиталовложения.

Комсомольцы заключили договор со стариками. Старики разрешили снять колокол с церкви, а комсом⟨ольцы⟩ обязались взамен дать старикам трактор. Колокол сняли, трактора нет. Старики гоняются за комсомольцами.

«Жизнь ведь не так и драгоценна, как думают: а ну гуртом и с песней под расстрел!»

Курица вывела утят. Утята в воду, а мать в пыль лезет. Мать кудахтала на берегу пруда, потом с ума сошла. Утята потонули.

— Вы давно не улыбаетесь?
— Полгода. Я ведь работаю в очень серьезном учреждении,— в очень!

Это удовлетворенное почесывание правым большим пальцем о левую ладонь, это самоудовлетворенность рабочего мещанина. Это жеванье колбаски, достигнутой наконец.

Музыка — окончательно запрещенная литература, когда она замычала,— и из этого, из окончательного запрещения, — явилось самостоятельное великое искусство.

Наедине с собой, как вдвоем, вчетвером — и собеседование, и дружба,— и безнаказанно и интересно.

Уходя из школы на каникулы, школьники бьют здание школы — чернильницами, камнями, вышибают стекла и т. д.
Порка тела учреждения!

Усиевич, читая Перегудова, Евдокимова и др⟨угих⟩ плачет слезами горя, что нет у нас литературы.

Чел⟨ове⟩к существо весьма переменное.

Писать не талантом, а человечеством, сущностью своею.

⟨...⟩ Горе человека вел⟨икого⟩ врем⟨ени⟩ в том, что пролетариат завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для оригинальной, удивит⟨ельной⟩ формации буржуазно-аппаратной демократии.⟨...⟩

## 1937

«Главспирт» в каждой кажется деревне, к⟨о⟩т⟨о⟩р⟨ые⟩ я проехал до Чудова. В одной деревне Главспирт открыт рядом с разрушенной церковью — нехорошо.

Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем добрее. Ведь это же надо кончать — приводить наоборот. Вам радость от доброго, если он бедный?

Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ — и дети тоже как ангелы.

Во всех почти избах постояльцы, пришедшие на заработки из других колхозов, и еще какие-то люди, живущие иногда по 1—2 года. Это, чаще, женщины, живущие у родственников. Можно лишь догадаться, кто это такие.

Костлявая земля.

В хороший ресторан в Валдае приходят нищие, топчатся, волнуются, им говорят: «Садитесь на место, вас обслуживают». Они пришли обедать из-за хлеба, только.

Женщина тяжелого поведения.

Добро в человеке живет еще по инерции. Но надо уже добавлять его теперь же, а то иссякнет. В молодежи оно (добро) от молодости, а не от благоприобретенных запасов.

Уменьшить поскорее давление нужды о хлебе насущном. Это съедает человека, хотя и делает его каким-то радостно-спокойно-кротким.

О сердце, сокровище моего горя!

## 1938—1939

Любовь к сыну или другу, несмотря на то, что, несмотря ни на что, любовь как рок.

Его обвиняли, он был невинен. Чтобы отделаться, он вспомнил пьесу, написанную 300 лет назад, где были лорды и пр.,— и повторил всю ситуацию пьесы, признав, что он дружил с лордами и т. д.

«Это правильно, но неверно».

## 1941—1944

Один беженец у другого:
— Дальше-то лучше будет с харчами?
Другой:
— Откуда? СССР везде одинаков. Раз тут нет, значит там — еще хуже.

Тюрьмы, лагеря, войны, развитие материальной цивилизации (за счет увеличения труда, ограбления сил народа) — все это служит одной цели: выкосить, ликвидировать, уменьшить человеческий дух,— сделать ч⟨еловечест⟩во покорным, податливым на рабство.

⅓ людей не работает, а глядит на работающих.

Удовольствие не обучает человека.

Старуха, рассказывающая другим старухам, как пил кто-то чай с сахаром: и сначала она икала, все икала, а потом пить начала, а я гляжу, я радуюсь, мне-то хоть не сладко, да страшно и удивительно — ведь я сахар вижу.

Высший критик был Шекспир; он брал готовые, чужие произведения,— и, переписывая их, показывал, как надо писать, что можно было сделать дальше из искусства, если применить более высшую творческую силу.— Это критика в идеальном виде!!!

«Для них литература это государственное чистописание».

Война может стать постоянным явлением: к⟨а⟩к род новой промышленности, вышедшей из двух причин — некоторого «свободного» избытка пр⟨оизводственных⟩ сил и «опустошения душ».
Война весьма возможно превратится в долгое свойство челов⟨еческого⟩ общества.

В предсмертный миг часто бывает у солдата: проклятье всему миру-убийце и слезы о самом себе, слезы разлуки навек.
Слеза одна, на две не было силы.

Система взаимно движущихся зеркал, отражающих пустоту одного другого (так у А. Платонова.— **Г. Е.**) — страшный объективный механизм взаимопроникновенности до дна пустоты.

Машина смертью пахнет.

Пл⟨енный⟩ немец: У вас две, чтоль, армии: одна кричит то, другая другое! (Вторая армия — штрафники)

## 1945—1950

(Заметки на разрозненных листках)

Истина всегда в форме лжи; это самозащита истины и ее проходят все.

По сравнению с животными и растениями человек (по своему поведению) неприличен.

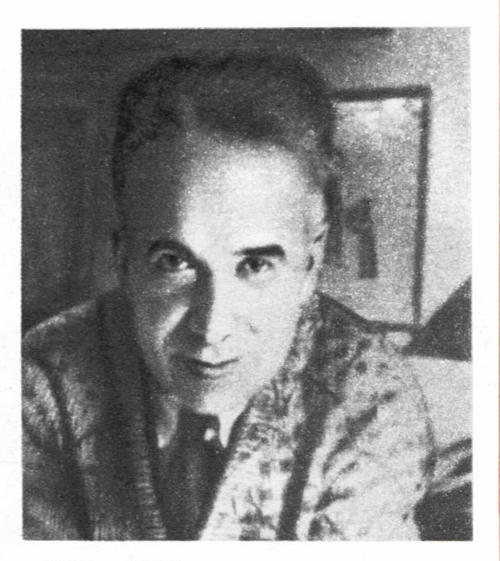
Новостроющееся кладбище.

Следует тратить дух и тело для добычи пищи, но не следует тратить для того чести.

И через 30—40 лет весь мир будет другой — ни одного знакомого лица, ничто...

**Подготовка текстов к публикации М. А. ПЛАТОНОВОЙ.**

# ДАВИД ПЕТРОВИЧ ШТЕРЕНБЕРГ



**1881—1948**

Незадолго до своей кончины Давид Петрович Штеренберг исполнил несколько набросков «Распятия», похожих на туманные, печальные видения. Ничего даже отдаленно похожего ни по стилю, ни по настроению он никогда не делал раньше. Но случайностью эти «Распятия» не были. Художник кончал свои дни в горестном одиночестве, затравленный, измученный, отторгнутый от зрителей. Его картины не выставлялись и не приобретались, изничтожающе звучавшее по тем временам определение «формалист», казалось, навсегда связалось с его именем.

Сейчас, когда история советского изобразительного искусства восстанавливается в своем подлинном облике, конечно, будет отдано должное и Штеренбергу — нелепые легенды рассеются, портрет художника обретет свои подлинные черты.

История его творчества очень своеобразна и ни в какие общепринятые каноны не укладывается. Ведь далеко не всегда прямые параллели между жизнью и искусством обоснованы и плодотворны. Случается, что художник идет как бы по касательной к своей эпохе и итоги его работы познаются и получают истинную оценку в самостоятельном эстетическом плане.

Именно так обстоит дело с Д. П. Штеренбергом. Его открытия относятся скорее к внутрихудожественному ряду. Но надо ли доказывать, что какая-то существенная новизна приемов изображения мира, его восприятия в конечном счете обогащает культуру и в этом смысле имеет социальное значение?!

К оригинальному стилю Штеренберг пришел далеко не сразу, долгим, кружным путем. Уроженец Житомира, он уже сравнительно зрелым человеком, преисполненным российских впечатлений, 25 лет от роду, отправляется в Париж. Там он завершает свое художественное образование. Основная часть его парижского периода прошла в знаменитом «Ля рюш» («Улье») — своего рода колонии-сообществе, где молодые художники разных стран, по большей части нищие и самозабвенно увлеченные (среди них Шагал, Леже, Модильяни, Архипенко, Цадкин, Сутин, Альтман), искали свои пути в искусстве времени. Все они, конечно, испытывали влияние французских мастеров рубежа XIX—XX веков, но отнюдь не были их эпигонами и создавали собственные творческие концепции.

Штеренберг в Париже бесспорно стал мастером высочайшего класса, тонким, изящным, обладающим целостной завершенностью живописного стиля. Но там он находился лишь на подходе к своим главным открытиям. Впрочем, и с этим периодом в работах Штеренберга связана особая прелесть и красота. На протяжении ранних парижских лет художника особенно волновала тонкость живописных сочетаний. «Цветы и гипс» 1908—1909 годов — это тихий поток оттенков белого, перемежающихся розовыми, голубыми, коричневыми вкраплениями. Конструктивная основа здесь только намечена, так что цвет не столько окрашивает предмет, сколько существует сам по себе, в открытом и свободном движении. Он несет с собой ассоциации душевного покоя, радостной и легкой гармонии.

Конечно, такая декоративная система не была изобретением именно Штеренберга. Пока что он лишь варьировал на свой лад принципы некоторых французских мастеров — поздних импрессионистов, Матисса. Но эти вариации вполне оригинальны, в них есть такие наивно-светлые, быть может, чуточку провинциальные интонации, которые присущи именно ему.

Собственное отношение к живописным задачам стало еще яснее проступать в пейзажах и натюрмортах мастера, написанных немного позднее. Узкодекоративные моменты в них все больше уступают главенство четкому ритму, который организует отдельные детали и предметы. Резко обозначенные и в то же время чуть колышущиеся вертикали труб на фоне звездного неба набрасывают в «Крышах Парижа» (1911) таинственно-романтическую панораму французской столицы ночью. В целой группе картин (среди них «Пруд», 1911, «Груши и сифон», 1912, «Печка», 1914, «Натюрморт с чашкой», 1914—1915) на первый план выступают тенденции строгого и четкого геометрического обобщения, которому подчиняется тончайшая игра цвета. «Как все это экономно, с какой суровостью отвергнуты ненужные детали!» — восклицал А. В. Луначарский, увидев в 1914 году полотна в парижской мастерской Штеренберга. Отметим эту тенденцию к лапидарности. Она окончательно сложится после возвращения мастера в Россию.

Правда, одновременно, в те же годы, художник исполнял и более «разговорчивые», изобилующие подробностями произведения (например, те, которые он написал в 1914 году, приехав из Парижа в родной Житомир). Но умение увидеть и изобразить мир при помощи предельно скупых средств, словно некую формулу, у художника сложилось и определилось. Пока что это был скорее прием, чем поэтика. Но в этом приеме он нашел уже сугубо свое, никого не повторявшее вйдение. Предстояло более глубоко и определенно связать этот прием с настроениями и впечатлениями жизни.

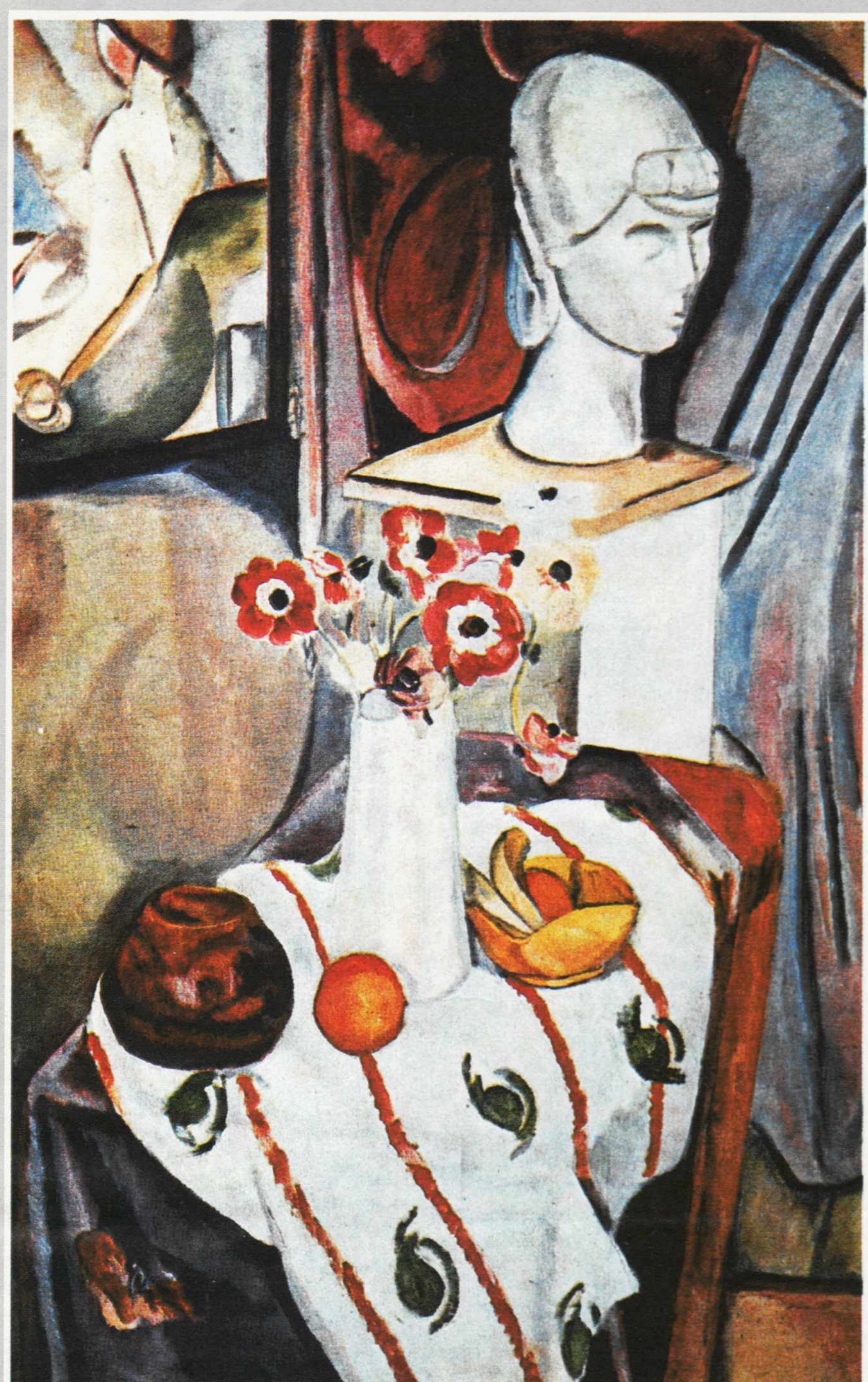
Это произошло с возвращением Д. Штеренберга на родину после Февральской революции 1917 года.

Здесь он сразу же и с какой-то неожиданной энергией включается в общественную деятельность. Правду сказать, весь предшествующий образ жизни и работы Штеренберга никак не предсказывали такого поворота в его судьбе. Затворник мастерской в парижском «Улье», создатель тихих, созерцательных натюрмортов скорее мог бы остаться сторонним и выжидающим наблюдателем в эпоху грандиозных событий. Но ситуация сложилась иначе. До известной степени ее помогают разгадать эскизы мастера, созданные им для оформления Дворцовой набережной и мостика зимней Канавки в Петрограде к 7 ноября 1918 года. Особенно эскиз панно «Солнце свободы» для украшения Эрмитажа — пронизанная сияющим светом чисто декоративная композиция, полная восторженной мечтательности. Никаких фигур и сюжетов — только радостные сочетания красок, праздник ликующей души. Судя по этой работе, новые события на родине казались художнику уже достигнутым и ничем не омраченным торжеством свободы. Любого рода сложности и трагические повороты времени казались ему преходящими. И он самозабвенно помогал новой власти в организации жизни искусства. Его искренность и душевная чистота были замечены, и он, собственно, почти никому не известный человек, оказался на посту начальника Отдела изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса в 1917—1922 годах. Дела огромной значимости вроде организации новых выставок, воплощения ленинского плана «монументальной пропаганды» сочетались с самыми что ни на есть будничными делами. В. Маяковский, который также сотрудничал в отделе ИЗО, вспоминал (в стихотворении «Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский», 1922), что художник одной рукой выводил на полотне «Неву и синь», а другой «под ордерами» расчеркивался «на керосин»... Все это делалось без устали, страстно и самозабвенно. Сохранилась такая записка А. В. Луначарского В. И. Ленину:

*«21 декабря 1918 г.*
*Дорогой Владимир Ильич!*
*Горячо рекомендую Вам моего друга, преданного нашему общему делу, товарища Д. П. Штеренберга, который с самого начала Советской эры оказывает мне драгоценную помощь в качестве заведующего Отделом изобразительных искусств.*
*Нарком по просвещению*
*А. Луначарский».*

Характеристика достаточно выразительная. Конечно, время было горячим и сложным, какие-то перехлесты и перекосы в повседневной деятельности были неизбежны. Но вряд ли можно признать обоснованными ядовитые упреки в адрес Д. Штеренберга, будто он со своими коллегами по ИЗО Наркомпроса оказывал исключительное покровительство только лишь «левым» художникам, лишая содействия и помощи мастеров более традиционных направлений. Есть же факты и документы, и они говорят совсем иное. Вот, к примеру, отрывок из декларации «О принципах приобретения художественных произведений», напечатанной в конце 1918 года и подписанной Луначарским и Штеренбергом. Там говорится: «Отдел изобразительных искусств настоящим заявляет, что приобретения будут делаться у всех художников, которые этого заслуживают, независимо от направления». Сказано ясно и недвусмысленно. Другое дело, что в первые годы революции «левые» были более деятельны и активны, горячо служили новой власти и именно в силу этого отдел ИЗО имел с ними постоянные дружеские контакты. Тем, кто отсиживался и отмалчивался в стороне, не на что было пенять. Во всяком случае, уж Штеренберг был искренен и последователен в своих гражданских убеждениях, поддерживая все, что, по его мнению, служило делу революции.

Эта общественная его позиция уважительно оценивалась и позже, когда он начиная с 1925 года был председателем Общества станковистов (ОСТ) — самого радикального среди художественных объединений середины 20-х — начала 30-х годов; бесспорно, что дух современности той поры в самом широком диапазоне — от обожествления техники до культа спортивности — был тогда сильнее и ярче всех выражен именно «остовцами».



ЦВЕТЫ И ГИПС. 1908—1909.

После всего сказанного можно предположить, что в своей живописи 20—30-х годов Штеренберг безоглядно погружен в остроактуальную общественную тематику, создает картины на злобу дня, оказывая предпочтение острым, действенным сюжетам.

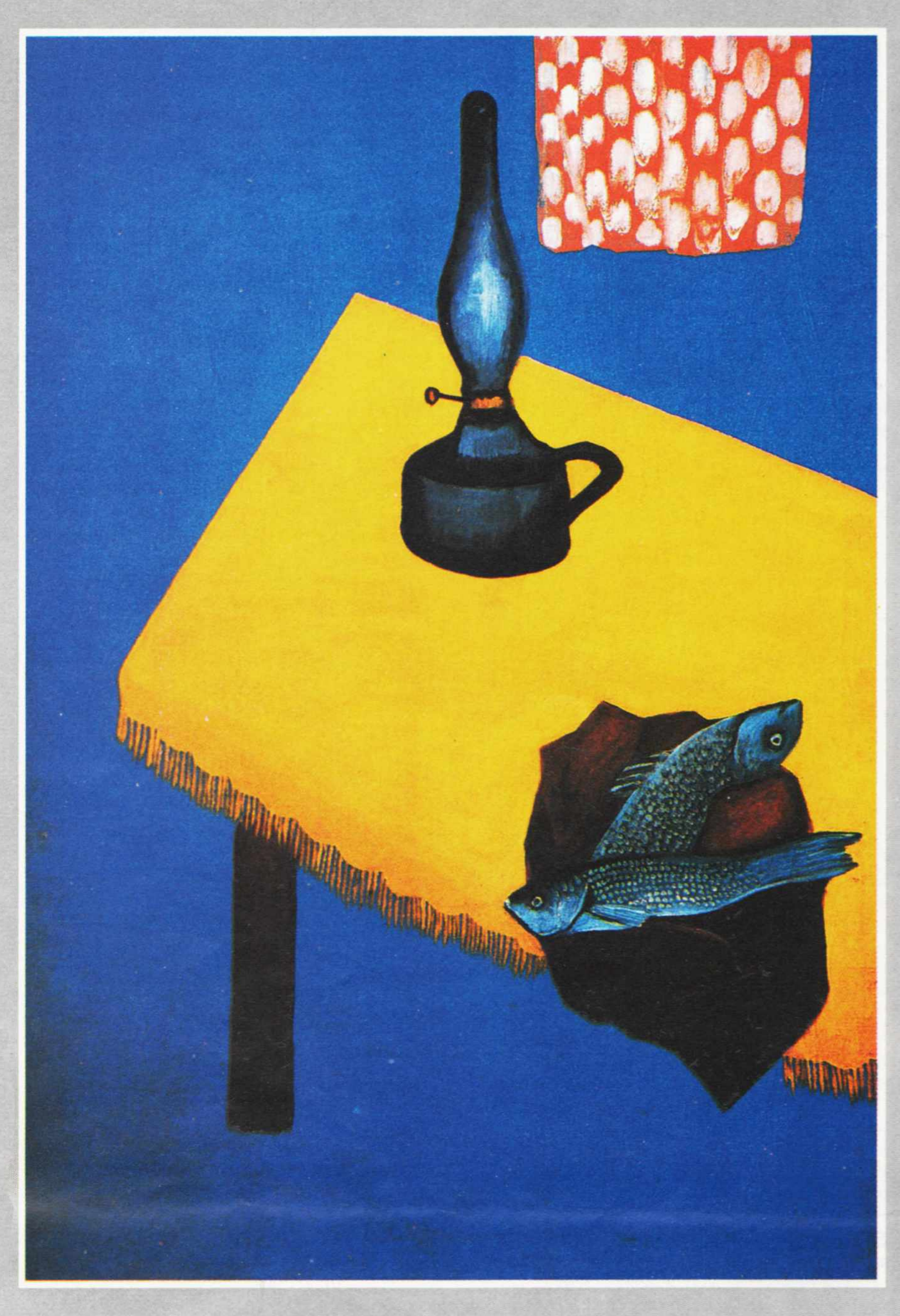
Вовсе нет. В двадцатые годы художник отталкивается от своих парижских исканий, но развивает их и переводит в иной, более последовательный и завершенный план, находя в этом связь со всем, что его сейчас окружало. За несколькими исключениями — правда, существенными — ощущение жизни в его работах этих лет сугубо ассоциативное; проблемы живописной формы при этом преобладают.

Пластические концепции мастера достигают теперь абсолютной законченности и совершенства. У них такая математическая выверенность всех отношений цвета и формы, что можно подумать, будто им предшествовали годы напряженнейшей лабораторной работы. А ведь Штеренберг писал тогда урывками, в промежутках между бесконечными общественными хлопотами. Но, очевидно, какая-то внутренняя работа шла в его душе беспрерывно, отстраняясь от всех забот и тревог.

Вот в своем роде классический натюрмот 1919 года «Стол. Подковка». На строгой вертикали холста виднеются две вещи — небольшая белая ваза и коричневая булочка-подковка. Это скупое зрелище увидено сверху, сбоку и кажется аналогом огромного, замершего мира, притихшего в каком-то напряженном ожидании. Обычному для натюрморта рассказу вещей, описанию предметных соотношений художник противопоставляет форму как особую материю бытия, обладающую бесчисленным множеством своих собственных оттенков несюжетного свойства — такими, например, как пространственные ритмы, особое красноречие геометрических комбинаций, приглушение и почти полное замирание видимости, легкие фактурные оттенки и т. д. Это особый мир пластической формы Штеренберга, чьи духовно эстетические измерения близки тем, что разрабатывали в русском искусстве Малевич, Кандинский, Татлин.

Правда, в отличие от них Штеренберг всегда сохраняет предметные элементы, только соединяет их совершенно неожиданно и в оригинальнейших пространственных вариациях. Благодаря этому он взрывает иллюзорность и строит зрительное повествование на абсолютно иных принципах. Часто живописная среда строится самостоятельно, без явственного соотношения с реальной натурой и получает свои законы организации. Так, «Натюрморт с лампой и селедками» «висит» в ровной синеве абстрагированного свойства — это не комната, не улица, а среда «вообще». Ведь художник показывает зрителю явления жизни не так, как они объективно видятся, а как осознаются или воображаются. Иными словами, он вводит в живопись принцип свободного монтажа. Это происходило одновременно и в кинематографе, но живопись к такой системе изображения шла совершенно самостоятельно и, конечно, со своими неповторимыми особенностями. В двадцатые годы эти монтажные принципы более всего встречаются у художников упомянутого ОСТа (А. Дейнека, Ю. Пименов, А. Лабас и другие); Д. Штеренберг положил начало всей «монтажной системе».

СТОЛ. ПОДКОВКА. 1919.



Чтобы убедиться в том, как подобная система не считается с жизнеподобием и строит живописные изображения на иных основах, взглянем повнимательнее на штеренберговскую «Тетю Сашу» 1922—1923 годов. Что показано? Комната в избе? По идее, может быть, и так, но ведь, кроме окошка с занавеской слева, никаких реальных примет конкретного жилища тут нет. Они и не нужны автору, эти приметы, он показывает жизнь крестьянки в целом, отдельные подробности для него необязательны и несущественны. Детали возникают на полотне без всякой точной «привязки». Лоток с овощами, кувшином и оглодком съеденной рыбы просто подвешен в воздухе — важно показать, что все это (так же, как и картошка в сите, показанная слева резко сверху) входит в обыденность «тети Саши». Художник дает предметные знаки этой обыденности в совершенно условной комбинации, детали которой можно передвигать как угодно, ибо их обычное жизненное соотношение просто не важно для мастера.

Но построения, пространственные и ритмические, могут слагать образ. В каком-то смысле они заменяют сюжет. Когда в «Старике» (1925) одинокая фигура пожилого человека сопоставляется с огромным пустынным полем, где виднеется лишь жесткий остов кустарника, возникает ощущение безотрадного одиночества, обреченности, разрыва жизненных связей.

Принцип монтажа положен в основу и одной из самых известных картин Штеренберга «Аниська» (1926). Первоклассная в «операторском» смысле работа — все броско, лапидарно, любая малость способствует зрительной выразительности целого. Но оператор обычно «вырезает» кусок реального пространства и затем организует его, выбирает подходящую точку зрения и т. д., словом, он манипулирует натурным материалом. Монтаж Штеренберга строится принципиально иначе. Художник сопоставляет на плоскости холста фигуру девочки и несколько деталей, относящихся к ее жизни,— стол, тарелку, половинку краюхи черного хлеба. Все детали объединены в рамках условного пространства, которое характеризует простой и скудный мир этой крестьянской девочки.

НАТЮРМОРТ С ЛАМПОЙ И СЕЛЕДКАМИ. 1920.

НАТЮРМОРТ С АРБУЗОМ И БУЛКОЙ. 1920-е г.

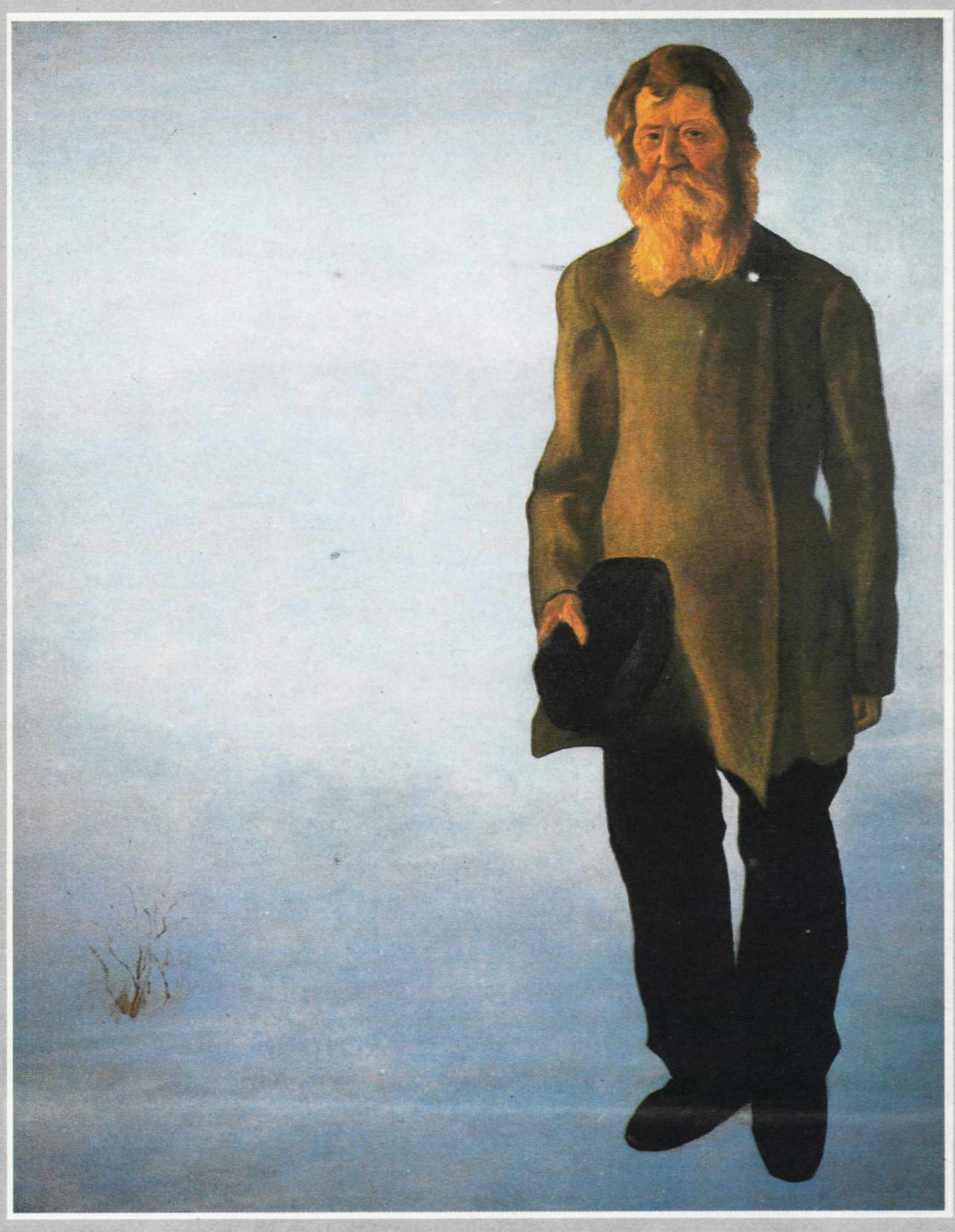
ТЕТЯ САША. 1922—1923.

ПОРТРЕТ Н. Д. ШТЕРЕНБЕРГ, ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА. 1925.

Сама она изображена с пронзительной нотой душевного сочувствия и очень напоминает персонажей прозы Андрея Платонова, смиренно и безответно приемлющих трудную жизнь как она есть. При всей, казалось бы, формальной задаче картины она обладает остротой и точностью социальной характеристики.

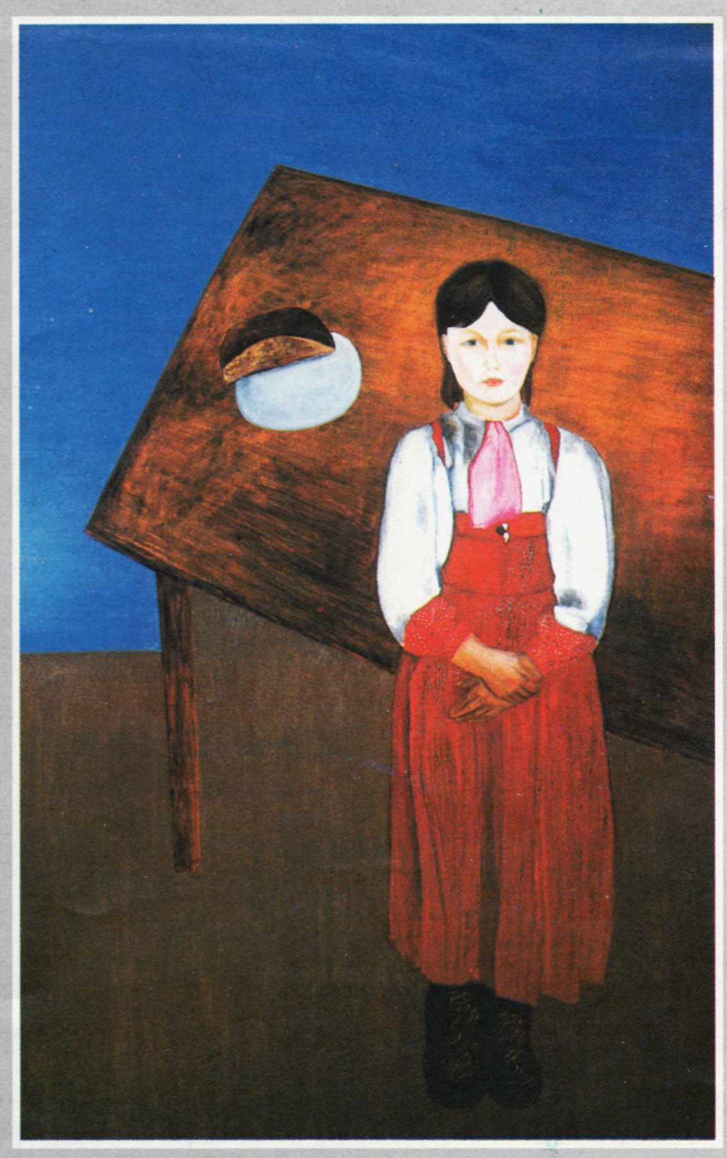
Это качество свойственно и единственной из картин Д. Штеренберга, где присутствует хотя бы наметками данное сюжетное действие,— «Агитатору» 1928 года. Конечно же, монтажные приемы употреблены и тут. Вся изображенная группа как бы выплывает из абстрагированного голубого пространства. Оратор с резко вытянутой, призывающей рукой поставлен вне реальной связи со слушающей его группой крестьян, которые на иконный манер показаны друг над другом. Они слушают напряженно и недоверчиво. Вообще и эта картина, и «Аниська» ни в малейшей мере не заражены тем внешним пафосом декларативности, который уже успел расцвести к концу двадцатых годов в советской живописи. Штеренберг совершенно чужд искусственному и наигранному оптимизму. Его чувство жизни во всех «крестьянских» полотнах (включая и «Старика», и хмурого, печально-одинокого «Единоличника», ок. 1930 г.) далеко от показного энтузиазма. Оно скорее грустно, скованно, проникнуто недобрыми предчувствиями. Для своего времени такой эмоциональный строй в живописи подобного сюжетного ряда был абсолютной редкостью (ведь вскоре сплошняком пошли «Колхозные праздники» и иные пышные парады) и перекликался разве что с некоторыми прозаическими произведениями. Наверное, в этом была одна из причин недовольства Штеренбергом со стороны чиновников от искусства.

Впрочем, он попал в изоляцию и как автор живописных полотен совершенно иного свойства. Я имею в виду те картины мастера, которые продолжают его



СТАРИК. 1925.

АНИСЬКА. 1926.



живописно-лирические искания парижского периода. Такие, например, вещи, как «Натюрморт с арбузом и булкой», «Натюрморт с капустой» двадцатых годов, «Стол с лампой и белой вазой» 1926 года, «В мастерской» 1928 года, «Портрет Н. Д. Штеренберг» 1926 года, «Семейный портрет» 1929 года и некоторые другие полотна, близкие по стилю и характеру.

Все это истинные шедевры живописи, тончайшей и лапидарной. Разберемся в отличительных качествах хотя бы первой из названных вещей, «Натюрморта с арбузом и булкой». Это своего рода хор предметов. Причем каждый существует отдельно и самоценно. Лежит, скажем, арбуз с его светло-розовой мякотью, затем следует ритмическая цезура, и из глубины пространства возникает стакан с воткнутой в него веточкой. Они рядом, но между ними бесконечное пространство, ибо эти предметы обладают различным духовным содержанием. В первом случае перед нами сладостно-лирическое созерцание, во втором — строгое, четко ритмизованное движение чувства. Такое особое выражение художник находит для каждой детали натюрморта. А все они сопоставлены странно и условно. Натюрморт в целом похож на некий странный и смелый срез мира. Живопись полотна изысканна в своих тонких сочетаниях и разветвлениях. Зрительное начало сплетено в нем с музыкальным.

Пройдет несколько лет, и живопись такого типа станут называть формалистической. Иллюзии времен «ИЗО» также развеются, объективное отношение к художникам всех направлений будет забыто, все «левое» подвергнется гонениям.

Давид Петрович Штеренберг не искал компромиссов. Он оставался верен и своей палитре, и своей совести. С ним поступали беспощадно, лишая и места в выставочных залах, и просто средств к существованию. Вот почему под конец жизни у автора тонких и светозарных натюрмортов на мольберте появились эскизы «Распятия»...

**Александр КАМЕНСКИЙ**

## Михаил ЯСНОВ

* * *

*Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь.*

**А. С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум»**

В середине шестидесятых резко замедлилось
время.
«Племя» и «семя» рифмоваться с ним
перестали,
«стремя» давно скопытилось,
правда, еще оставались «темя» и «бремя»,
но темя болело от бремени стоявших
на пьедестале.

В середине семидесятых произошел
ожидаемый криз —
исподволь были розданы мишени и мушки.
Наше поколение оказалось выбито: из
десяти примерно восемь расположились
у кормушки.

Старшее поколение имело судьбу и успех.
Младшее поколение еще кувыркалось в нетях.
Наше поколение поверх этих глядело на тех,
часто не различая, что — у тех, что — у этих.

Мы начали слишком рано и ушли в никуда,
никто посреди нигде стал нами
распоряжаться,
поэтому если хочется единожды навсегда,
то это вполне естественно и не следует
поражаться.

В середине восьмидесятых все расставилось
по местам:
старшим хватает чего терять,
младшим есть чего добиваться.
Мы оказались на берегу подобно выброшенным
китам,—
остается, ползя вперед, окончательно
добиваться.

Но если двоим из десяти захочется круто
поворотить,
то есть еще прилив и прибой, а рядом —
друг и ровесник.
Вот бы только еще удаче покружить
и поворожить
там, где громко хохочут чайки
и гордо реет буревестник.

### СТАРЫЙ МОТИВ

Когда оглянешься — какою жизнью странною
мы жили в юности, не жизнью — а войной.
Какой поверхностной, кичливой и эстрадною,
какой измотанной, подавленной, двойной!

Экскурсоводы не пускали нас в запасники,
где краски ржавели, весь мир взорвать грозя.
Мы говорили о любви, как третьеклассники,—
носы зажмурив и плотней заткнув глаза.

Но втайне жили ожидаемыми битвами,
как божество, ниспровергая ханжество,
а кто покруче — тот бродил и бредил
«битлами»,
свое особое справляя торжество.

А как учились мы! Как много было выходцев
из школьных бредней, из лукавых стенгазет!
О стража чуткая — Наумов, Плоткин,
Выходцев —
профессора соцреализма и анкет!

Предпочитали комбайнера нам и егеря,
словесность двигая то в поле, то в тайгу.
Мы диалектику учили не по Гегелю,
а по учебнику со штампом ЛГУ.

Была наглядная метафора знакома нам —
она особый обретала вкус и вес,
когда у нас читал слепец, ведомый гомоном,
то экономию, то курс КПСС.

Когда б мы знали, как еще наэкономимся —
уж то-то с пылу бы полезли на рожон!...
Пусть кинут камнем в нас —
за камнем мы наклонимся
и до грядущего ремонта сбережем.

### УТРЕННЯЯ ОДА

О авоська! Широки твои тенета —
эти кукольные нити только тронь,
как тугие ячеи сведет зевота
и вопьются ручки-ниточки в ладонь.

Лук вонзается стрелою в брюхо брюкве,
ядра свеклы брызжут кровью на салат,
и куриные головки, как хоругви,
над поверженною армией висят.

Фарш расплющенный становится все тоньше,
из раздавленных пакетов потекло...
Молчаливые, стоят наполеонши
перед зрелищем привычных ватерло.

О картофель! Он влезает в прорву сеток
и идет в прорыв — чем мельче, тем верней...
Всемогущ военный театр марионеток
в несгибаемых руках очередей!

* * *

Люблю переводить поэтов-северян,
их перечень ветров, метелей и растеньиц.
Что говорит якут? Я стих его сверял
с тем, что увидел нивх и что услышал ненец.

Тот песни собирал да память бередил,
тот в тундре бедовал, ерник зимой копал там...
Еще один сюжет морской залив родил:
все чаще, все сильней влечет меня
к прибалтам.

С досужей болтовней сюда не залетишь,
здесь, где равны поэт, крестьянин и торговец,
эстонец промолчит, сощурится латыш
да парой едких слов отшутится литовец.

Как мне перевести безмолвный их упрек,
чтоб не казался он ни суетным, ни чванным?
И, может, бог меня от срама уберег,
когда подался я к веселым молдаванам?

Загублен виноград, зато цветет полынь.
Шмели сипят, задрав чахоточные рыльца.
По лестнице скрипит одышливо латынь,
кириллицу призвав на помощь, как перильца.

А что грузинский стих? За рифмой теневой
в подтекст очередной проникну нелегко я....
Всех, всех, кого люблю, переведу с лихвой —
и лишь родной язык мне не дает покоя.

Едва сажусь за стол, он душу теребит,
но всех чужих обид преодолеть не в силах.
Я зажигаю свет, и проступает стыд,
как тайнопись, меж строк постылых
и постылых.

За все, что предаем огласке и суду,
за то, что не в ладу язык мой и природа,
за бедную дуду, за общую беду —
за все в ответе ты, искусство перевода!

---

## Надежда КОНДАКОВА

### ПРАПАМЯТЬ

эти гекзаметры русского духа
вряд ли уместятся в утлую речь
вряд ли из пыли праха и пуха
можно мифический корень извлечь
лечь в основание двух геометрий
ветру стамеской подрезать крыло
и отличая его от поветрий
против теченья поплыть тяжело
зло наказуемо не вычитаньем
таяньем сердца внутри ледника
ревностью страха и крови братаньем
в тигле где плавят слепые века
дух в оболочке из смрада и яда
тронутых молью и болью речей
праздный напрасный уже не награда
рваная нота в ушах скрипачей
чей ты наследник и где твоя квота
от милосердия сирых равнин
между тобой и тоскою до рвоты
вбит журавлиный отравленный клин

### СКАЛЬПЕЛЬ

взявши скальпель в дрожащие руки
отрицательный резус не прячь
плач от боли от дури от скуки
где ты был неподкупен и зряч
злачный помысел в Красную книгу
был снотворным наитьем внесен
но пространство держащее фигу
запевало с тобой в унисон
снявши голову верно не плачут
по чугунным ее волосам
по небесным весам по удачам
по пролившимся в бездну часам
сам не знаешь за что ты наказан
премиальной тяжелой тоской
будь хоть Крезом несчастья хоть КрАЗом
разом собранной боли людской
вой стоит в пересоленной пене
неотцветших казарменных лип
и погибшая церковь Успенья
умещается в правильный всхлип
влип ты в этот музейный застенок
и в простенок меж сонных зеркал
меж фальшивых эпох или денег
и для этого скальпель сверкал
ну так что же держи и не брезгуй
эту рыжечугунную прядь
этот скальп за сырой занавеской
над рекою повернутой вспять

### ЭПИСТОЛА КРИТИКУ Т. Г.

гениален ли Жданов Иван развивающий в тему
словно в фугу форейтор ефрейтор Евклид
в теорему
этот прусский пейзаж или в прусском
российском пейзаже
заводской антураж и дыру в заводском
антураже
через эту дыру через эти дощатые ниши
были смыслы как числа протащены
данные свыше
через эту цезуру меж вдохом и выдохом снега
через эту цензуру внутри самого имярека
гениален ли снег если он не дословно реален
то как бритва горяч то как ржавая рельса
хрустален
спален нету в помине и лишь табурет
колченогий
словно символ твердыни поныне стоит
у дороги
дроги поданы где же форейтор ефрейтор
из взвода
музыкального в целом не чуждого в целом
народу
для которого свет не замызган
и не инфернален
гениален постольку поскольку бессмертно
банален

Рэймонд ЧАНДЛЕР

ПОВЕСТЬ

# РЫЖИЙ ВЕТЕР

3

Сперва я его не узнал. Может быть, по причине, прямо противоположной той, по какой его не узнал и Уолдо. Когда он сидел за стойкой бара, то все время был в шляпе, а теперь нет. Там, где должны были, по идее, быть волосы, блестела белая лысина. Он выглядел не просто на двадцать лет старше. Это был другой человек.

Но пистолет у него в руке мне был знаком — прицельный, автоматический, двадцать второго калибра. И глаза я узнал. Яркие, настороженные, пустые глаза, как у ящерицы.

Он был один. Поднес пистолет мне к лицу и сказал сквозь зубы:

— Да, я. Зайдем-ка.

Я попятился, насколько было нужно, и остановился. Настолько, чтобы он мог закрыть дверь без лишних движений. По его глазам я видел, что ему это и требуется.

Я не испугался. Меня парализовало.

Прикрыв дверь, он заставил меня медленно отступить еще немного, пока я не уперся во что-то ногами. Он смотрел мне прямо в глаза.

— Это карточный столик,— сообщил он.— Какой-то дурень здесь в шахматы играет. Ты?

Я проглотил слюну.

— Я не играю. Так, забавляюсь.

— Для игры нужны двое,— заявил он голосом хриплым и сдавленным, словно когда-то при допросе третьей степени какой-то полицейский дал ему дубинкой по горлу.

— Это не игра,— объяснил я.— Задача. Смотри, как стоят фигуры.

— Я в этом не разбираюсь.

— В общем, я один,— сказал я, и голос дрогнул ровно настолько, насколько нужно.

— Какая разница,— откликнулся он.— Мне все равно кранты. Кто-нибудь стукнет на меня завтра, на той неделе, один черт. Мне просто твоя фотокарточка не понравилась, приятель. И этот смазливый педик в белой курточке, в баре. Я таких, как вы, в гробу видал.

Я не ответил и не шевельнулся. Дуло легко, почти ласково, царапнуло меня по щеке. Он улыбнулся.

— Да и для дела пригодится,— сообщил он.— На всякий случай. Я птица стреляная, хороших отпечатков не оставляю, против меня только и есть, что два свидетеля. Ну их к чертовой матери.

— Что тебе сделал Уолдо? — Я попытался, чтобы это прозвучало так, словно мне и вправду хотелось это узнать; на самом деле я хотел не так сильно трястись.

— Раскололся насчет налета на банк в Мичигане и посадил меня на четыре года. А с него за это сняли обвинение. Четыре года в Мичигане — не курорт. В этих штатах, где дают пожизненное, любят, чтобы слушались.

— Откуда ты знал, что он здесь? — проскрипел я.

— Я не знал. То есть вообще-то я его искал. Больно хотелось повидаться. Накануне вечером наткнулся на него на улице, но он смылся. Тут я и стал его искать. Он хитрый, Уолдо. Как он там?

— Умер,— сказал я.

— Гожусь еще,— хмыкнул он.— Пьяный ли, трезвый ли. Что ж, мне это теперь без разницы. Опознали они меня уже?

Я не торопился с ответом. Он ткнул пистолетом мне в горло, я задохнулся и едва инстинктивно не ухватился за пистолет.

— Ну-ну,— мягко предупредил он меня.— Без этого. Не такой же ты дурак.

Я опустил руки по швам, повернув их к нему раскрытыми ладонями. Знал, что так надо. Он так и не коснулся меня — только пистолетом. Ему как будто было все равно, есть ли у меня тоже оружие. Это значило, что он решился.

Видимо, ему вообще на все было наплевать, раз он снова появился в этом квартале. Может быть, так на него подействовал горячий ветер, который бился в мое закрытое окно, как прибой о пирс.

— У них есть твои отпечатки пальцев,— сказал я.— Не знаю, насколько четкие.

— Они сойдут, но не для передачи по телетайпу. Чтобы их проверить, придется отправлять их самолетом в Вашингтон и обратно. Так зачем я сюда пришел, приятель?

— Ты слышал, как мы с парнишкой болтали в баре. Я сказал ему, как меня зовут и где живу.

— Это значит — **как**, приятель. А я спросил — **зачем**.— Он улыбнулся мне. Паршивая была улыбка, особенно если это последняя, которую видишь в жизни.

— Кончай ты,— отозвался я.— Палач не попросит тебя угадать, зачем он пришел к тебе на свидание.

— Смотри, какой храбрый. После тебя наведаюсь к этому пареньку. Я его проследил из полиции до дому, но решил, что ты будешь первым. Ехал за ним до дому из муниципалитета в машине, которую Уолдо взял напрокат. От самой полиции ехал, приятель. Дураки эти сыщики. Будешь сидеть у них прямо под носом, в жизни тебя не узнают. Побежишь за трамваем, они начнут палить из пулеметов и сковырнут пару прохожих, таксиста, который дрыхнет в машине, и старуху уборщицу, которая моет пол на втором этаже. А в того, за кем гонятся, ни за что не попадут. Дураки чертовы.

Он поковырял дулом у меня в шее. Глаза у него были еще безумнее, чем раньше.

— У меня время есть,— сказал он.— Машины Уолдо не скоро хватятся. Да и про Уолдо не скоро разузнают. Я Уолдо знаю. Хитрюга был. Ловкий малый, Уолдо.

— Меня вырвет,— сказал я,— если ты не уберешь пистолет от горла.

Он улыбнулся и перевел пистолет на сердце.

— Так сойдет? Скажи, когда.

Наверно, я говорил громче, чем думал. Между дверью гардеробной и стеной появилась темная трещинка. Она выросла до дюйма. Потом до четырех. Я увидел глаза, но не смотрел на них. Я твердо уставился в глаза лысому. Очень твердо. Не хотел, чтобы он отвел от меня взгляд.

— Боишься? — ласково спросил он.

Я налег на пистолет и начал трястись. Решил, что ему понравится, если я задрожу. Девушка появилась из-за двери. У нее в руке снова был револьвер. Жалко мне ее было до чертиков. Сейчас побежит к выходу или завопит. И в том и в другом случае крышка нам обоим.

— Чего время тратишь? — проблеял я. Голос мой показался далеким, словно радио на другой стороне улицы.

— Нравится мне, приятель,— улыбнулся он.— Я такой.

Где-то позади него плыла по воздуху девушка. Такой беззвучности я в жизни не видал. Хотя, что толку? Он с ней церемониться не станет. Я знал его всю свою жизнь, хотя смотрел ему в глаза всего пять минут.

— А вдруг я закричу?

— Интересно,— отозвался он и мерзко оскалился.— Давай покричи.

Она не пошла к двери. Теперь она была прямо позади него.

— Что ж, вот и закричу,— сказал я.

Словно по сигналу, она сильно ткнула свой пистолетик ему в ребра.

Конечно, он мгновенно среагировал. Разинул рот, оторвал локти в стороны и чуть выгнул спину. Его пистолет был нацелен мне в правый глаз.

Я нырнул вниз и дал ему в пах коленом изо всей силы.

Подбородок у него пошел вниз, и я по нему ударил. Ударил, словно забивал последний костыль в первую трансконтинентальную железную дорогу. Когда сгибаю пальцы, до сих пор чувствую.

Дуло проехалось у меня по щеке, но выстрела не было. Он уже шатался. Задыхаясь и корчась, он свалился на левый бок. Я лягнул его в правое плечо как следует. Пистолет отпрыгнул от него и, крутясь по ковру, залетел под стул. Где-то позади меня раздался стук падающих шахмат.

Девушка стояла над ним, глядя вниз. Потом ее широкие и темные перепуганные глаза поднялись и встретились с моими.

— Вы меня купили,— заявил я.— Все мое теперь ваше, отныне и навеки.

Она меня не слышала. Глаза у нее были распахнуты так широко, что под ярко-синей радужной оболочкой виднелись краешки белков. Держа свой револьвер на весу, она быстро попятилась к двери, нащупала позади себя ручку и резко ее повернула. Потянула дверь на себя и выскользнула вон.

Дверь закрылась.

Она ушла без шляпы и без жакета «фигаро».

У нее был только револьвер, и предохранитель попрежнему не был снят, так что выстрелить она не могла.

Теперь в комнате стало тихо, даже ветер смолк. Потом я услышал, как лысый хватает воздух ртом. Лицо у него покрылось зеленоватой бледностью. Я зашел сзади, обыскал его, но ничего не нашел. Из ящика стола достал пару дешевых наручников и, вытянув ему руки вперед, защелкнул их на кистях. Если он не слишком сильно их встряхнет, они продержатся.

Несмотря на явную боль, он глазами снимал с меня мерку для гроба. Он лежал посреди комнаты на левом боку — скрюченный, иссохший, лысый человечек со сведенными губами. Зубы у него были испещрены дешевыми серебряными пломбами. Рот чернел провалом, его волнообразное дыхание обо что-то спотыкалось, и тогда он начинал задыхаться.

Я пошел в гардеробную и открыл ящик. Там на моих рубашках лежали ее шляпа и жакет. Засунув их вниз, поглубже, и заложив рубашками, я пошел в кухню, налил хорошую порцию виски, проглотил ее и постоял, слушая, как снова стал завывать за стеклом горячий ветер. Хлопнула дверь гаража, и высоковольтный провод, слишком слабо натянутый между изоляторами, хлестнул по стене дома, будто где-то выбивали ковер.

Выпивка подействовала. Я вернулся в гостиную и открыл окно. Парень на полу не учуял запаха ее духов, но у кого-нибудь может оказаться обоняние лучше.

Закрыв окно, я вытер ладони и стал звонить в полицию.

Коперник еще был на месте. Его насмешливый голос произнес:

— Да? Марлоу? Сейчас угадаю. Тебе идея пришла.

— Убийцу этого установили?

---

Продолжение. Начало в № 32.

— Не положено рассказывать, Марлоу. Ты уж прости. Сам знаешь.

— Ладно. Мне плевать, кто он такой. Только приезжайте, заберите его у меня в квартире с ковра.

— Мать честная! — Потом голос у него зазвучал приглушенно.— Погоди-ка минутку. Погоди.— Я услышал, как где-то вдали как будто прикрывают дверь. Потом снова его голос.— Выкладывай,— сказал он тихонько.

— В наручниках,— сообщил я.— Весь ваш без остатка. Пришлось дать ему коленом, но он оправится. Приходил сюда убрать свидетеля.

Снова пауза. Голос стал медоточивым.

— Слушай-ка, парень, кто еще с тобой в этом деле?

— Кто еще? Никого. Один я.

— Пусть так и будет, парень. Без шума. О'кей?

— Думаете, я всех соседей созову сюда на экскурсию?

— Не волнуйся, парень. Тихо. Сиди на месте. Я уже у тебя. Не трогать ничего. Ясно?

— Ага.— Я снова дал ему адрес и номер квартиры, чтобы он сэкономил время.

Я так и видел, как сияет его лошадиная физиономия. Достал из-под стула пистолет двадцать второго калибра и сел, держа его в руке, а потом у меня за дверью громыхнули шаги, и костяшки пальцев выбили тихую дробь на двери.

Коперник был один. Он быстро заполнил собой дверной проем, с натянутой ухмылкой втолкнул меня обратно в комнату и закрыл дверь. Встал к ней спиной, держа руку за левым отворотом пиджака. Крупный, жесткий, костистый полицейский с пустыми жестокими глазами.

Он медленно опустил их и взглянул на человека на полу. У того слегка подергивалась шея. Глаза ходили ходуном — больные глаза.

— Уверен, что это тот самый? — Голос у Коперника был хриплый.

— Абсолютно. Где Ибарра?

— Да он занят.— Говоря это, он на меня не смотрел.— Наручники твои?

— Ага.

— Ключ.

Я бросил ему ключ. Он быстро опустился рядом с убийцей на колено, снял с него мои наручники, отшвырнул их. Достал с бедра свои, закрутил лысому руки назад и защелкнул на них наручники.

— Ладно, сволочь,— бесцветным голосом произнес убийца.

Коперник усмехнулся, сжал кулак и ударил скованного человека со страшной силой прямо в губы. Голова у того дернулась назад так, что, казалось, шея переломится. Из угла рта потекла кровь.

— Давай полотенце,— приказал Коперник.

Я достал полотенце для рук и передал ему. Он со злобой засунул его скованному пленнику между зубов, встал и провел худыми пальцами по своим жидким светлым волосам.

— Так. Рассказывай.

Я рассказал — ни словом не упомянув о девушке. Звучало это странновато. Коперник наблюдал за мной и молчал. Потер покрытый прожилками нос. Потом достал гребенку и опять занялся волосами.

Я подошел и отдал ему пистолет. Он небрежно взглянул на него и сунул в боковой карман. В глазах у него что-то мелькнуло, и лицо растянулось в веселую, жесткую усмешку.

Я нагнулся и стал собирать шахматы, складывая их в коробку. Поставил коробку на камин, выпрямил ножку карточного столика, немного еще повозился. Все это время Коперник за мной наблюдал. Я хотел, чтобы он до чего-нибудь додумался.

Наконец, его прорвало.

— Этот парень ходит с двадцать вторым калибром,— сказал он.— Видно, ему этого хватает. Значит, он в этом деле мастак. Он стучит тебе в дверь, сует эту пушку тебе в брюхо, вталкивает тебя в комнату, говорит, что пришел, чтобы навсегда заткнуть тебе рот,— и все же ты его одолеваешь. И без револьвера. В одиночку. Ты, видно, и сам мастак, приятель.

— Слушай,— сказал я и взглянул на пол. Подобрал еще одну шахматную фигурку и стал вертеть ее в пальцах.— Я решал шахматную задачу. Пытался все это забыть.

— Что-то у тебя на уме, приятель,— вкрадчиво произнес Коперник.— Ты ведь не станешь врать старому фараону, а, парень?

— Имеешь первоклассное задержание, я тебе его дарю,— сказал я.— Какого черта тебе еще надо?

Человек на полу промычал что-то сквозь полотенце. Его лысая голова блестела от пота.

— Что такое, приятель? Скрываешь что-то? — почти прошептал Коперник.

Я быстро взглянул на него и отвернулся.

— Ладно,— сказал я.— Ты чертовски хорошо знаешь, что в одиночку мне было его не осилить. Он держал меня на прицеле, а стреляет он в яблочко.

Коперник прикрыл один глаз и одобрительно прищурился на меня другим.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

— Дальше, приятель. Мне тоже это в голову пришло.

Я немножко еще потянул время, чтобы было больше похоже на правду. Потом сказал медленно:

— Здесь был паренек, который ходил на грабеж в Бойл-Хайтс. Но у него ничего не вышло. Грошовое дело на бензоколонке. Я знаю его семью. Вообще-то он парень неплохой. Пришел ко мне просить денег на железнодорожный билет. Когда раздался стук, он спрятался. Вон туда.

Я показал на откидную кровать и дверь рядом с ней. Голова Коперника медленно повернулась туда, потом обратно. Он снова заморгал.

— И у этого парнишки был револьвер,— сказал он.

Я кивнул.

— Он зашел сзади. Трус такого бы не сделал. Ты должен дать парню шанс. Не впутывай его в это дело.

— Сообщили про этого парня? — осторожно осведомился Коперник.

— Он сказал, что еще нет. Боится, что сообщат.

Коперник улыбнулся.

— Я расследую убийства,— заявил он.— Остальное меня не касается.

Я указал на скованного человека с заткнутым ртом.

— Ведь это ты его задержал, верно? — ласково спросил я.

Коперник продолжал улыбаться. Большим белесым языком он полизал толстую нижнюю губу.

— Как я это сделал? — прошептал он.

— Пули достали из Уолдо?

— Конечно. Двадцать второй калибр. Одна расплющилась о ребро, одна целая.

— Ты человек аккуратный. Ничего не оставляешь без внимания. Обо мне ничего не знаешь. Вот и зашел проверить, какое у меня оружие.

Коперник встал и снова опустился на одно колено возле убийцы.

— Слышишь меня, парень? — спросил он, приблизив к его лицу свое.

Тот издал невнятный звук. Коперник встал и зевнул.

— Какого черта — кого интересует, что он там скажет? Давай дальше, приятель.

— Ты не ожидал у меня ничего найти, но хотел посмотреть, как я живу. И пока ты там возился — я указал на гардеробную — в дверь постучали. Он вошел. А немного погодя ты подкрался сзади и арестовал его.

— Ага.— Коперник широко ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Заметано, приятель. Я дал ему в челюсть, потом коленкой и задержал. У тебя оружия не было, а парень полез на меня всерьез, ну, я и справился. О'кей?

— О'кей,— отвечал я.

— Расскажешь так в полиции?

— Ага,— отвечал я.

— Я за тебя постою, приятель. Ты ко мне похорошему, и я так же. Забудь насчет того парнишки. Дай мне знать, если надо будет его выручить.

Он подошел и протянул руку. Я ее пожал. Она была влажная и липкая, как дохлая рыба. От влажных рук и от людей с такими руками меня тошнит.

— Только вот что еще,— сказал я.— Напарник твой — Ибарра. Не обидится он, что ты его сюда не взял?

Коперник взъерошил волосы и вытер ленту внутри шляпы большим желтоватым шелковым платком.

— Этот итальяшка-то? — оскалился он.— Да пошел он к черту! — Он подошел ко мне вплотную и дохнул в лицо.— Значит, чтоб без ошибок, приятель, так и расскажем.

У него пахло изо рта. Так и должно было быть.

## 4

В кабинете начальника, где Коперник все им выложил, нас было только пятеро. Стенографист, начальник, Коперник, я, Ибарра. Ибарра покачивался на стуле у боковой стены. Шляпа у него была надвинута на глаза, но она не скрывала их мягкого блеска, а в углах четко очерченных губ маячила тихая улыбочка. Он не смотрел прямо на Коперника. Коперник не смотрел на него вовсе.

Перед этим в коридоре сделали фото — Коперник пожимает мне руку, Коперник в аккуратно посаженной шляпе, с револьвером в руке и с суровым, озабоченным выражением лица.

Они сказали, что теперь знают, кто такой Уолдо, но мне не скажут. Я не поверил, что знают, потому что на столе у начальника было фото Уолдо, снятое в морге. Прекрасная работа — волосы приглажены, галстук завязан, свет бьет прямо в глаза, и они блестят. Никто бы не догадался, что это карточка мертвеца с двумя пулями в сердце. Он был похож на короля дансинга, решающего, кого выбрать — блондинку или рыжую.

Домой я добрался около полуночи. Парадная дверь была заперта, и пока я искал ключи, что-то шевельнулось в темноте, и я услыхал тихий голос.

Было произнесено всего только: «Пожалуйста!», но я его узнал. Я обернулся и поглядел на темный «кадиллак», стоявший у грузовой площадки. Фары не горели. Неожиданно с улицы блеснул свет, который на мгновение отразился в чьих-то глазах.

Я подошел.

— Вы жуткая идиотка,— сказал я.

Она сказала:

— Садитесь.

Я влез в машину, она тронулась с места и проехала полтора квартала по улице Фрэнклин, потом свернула на проезд Кингсли. Горячий ветер по-прежнему обжигал и неистовствовал. Из открытого, плотно занавешенного окна большого дома доносилась по радио веселая музыка. Машин здесь стояло много, но она нашла свободное место позади небольшого, новехонького «паккарда», у которого с ветрового стекла еще не сняли торговый ярлык. Втиснувшись поближе к тротуару, она откинулась, не снимая с руля рук в перчатках.

Теперь она была вся в черном или в темно-коричневом, и в маленькой дурацкой шляпке. Я ощутил знакомый запах духов — сандаловое дерево.

— Неважно я с вами обошлась, да? — сказала она.

— Всего-навсего спасли мне жизнь.

— Что было потом?

— Я позвонил в полицию, немного наврал полицейскому, который мне не симпатичен, превратил этот арест в его заслугу — на том и кончилось. Парень, которого вы от меня отогнали, был убийцей Уолдо.

— Значит... вы им про меня ничего не сказали?

— Леди,— повторил я,— вы всего-навсего спасли мне жизнь. Чего вы еще хотите? Я на все готов, буду рад и постараюсь справиться.

Она ничего не ответила и не пошевельнулась.

— От меня никто не узнал, кто вы такая,— сказал я.— Кстати, я и сам не знаю.

— Меня зовут миссис Фрэнк Барсали, улица Фремонт, дом 212, телефон два-сорок пять-девяносто шесть. Вы это хотели знать?

— Благодарю,— пробормотал я, и стал катать в пальцах сухую незажженную сигарету.— Зачем вы вернулись? — Тут я щелкнул пальцами левой руки.— Шляпа и жакет,— сказал я.— Сейчас пойду принесу.

— Не только в этом дело,— сказала она.— Мне нужны мои жемчуга.

Кажется, я слегка подпрыгнул. Жемчугов только еще не хватало.

По улице промчалась машина, вдвое быстрее, чем ей следовало бы. Легкое горькое облачко пыли взметнулось в свете фонарей, завихрилось и растаяло. Девушка быстро подняла окно.

— Ладно,— решил я.— Рассказывайте про жемчуга. У нас уже было убийство, загадочная женщина, сумасшедший преступник, героическое спасение и полицейский сыщик, которому подстроили ложное донесение. Теперь займемся жемчугами. Давайте выкладывайте.

— Я должна была выкупить их за пять тысяч долларов. У человека, которого вы называете Уолдо, а я Джозефом Котсом. Они должны были находиться при нем.

— Не было их,— сказал я.— Я видел, что вынули у него из карманов. Много денег, но никаких жемчугов.

— Не мог он их спрятать у себя в квартире?

— Мог,— сказал я.— Насколько мне известно, он мог спрятать их в любой точке штата Калифорния, кроме как у себя в карманах. Как себя чувствует мистер Барсали в такой жаркий вечер?

— Он все еще в городе на совещании. Иначе я не смогла бы приехать.

— Почему? Могли бы привезти его с собой,— заметил я.— На откидном сиденье.

— Ну, не знаю,— откликнулась она.— Фрэнк весит сто килограммов и довольно полный. Вряд ли он захотел бы ехать на откидном сиденье, мистер Марлоу.

— Что за черт, о чем мы говорим?

Она не ответила. Ее руки в перчатках легонько, вызывающе похлопывали по тонкому ободу руля. Я швырнул незажженную сигарету в окно, немного повернулся и обнял ее.

Когда я ее отпустил, она отодвинулась от меня как можно дальше, к стенке машины, и провела перчаткой по губам. Я сидел неподвижно.

Мы помолчали. Потом она сказала очень медленно:

— Я вас на это вызвала. Но я не всегда была такая. Только с тех пор, как летчик Стэн Филипс погиб в авиакатастрофе. Если бы не это, я бы сейчас была миссис Филипс. Жемчуга подарил мне Стэн. Как-то он сказал, что они стоят пятнадцать тысяч. Белый жемчуг, сорок одна штука, самая крупная примерно треть дюйма в диаметре. Не знаю, сколько гранов. Я их не оценивала и не показывала ювелиру, так что не знаю. Но я их любила из-за Стэна. Я любила Стэна. Так, как любят всего раз в жизни. Можете вы это понять?

— Как ваше имя? — спросил я.

— Лола.

— Рассказывайте дальше, Лола.— Я вытащил из кармана новую сухую сигарету и завертел ее в пальцах, просто чтобы чем-нибудь их занять.

— На ожерелье была простая серебряная застежка в форме пропеллера. В самой середине — маленький брильянт. Фрэнку я сказала, что жемчуга поддельные и я купила их сама. Он поверил. Отличить и правда трудно. Понимаете... Фрэнк довольно ревнив.

В темноте она придвинулась ко мне, и ее бок коснулся моего. Но на этот раз я не шевельнулся. Завывал ветер, содрогались деревья. Я по-прежнему вертел сигарету.

— Наверно, вы читали этот рассказ,— сказала она.— Про жену и настоящий жемчуг и как она сказала мужу, что он фальшивый.

— Читал,— ответил я.— это Моэм.

— Я взяла на службу Джозефа. Муж тогда был в Аргентине. Мне было очень одиноко.

— Понятно,— сказал я.

— Мы с Джозефом часто катались на машине. Иногда сидели где-нибудь вместе. Но больше ничего. Я не...

— Вы рассказали ему про жемчуг,— прервал я.— И когда ваши сто килограммов говядины вернулись из Аргентины и вышвырнули его вон, он взял с собой жемчуг, потому что знал, что он настоящий. А потом предложил вам вернуть его за пять тысяч.

— Да,— просто сказала она.— Конечно, я не хотела идти в полицию. И, конечно, в этих обстоятельствах Джозеф не побоялся дать мне свой адрес.

— Бедный Уолдо,— заметил я.— Мне его даже жалко. Надо же было в такой момент нарваться на старого друга, у которого на тебя зуб.

Я чиркнул спичкой о подошву и прикурил. Табак так высох от горячего ветра, что вспыхнул, словно трава. Женщина тихо сидела рядом, снова положив руки на руль.

— Ах уж эти летчики,— сказал я.— погибель для женщин. И вы все еще любите его или вам так кажется? Где вы хранили жемчуг?

— В шкатулке из русского малахита у себя на туалетном столике. Вместе со всякой бижутерией. Иначе я не смогла бы их надевать.

— И они стоили пятнадцать кусков. И вы думаете, что Джозеф спрятал их у себя в квартире. Тридцать первая, да?

— Да,— сказала она.— Наверно, это слишком большая просьба.

Я открыл дверцу и вылез из машины.

— Услуги оплачены вперед,— сказал я.— Пойду посмотрю. У меня в квартире двери не слишком упрямые. Когда полиция обнародует фотографию Уолдо, то узнает, где он жил, но, наверно, это будет не сегодня.

— Это страшно мило с вашей стороны,— заявила она.— Мне ждать здесь?

Я стоял, опершись на подножку, слегка наклонившись, и смотрел на нее. На ее вопрос я не ответил. Просто стоял, вглядываясь в блеск ее глаз. Потом захлопнул дверцу и пошел к улице Фрэнклин.

Даже при этом ветре, от которого у меня ссыхалось лицо, я все еще ощущал запах сандалового дерева от ее волос. И ее губы.

Я отпер парадную дверь «Берглунда», прошел через тихий вестибюль к лифту и поднялся на третий. Тут я прокрался по тихому коридору и взглянул на порог тридцать первой квартиры. Света не было. Я постучал легким, уверенным стуком бутлеггера. Никакого ответа. Я вынул толстый кусок твердого целлулоида, который притворялся окошечком над водительскими правами у меня в бумажнике, вставил его между языком замка и косяком и сильно налег на дверную ручку, нажимая в направлении петель. Замок сухо щелкнул, словно сосулька сломалась. Дверь поддалась, и я вошел в почти полную тьму. С улицы просачивался свет, бросая там и сям слабые отблески.

Я закрыл дверь, включил свет и замер. В воздухе стоял странный запах. Через секунду я его распознал — запах черного табака. Я пробрался к стоячей пепельнице у окна и увидел четыре коричневых окурка — мексиканские сигареты.

Наверху, у меня на этаже, кто-то спустил ноги на ковер и пошел в уборную. Я услышал, как спускают воду. Я прошел в ванную квартиры 31. Легкий беспорядок, ничего нет, и спрятать негде. Кухня заняла времени побольше, но я и не слишком старался искать. Я понял, что в этой квартире жемчугов нет. Я знал, что Уолдо уходил в спешке и что-то беспокоило его, когда старый друг всадил в него две пули.

Я вернулся в гостиную, откинул кровать от стены и заглянул за зеркальную дверь в гардеробную в поисках каких-нибудь примет жилья. Откинув кровать еще дальше, я перестал искать жемчуга. Я нашел человека.

Он был невысокий, пожилой, с седыми висками, с очень смуглой кожей, одет в желто-коричневый

костюм с галстуком цвета красного вина. Его аккуратные смуглые руки бессильно свисали по бокам. Маленькие ступни в остроносых начищенных ботинках почти доставали до пола. Он свисал с металлической спинки кровати на ремне, захлестнутом вокруг шеи. Язык у него был высунут так далеко, как мне в жизни не приходилось видеть.

Он слегка раскачивался, что мне не понравилось, поэтому я задвинул кровать на место, и он уютно устроился там, зажатый двумя подушками. Я к нему так и не притронулся. И без того было ясно, что он холоден как лед.

Обойдя его кругом, я вошел в гардеробную и вытер платком дверные ручки. Вещей почти не было, так, мелочь, необходимая для одинокого мужчины.

Выйдя оттуда, я принялся за покойника. Бумажника не было. Уолдо, конечно, забрал его и выбросил. Плоская коробочка сигарет, наполовину заполненная, с надписью золотом: «Louis Tapia y Cia, Calle de Paysandú, 19, Monte video». Спички из клуба «Специя». Под мышкой кобура грубой темной кожи, в ней девятимиллиметровый маузер.

Маузер говорил о том, что это профессионал, так что мне стало легче. Но не такой уж опытный профессионал, иначе его не прикончили бы голыми руками, когда в кобуре спокойно лежало оружие, которым можно насквозь прострелить стену.

Я сделал кое-какие выводы, но не до конца. Четыре коричневые сигареты были выкурены, так что речь шла либо об ожидании, либо о разговоре. Где-то по ходу дела Уолдо схватил человечка за горло и прижал так, что тот за несколько секунд потерял сознание. Маузер ему так же помог, как зубочистка. Потом Уолдо повесил его на ремне, возможно, уже мертвого. Этим могла объясняться спешка, очистка квартиры от вещей, беспокойство Уолдо из-за встречи с девушкой. Этим могло объясняться, что машина возле бара была оставлена незапертой.

То есть все эти объяснения годились, если его убил Уолдо, если это действительно была квартира Уолдо, если меня не водили за нос.

Я порылся в других карманах убитого. В левом кармане брюк нашел золотой перочинный ножик, немного серебра. В левом заднем кармане — сложенный и надушенный платок. В правом — еще один, не сложенный, но чистый. В правом переднем — четыре-пять бумажных платков. Чистюля. Не хотел сморкаться в свой платок. Под ними был маленький новый футляр для ключей с четырьмя новенькими ключами от машины. На футляре золотом было написано: «Компания Р. К. Фогельсанг, Инк. Магазин фирмы «Паккард».

Я положил все на место, задвинул кровать, вытер платком ручки, а также плоские поверхности, вырубил свет и высунул нос за дверь. Коридор был пуст. Я спустился на улицу и свернул за угол на проезд Кингсли. «Кадиллак» стоял там же, где и раньше.

Я открыл дверцу и оперся на нее. Женщина, казалось, так и не сменила позы. Выражение ее лица было трудно разглядеть. Трудно было вообще что-нибудь разглядеть, кроме ее глаз и подбородка, но не трудно уловить запах сандалового дерева.

— От этих духов,— сказал я,— и священник спятит... жемчуга там нет.

— Что же, спасибо за попытку,— сказала она тихим, мягким, вибрирующим голосом.— Наверно, переживу. Теперь мне... Нужно нам... Или...?

— Вы поезжайте домой,— велел я.— И что бы ни случилось — вы меня никогда в жизни не видели. Что бы ни случилось. Возможно, вы меня никогда больше и не увидите.

— Это было бы очень жаль.

— Удачи вам, Лола.— Я захлопнул дверцу и отступил.

Вспыхнули фары, заворчал мотор. Большая машина, встреченная порывом ветра из-за угла, сделала медленный поворот и скрылась. Я стоял на тротуаре возле пустого места, где она только что была.

Уже совсем стемнело. В квартире, откуда слышалось радио, окна стали пустыми провалами. Я стоял, глядя на багажник «Паккарда», на вид совсем нового. Я видел его и раньше, до того, как пошел в дом, на этом же месте, перед машиной Лолы. Неподвижный, темный, тихий, в правом углу блестящего ветрового стекла синий ярлычок.

Перед глазами у меня возник набор новеньких ключей в футляре с надписью «Магазин фирмы «Паккард» — наверху, в кармане мертвеца.

Я обошел машину и посветил карманным фонариком на ярлык. Все верно — тот же самый магазин. Под названием фирмы чернилами было написано имя и адрес — «Юджиния Колченко, Западный Лос-Анджелес, ул. Арвиеда, 5315».

Бред какой-то. Я вернулся в квартиру 31, открыл дверь, как раньше, зашел за откидную кровать и вынул футляр с ключами из кармана брюк аккуратного смуглого висящего трупа. Через пять минут я был снова на улице возле машины. Ключи подошли.

**Перевела с английского М. ШАТЕРНИКОВА.**

*Окончание следует.*

ПРОШУ СЛОВА!

# ...НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

**Георгий КУМАНЕВ,
доктор исторических наук,
заведующий отделом истории
Великой Отечественной войны
Института истории СССР
АН СССР**

Взяться за перо меня побудило опубликованное в «Комсомольской правде» за 15 июля с. г. интервью Льва Николаевича Игнатова под названием «Это был не заговор». В нем сын бывшего члена Президиума и секретаря ЦК КПСС Н. Г. Игнатова решительно отвергает многое из того, о чем поведал читателям Сергей Никитич Хрущев в своих дневниковых записках «Пенсионер союзного значения», напечатанных в 40—43-м номерах журнала «Огонек» за 1988 год.

В означенном интервью Л. Игнатов заявляет прежде всего о своем неприятии высказанного Сергеем Хрущевым мнения, что смещение в октябре 1964 года Н. С. Хрущева было результатом интриги и заговора, и утверждает, что это было «правильным шагом», осуществленным якобы «демократическим путем и отнюдь не с целью захвата власти».

Л. Н. Игнатов выражает свое несогласие с тем, что Н. Г. Игнатов являлся «крестным отцом застоя», рисуя при этом его образ в самых радужных тонах и причисляя к сильным и ярким личностям с высоким авторитетом «и в народе, и в партии».

Именно Николай Григорьевич Игнатов, утверждается в интервью, в июне 1957 года был лидером «инициативной группы» по подготовке внеочередного Пленума ЦК, и дело будто дошло до того, что «некоторые члены ЦК предлагали ему возглавить партию»!..

На чем же основываются все эти удивительные суждения и исторические «открытия» Льва Игнатова?

Оказывается, в основном на... рассказах его отца!.. В качестве веского доказательства высоких личных качеств Н. Г. Игнатова, «честно выполнявшего свой долг», Игнатов-младший приводит (опять-таки со слов родителя) даже мнение Сталина: «Игнатов — тот человек, который лучше всех (?!) знает крестьянство в России и накормит (?!) страну хлебом».

Все это выглядит не только бездоказательно, голословно, но и по меньшей мере несерьезно.

И при обращении к фактам, документам, свидетельствам очевидцев нарисованный, видимо, под влиянием сыновних чувств «портрет» Н. Г. Игнатова меняется «на глазах», как портрет Дориана Грея.

Во время одной из встреч с А. И. Микояном (это было 12 февраля 1976 года) на мой вопрос, кто же играл ведущую роль в смещении Н. С. Хрущева, он ответил: «Этими людьми были в первую очередь Брежнев, Подгорный и Суслов, а непосредственными исполнителями подготовленного плана — Шелепин, Семичастный и их помощники. Очень активничал и Игнатов, который был зол и обижен на Хрущева за то, что не вошел в состав Президиума ЦК на первом после XXII съезда партии Пленуме ЦК. Он надеялся на какой-то реванш».

Другой партийный и государственный деятель — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, отвечая мне на тот же вопрос, сослался на свидетельство самого Л. И. Брежнева. Вот что он рассказал:

«В день, когда состоялся октябрьский Пленум, у меня сгорела дача. Поздно вечером весь прокопченный, в спортивном костюме, я приехал в Москву и у своего дома внезапно встретился с Брежневым. Ведь мы живем в одном подъезде. Он выглядел каким-то возбужденным. Мы поздоровались. «Что у тебя за вид?» — спрашивает. Узнав о моей беде, сказал, чтобы я особенно не переживал: «Необходимую помощь окажем». Первое, что он сообщил: «Сегодня мы Хрущева скинули!» И предложил пройтись по Шевченковской набережной. «А кого же избрали Первым?» — спрашиваю его. «Представь — меня,— ответил со смехом Брежнев, а потом уже серьезно добавил: — Все прошло довольно гладко. Неожиданно сопротивление оказал только Микоян: он возражал, чтобы Хрущева освободили сразу с двух постов».

Перечисляя далее тех, кто активно поддержал «инициативу» о смене власти, Брежнев с большой похвалой отозвался о Суслове, Шелесте, Подгорном, Кириленко, Шелепине, других членах Президиума ЦК.

«Очень полезен был в этом деле Николай Григорьевич Игнатов, постарался на совесть. Ведь чуть что, все могло сорваться»,— подчеркнул Брежнев...»

Комментарии здесь вряд ли нужны...

А теперь обратимся к более раннему периоду деятельности Н. Г. Игнатова. Перечисляя его послужной список, Л. Игнатов в интервью бегло отметил: «В 1938-м заменил репрессированного П. П. Постышева на посту первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б)...».

Но известно ли сыну, в результате чего произошла эта «замена»?

Перед нами документы январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б). Именно на этом Пленуме, после выступления первого секретаря Куйбышевского обкома партии П. П. Постышева, он был подвергнут грубым окрикам и шельмованию со стороны Сталина, Ежова, Кагановича, Молотова, Берия, Ярославского и других. Постышев обвинялся в том, что он распустил 34 райкома партии для проведения новых выборов, поскольку после «разоблачений» «врагов народа» и их арестов в каждом райкоме оставалось не более 3—5 человек.

Но вот на трибуне второй секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) Н. Г. Игнатов. Он не жалеет красок и ярлыков, чтобы очернить Постышева, назвав его выступление на Пленуме антипартийным, а решение Куйбышевского обкома о роспуске 34 райкомов — «явно провокационным».

Н. Г. Игнатов заявил, что тов. Постышев сидел в обкоме с марта 1937 года. До августа месяца, до вмешательства Центрального Комитета, который послал в Куйбышевскую парторганизацию секретаря ЦК т. Андреева, никакой борьбы с врагами т. Постышев не вел.

В августе в Куйбышев приехал секретарь ЦК ВКП(б) т. Андреев. Он предложил созвать бюро обкома. В состав бюро входили люди, которые вели террористическую работу (Полобицын, Мурафер и др.). Тов. Андреев заявил Постышеву: тов. Постышев, Центральный Комитет считает, что у вас борьбы с врагами нет, что вам надо мобилизовать Куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов. Дела у вас неважны...

Когда парторганизация взялась за разоблачение врагов, Постышев очутился в кругу людей, которые оказались врагами.

В заключение Н. Г. Игнатов привел ряд примеров «антипартийной деятельности» П. П. Постышева и «негодного стиля» его работы.

Реплики П. П. Постышева, пытавшегося отвести предъявленные ему обвинения, были начисто отметены.

В конце Пленума по предложению Сталина П. П. Постышев был выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а вскоре последовала и жестокая расправа с ним. Игнатов же стал первым секретарем обкома...

Таковы некоторые факты биографии Н. Г. Игнатова, проливающие свет и на применявшиеся им методы для продвижения по служебной лестнице, и на его прямое участие в смещении Н. С. Хрущева, что, кстати, произошло в результате обыкновенного заговора, или «дворцового переворота». И никак не демократическим путем: чего стоит один факт, что октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК «освятил» этот свершившийся акт Президиума без малейшего обсуждения.

Что касается утверждения Л. Н. Игнатова о большой «популярности» его отца, то подобное мнение можно отнести лишь к числу домашних легенд. Никакого «высокого авторитета и в народе, и в партии» у Н. Г. Игнатова, конечно же, не было, и вряд ли кому могло прийти в голову предложить его кандидатуру на должность Первого секретаря ЦК.

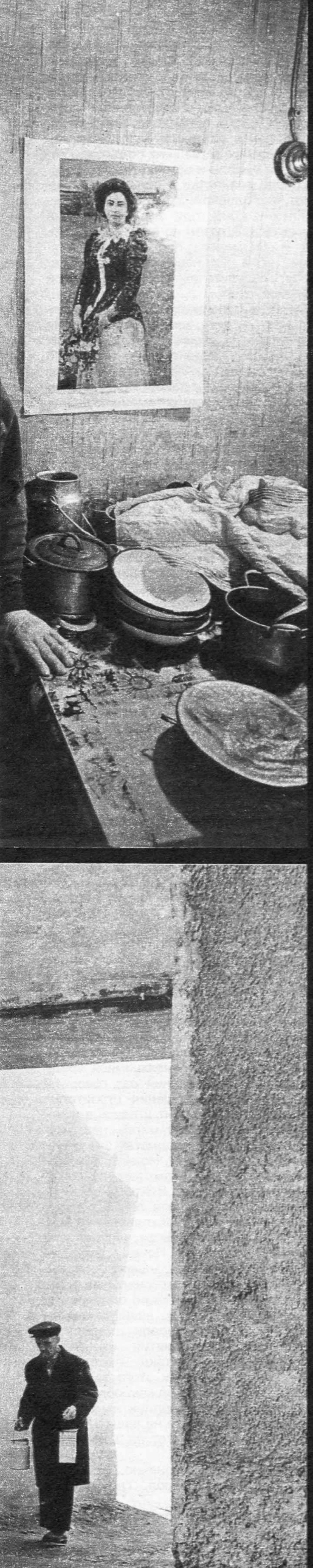
За время, например, своего сравнительно недолгого пребывания в середине 50-х годов на посту первого секретаря Горьковского обкома КПСС он заслужил мало добрых слов у моих земляков. В памяти у многих остались его грубые приемы, приказной стиль, методы окриков, деление людей на «наших» и «не наших», очень слабое владение ораторским искусством. И все это — в сочетании с невероятным подобострастием перед высоким начальством. Уж как угодничал Н. Г. Игнатов на виду у многих перед Н. С. Хрущевым во время пребывания его в Горьком! И это было оценено: вскоре Игнатов получил очередное повышение...

Не эмоции, а весомые аргументы, достоверные факты — вот что должно быть основой любых устных и печатных выступлений, в том числе и газетных интервью.

# ЗА

1-Л Серия КГ-51
849189
милосердия
АБОНЕМЕНТ
на получение питания
в столовой
при производственном
предприятии
или учреждении
Место
для штампа

# ЧЕРТОЙ...



Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собственный корреспондент «Огонька»

Фото
Павла КРИВЦОВА

**Больше всего Иван Иванович Наркевич грустит сейчас о потере старенького «Москвича»:**

**— Ведь как хорошо с ним было. Чуть пригреет солнышко, зазеленеет трава, ан глядь: на заднее сиденье, пыхтя забираются Топтыгин с ученым енотом, в багажник, на свое законное в путешествиях место, поскуливая, просятся собачонки, да и нехитрый реквизит как-то незаметно, вещица за вещицей, перебирается из комнаты под железную крышу автомобиля.**

**Ну а там, наконец, наступает и долгожданный день: отправляются в путь-дорогу колонны автобусов с пионерами и малышней. А вслед за ними их черед. Прощай, надоевший за зиму двор-колодец, здравствуй, веселое, звонкое лето!**

и яркие лучи давно угасших прожекторов, бешеный шквал отгремевших оваций преображают крохотную темную комнатушку.

Вместе с хозяином здесь живут четыре собаки. Где тут еще помещались медведь с енотом — ума не приложу, равно как не могу понять и назначения множества предметов, тряпок, забивших помещение до последнего кубического сантиметра.

Хаос пространства замкнут огромным количеством замков. И все-таки насчет воров Иван Иванович преувеличивает. Делать им тут совершенно нечего, ввиду полного отсутствия каких-либо материальных ценностей. А случись кому все-таки забраться, судьбе его не позавидуешь, насмерть будет зализан любвеобильными дворняжками.

Хотя, казалось бы, за что им нас любить? Положили хозяину пособие в 26 рублей и умыли руки. Живи на них как знаешь. А знает Иван Иванович только одно — цирковую работу. От деда, прадеда ее унаследовал и сейчас, в свои немощные уже 84 года, упрямо тянет дарованную судьбой лямку. Каждое утро, в дождь ли, мороз, отправляется он со своей разношерстной командой на гастроли. И очень печалится, что с годами одна за другой закрываются перед ним некогда гостеприимные двери детских садов. Объяснения у заведующих вежливые: «Репертуар у вас не тот. Устарел».

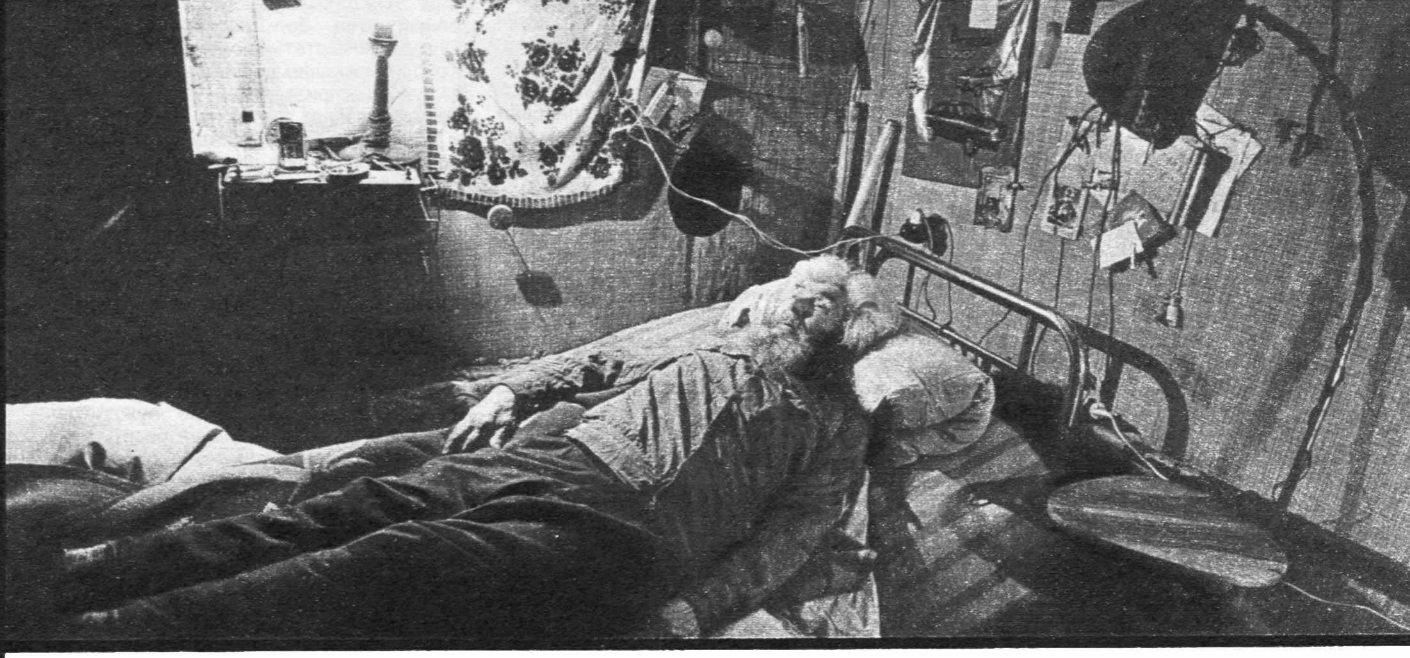
Горько было мне читать пожелтевшие газетные вырезки, где взахлеб расписывается «незаметное гражданское мужество» циркового артиста.

Незаметное, незамеченным оно и осталось. И если 47 лет назад Наркевич ходил по дворам, спасая наше будущее, то сейчас вынужден спасать себя от его угрюмого, отупляющего равнодушия.

Спасибо девочкам из педагогического училища, их наставникам, в самые глухие годы не забывавшим о милосердии, скромно и без всякой шумихи взявшим под свою опеку несколько десятков ветеранов.

Да только много ли они могут... Иногда убрать, постирать, приготовить еду из купленных на свои деньги продуктов. Тут скорее порыв сердечный важен и надежда, что придут в наши младшие классы учителя, знающие цену доброте и состраданию.

А как реально помочь тому же Наркевичу, если он дверь своим помощницам не каждый раз открывает? Не узнает их, опасается мифических, старческим воображением надуманных жуликов. Психика, слух, зрение — все ветшает, и я понимаю тех, кто убрал со двора останки давно отслужившего свое «Москвича». Какой уж из Ивана Ивановича водитель, если он себя в зеркале различить не может! И с детскими садами, в общем, понятно — слишком неухоженны артисты для выступлений там.



**Останавливались обычно возле пионерских лагерей. И ребята, и администрация встречали их как самых дорогих и желанных гостей, знали: программа у него интереснейшая. Трудиться приходилось, конечно, от зари до зари, даром хлеб не ели. Зато и с бытом проблем никаких — напоен, накормлен и ночует по-царски — на белых простынях. Славное, ах какое славное было времечко...**

**Нынче не то... Совсем одолели воры. Зимой, переодевшись в милицейскую форму, утащили куда-то «москвичонка». И в квартире от них проходу нет, так и норовят заскочить (чаще всего через окно, оно для голубей всегда открыто) и стянуть что-нибудь. И ни собаки, ни замки не помогают.**

**А теперь вот еще и на потолок надо поглядывать. Дыра там образовалась, когда свадьбу наверху гуляли. Сколько раз обращался в жэк за ремонтом, ничего не сделали, только горячую воду зачем-то отключили.**

...Медленно, словно уставшая река, течет неторопливый рассказ. Жизнь в нем давно вышла из берегов времени, но не поблекли краски воспоминаний,

Устарел, это когда надо в помещение приглашать. А если на улице, возле забора, то пожалуйста. Они и выступают на улице. Маленькие добрые ладошки не скупятся на благодарность, но жизнь есть жизнь, одними детскими аплодисментами сыт не будешь. И снова отправляется на поиск удачи бродячий цирк, а где он ее находит, так и осталось для меня тайной: Иван Иванович горд, свои заботы при себе держит, ну, а что такое 26 рублей в месяц, вы и сами представляете.

Впрочем, мир не без сострадательных людей. Ребятишки из соседнего детского дома суповые косточки приносят, соседи чем могут делятся, и уже несколько лет навещают Наркевича девчата из пятого педагогического училища. Организовали они у себя музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», а Иван Иванович к этому музею имеет самое непосредственное отношение. Точнее, к тому страшному блокадному времени, когда он, полуживой от голода, но каким-то чудом сохранивший своих драгоценных четвероногих помощников, с весны 42-го день за днем стал обходить все уцелевшие сады, школы, воюя с войной единственным доступным ему — инвалиду — оружием.

Грустно все это. Но куда денешься, если возраст и немощь берут свое. Предлагали, конечно, Наркевичу переселиться в Дом престарелых, но он, по его словам, «бежал оттуда в ужасе», тем паче, что для друзей-помощников места там, разумеется, не предусмотрены. Бросить их не может и, кстати, недавно заплатил за собак ежегодный налог — 60 рублей. «Затянул потуже поясок, но заплатил, никто теперь не скажет, что беззаконно живут»,— не без гордости пояснил мне свой самоубийственный для его бюджета шаг.

Ах, люди, люди, до какого же позора докатились мы с вами! И ведь не самую горькую историю рассказываю, худо-бедно, однако своя однокомнатная квартирка у Ивана Ивановича. А что же творится во многих коммуналках, в какой лютейшей нищете, неправдоподобной заброшенности бедствуют тысячи моих немощных земляков!

Думал, все про них знаю, все видел, ведь сам в таких многокомнатных «апартаментах» вырос. И сейчас большая часть писем, приходящих в адрес корпункта,— это письма людей, обиженных квартирной несправедливостью. Так что находился, нагляделся и на крысиные хвосты, мелькающие в кухне,

и на щелястые полы, сквозь которые видна преисподняя.

Но есть иные, невидимые миру слезы, о которых не расскажешь, не напишешь в редакцию. Как освободить полуживую старуху от исполнения непременной коммунальной повинности — уборки «мест общего пользования»? Куда надо обращаться, чтобы отключить в своей комнате радиоточку, за пользование которой берут аж 50 копеек в месяц? Где взять бинты, вату для перевязки заброшенного тяжелобольного человека?

Этими и сотнями подобных, далеких, к сожалению, от нас забот живет заведующая отделом социальной помощи на дому Ленинского райисполкома Л. Г. Фоминенко. Разговор с ней, невыносимое путешествие по адресам, ею подсказанным, надолго выбили меня из колеи.

Угнетала безысходность увиденного. Ведь как ни призывай к милосердию, сколько бумаги ни изводи — озлобленного, одуревшего от бескормицы, коммунальной беспросветности человека сразу не переменишь, не заставишь его возлюбить чужую угасающую жизнь, если он и свою пропивает почем зря. Кто знает, сколько драм и трагедий скрыто за плотно запертыми дверями, усеянными звонками, как оспой? Сколько лет жизни безнаказанно украдено у слабых и обездоленных? И где тот земной, облеченный властью ангел, что терпеливо выслушает бессвязный бабкин рассказ про унижения, выносимые ею, и пришлет группу захвата, чтобы осадить, унять налитого мышцами бугая, буквально сживающего старуху со света, чтобы скорее занять ее несчастные квадратные сантиметры?

Хорошо, конечно, что дожили мы до возрождения, официального признания таких понятий, как гуманизм и сострадание применительно к собственному народу.

Вот и с Людмилой Георгиевной я встречался в первой городской столовой для бедных, организованной обществом милосердия «Ленинград» на Измайловском проспекте, 7. Семьдесят инвалидов, малообеспеченных стариков имеют возможность регулярно, за исключением выходных, праздничных дней, обедать здесь. Себестоимость бесплатной для них трапезы — 70 копеек. На диетические разносолы рассчитывать, конечно, не приходится, но спасибо и за это коллективу столовой № 82 Ленинского района. От плановых обязанностей их никто не освобождал, и потери с оборота, понесенные из-за собственной отзывчивости, приходится наверстывать.

Примечательно, что впервые за время перестройки я услышал здесь добрые слова в адрес Леонида Ильича. Благодарила его женщина с экзотическим именем — Борнео, благодарила искренне, и старушки, сидевшие рядом, согласно кивали головой:

— Хороший был человек, дай бог ему там здоровья.

Дело было сразу после обеда и благорасположение моих собеседниц к почившему лидеру объяснялось суммой в пять рублей. Именно на пять рублей — с 45 до 50 — выросла пенсия Борнео Александровны Ильяшек в застойные, как их сейчас называют, времена. Ну а для остальных они запомнились тем, что и здоровье было покрепче и солнце вроде потеплей, да еще дешевыми суконными ботиками, которые можно было купить совершенно свободно.

Чем-то запомнятся наши дни? Благими намерениями? Не буду перечислять их, равно как и недооценивать. Планируемый рост пенсий, программа «Жилище-2000», это, конечно, греет воображение, утешает самолюбие и, очевидно, соответствует нынешним государственным возможностям. А добавьте сюда благотворительные инициативы общественных организаций, кооперативов, так картина и вовсе получится умилительной: еще немного, и будут наши ветераны как исчезнувший сыр в отсутствующем масле кататься. Если, конечно, доживут до тех времен, когда пенсионные деньги сравняются по значимости с реальным прожиточным минимумом, медики вспомнят клятву Гиппократа, а строительная индустрия утроит свои усилия.

Увы, я на сей счет к числу оптимистов не принадлежу. И нигде, кроме как в отдельных газетных выступлениях, их не встречаю. Поэтому будущее для меня — туман. А реальность — заброшенные, запущенные старики, большинство из которых, пережив одну вражескую блокаду, явно не переживет нынешнюю, нравственную, сотворенную нами, их «благодарными» потомками.

Так что же можно сделать уже сейчас, памятуя, что каждый день, если не каждый час, уходят из жизни люди, оскорбленные этой жизнью, униженные безразличием и нищетой?

Ответ очевиден: нужна мощная государственная служба социального обеспечения, оснащенная всем необходимым: от ЭВМ, в памяти которой будут храниться подробные сведения о каждом нуждающемся, до собственных пансионатов, больниц, жилых домов. Она должна стать своего рода штабом, координирующим деятельность всех организаций, призванных помогать человеку, обязана взять на себя заботу и о букете цветов, преподнесенном одинокому инвалиду в день рождения, и об его летнем отдыхе в подходящих по состоянию здоровья условиях.

Бога ради, если тимуровцы принесут второй букет, «Ленинград» устроит торжественный ужин в честь старика, а Фонд милосердия за свои деньги отправит его еще и в осенний круиз по Средиземному морю.

Действительность же иная: тимуровцев, когда надо, днем с огнем не сыщешь, «Ленинград» остро нуждается в средствах на содержание бесплатной столовой, ленинградское отделение Фонда милосердия, по сути, не имеет своей крыши над головой, и работают там всего четыре штатных сотрудника.

Свои многочисленные нужды у Красного Креста, общества слепых, общества глухих и т. д. Свои, кстати, у всех и планы, направления работы. А в результате Иван Иванович Наркевич живет впроголодь, в полутемной норе, утешая себя, собачат и меня рассказами о том, что вот-вот заедут за ним добрые ленфильмовские шофера и увезут по старой памяти в волшебную страну его летних грез — пионерский лагерь.

Понимаю, конечно же, понимаю, наивность своих мечтаний о «мощной государственной службе социального обеспечения». Писем о ее «мощи» в редакционной почте тоже предостаточно.

Ну, а если оставить в стороне государственные масштабы, поскрести по сусекам собственных, ленинградских, возможностей? Так ли уж трудно городу объединить усилия, денежные средства, энтузиазм различных служб, обществ, граждан в рамках единой программы «Ветеран» (название, разумеется, условное)? Вспомнить поименно не только павших, но — главное! — живых, досконально разобраться в их нуждах и решить все проблемы не в отдаленном аж до небытия будущем, а в течение года, от силы двух.

Нереально? А кто считал, что реально, а что нет? Кто вообще занимался этой проблемой в целом, анализировал ее с социально-экономической точки зрения?

Взять хотя бы самый больной — жилищный — вопрос. Как-то незаметно утвердилось в нашем сознании, что все старики поголовно хотят напоследок пожить отдельно, в собственных квартирах. Однако проведите простейший эксперимент, поговорите с бабулями, что сидят возле вашего подъезда, перемывая косточки осточертевшим соседям. Они реалистки и прекрасно понимают, что однокомнатных квартир, обещанных к 2000 году, им заведомо не дождаться. А потом не прочь скоротать век и со своими подругами-ровесницами, если бы нашелся добрый человек, поселил их вместе, в одной квартире.

Скажете, получится та же коммуналка? Нет, скорее, коммуна. Где время будет течь по своим, отличным от наших, часам. Наверное, это не самый лучший выход из положения, однако согласитесь, что в такой, психологически куда более совместимой компании, жизнь в ожидании обещанных благ покажется им чуть краше.

Или вот деньги. Казалось бы, где их взять? А те же бабки смеются, меня спрашивают: «Объясни, мил человек, на кой ляд нам складные велосипеды? Мимо «Спорттоваров» не пройти, парни пристают, полпенсии предлагают, лишь бы купила. Так пусть лучше магазин эти велосипеды сам дороже продаст, а разницу нам добавит. Вот это действительно льгота будет».

Признаюсь, не сразу понял о чем речь. Потом выяснил, теперь, оказывается, у нас и велосипеды по талонам. Для самых остро в них нуждающихся — ветеранов и инвалидов. И смех, и грех.

Ну, а старушки-то каковы экономисты! Ведь правильно сообразили: дефицитные товары вроде мебели, видеомагнитофонов, цветных телевизоров и т. п. вполне можно реализовать на благотворительных аукционах. В свободной продаже этого добра все едино нет, но «достать» его, втридорога переплатив спекулянтам, можно запросто. Так трудно ли, проявив инициативу, организовать аукционы, где каждый желающий, располагающий средствами человек отдаст свои деньги за вожделенный товар не липколапому посреднику, а той же бесплатной столовой для бедных?

Подобных примеров элементарной предприимчивости можно привести немало. Особенно, если посоветоваться с теми, у кого за плечами богатейший жизненный опыт, а на руках не пенсия, а насмешка над здравым смыслом.

Вопрос: кто посоветуется, кто проявит инициативу? Или хотя бы справедливо распорядится имеющимися средствами. Не буду лишний раз говорить о дамбе, для завершения строительства которой предстоит утопить в Финском заливе еще 350 миллионов рублей. Гидроголовое ведомство эти деньги все равно не отдаст. Но ведь есть же свои резервы и у Министерства социального обеспечения. Взять те же, намозолившие всем глаза персональные пенсии. «Считаю необходимым отменить персональные пенсии,— пишет читатель В. Карасев.— Почему государственные органы социального обеспечения должны эти персональные надбавки (в деньгах, льготами) оплачивать из своего (а значит, из нашего) кармана. Пусть бы это делали ведомства, организации, предприятия из своих средств, если они считают, что тот или иной бывший работник этого заслуживает. И решать это должны обязательно только трудовые коллективы с учетом своего бюджета, а не вешать своих заслуженных работников на шею всему народу».

Шея у народа, конечно, крепкая. И сердце вроде доброе. Так что же случилось с головой?

...В заключение напомню читателям о том, что нынешний год объявлен в нашей стране Годом милосердия. Не раз звучало это слово и с высокой трибуны Съезда народных депутатов. Но вот уже несколько месяцев позади. А писать приходится все о том же.

## ПОЗИЦИЯ

**СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ ГЕРОЕВ. АНТИГЕРОЕВ ТОЖЕ. УХОДЯ ОТ НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ И ЛЕГЕНД, МЫ ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ПОПУЛЯРНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ КАК МОЖНО БОЛЕЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО, ДЕЛАЯ ИХ ПОНЯТНЕЕ ДЛЯ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ, НЕ ДОПУСКАЯ ИСКАЖЕНИЯ ИХ ПОЗИЦИЙ. СЕГОДНЯ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ХИМИИ НИНА АНДРЕЕВА ПОПУЛЯРНА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ЦЕЛОЙ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ. ЕЕ ИМЯ СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ. ДОШЛО ДО ТОГО, ЧТО, КОГДА ОДИН ИЗВЕСТНЫЙ ПРОЗАИК ВО ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СКАЗАЛ НЕСКОЛЬКО ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ МЫСЛЕЙ О РАЗРУШЕННЫХ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПОСАДОЧНЫХ ПЛОЩАДКАХ, ДРУГОЙ, В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ, ВОЗРАЗИЛ ЕМУ: «НЕТ, НИНА, ТЫ НЕ ПРАВ!» НАМ НЕ НУЖНЫ ЛЕГЕНДЫ. НАМ НУЖНЫ ФАКТЫ. ИМЕННО С ЦЕЛЬЮ ПРЕСЕЧЕНИЯ КРИВОТОЛКОВ И ОТСЕБЯТИН МЫ РЕШИЛИ ПОЗНАКОМИТЬ ВАС С ИНТЕРВЬЮ НИНЫ АНДРЕЕВОЙ, ДАННЫМ ЕЮ МОСКОВСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВЛИЯТЕЛЬНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ВАШИНГТОН ПОСТ» ДЕЙВИДУ РЕМНИКУ. ЗДЕСЬ ЖЕ МЫ ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ ГОСПОДИНУ РЕМНИКУ, ПЕРЕДАВШЕМУ НАМ ТЕКСТ УПОМЯНУТОЙ БЕСЕДЫ. СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ ГЕРОЕВ. АНТИГЕРОЕВ ТОЖЕ.**

# Gorbachev's Furious Critic

## Nina Andreyeva and Her Bombshell Letters Defending Stalin and the Dark Past

By David Remnick
Washington Post Foreign Service

*The most intolerable people are provincial celebrities.*

—Entry in the notebooks of Anton Chekhov

PETRODVORETS, U.S.S.R.

Nina Alexandrovna Andreyeva looked out her open window. The tour buses roared all morning to and from the czar's palace down the road, and the townspeople cried with pleasure as they swam in the muddy pond where Romanovs used to bathe. On Komintern Street, though, it was quiet. The shops were closed. The northern light was high and brilliant. The air was still and fragrant of jasmine and gasoline.

She had become a famous woman. Or perhaps notorious was the better word, for after she had published her long letter in Sovietskaya Rossiya the year before, explaining away the great purges ("they are being blown out of proportion") and questioning the socialist sincerity of the men now in the Kremlin, Nina Alexandrovna had become a synonym for reactionary, Stalinist, antisemite. She was no longer just an obscure provincial teacher of chemistry. She was the shadowy Nina Andreyeva, the dark avenger of Petrodvorets, the voice of the past.

And who were her patrons? People wondered. For whose dark plot was she fronting? How many thought as she did? The world—Russians, scholars, spies—wanted to know. Her apartment, no bigger than a walk-in closet, had filled with 7,000 letters, most of them enthusiastic as it happened, but some threatened her life, her husband's life.

Somehow she did not seem to fit the role of a polemicist, not physically anyway. With her hair swept up in a loaf, her eyes narrow and darting deep within the plump meat of her face, she looked rather more like a head nurse, a starched, angry woman of 51 trying, when the occasion demanded, to be nice.

A guest was coming, an American reporter. Nina Alexandrovna had avoided Soviet reporters for a year and a half, feeling that no newspaper [illegible] country now dared [illegible] her a [illegible] ... letters, [illegible] "Time W[illegible] Wait," [illegible] which [illegible] Kremlin [illegible] the "[illegible]" [illegible] Zionist [illegible] On [illegible] television, [illegible] a "[illegible] of a [illegible]" [illegible] said,

See [illegible], B2, Col. 1

Chemistry teacher and Gorbachev critic Nina Alexandrovna Andreyeva.

# РАЗЪЯРЕННЫЙ КРИТИК ГОРБАЧЕВА

## НИНА АНДРЕЕВА И ЕЕ ВЗРЫВНЫЕ ПИСЬМА В ЗАЩИТУ СТАЛИНА И ТЕМНОГО ПРОШЛОГО

***Самые нетерпимые люди — провинциальные знаменитости.***
***ЧЕХОВ***

Нина Александровна Андреева выглянула в окно. Экскурсионные автобусы все утро с ревом подъезжали к царскому дворцу и уезжали вниз по дороге. Раздавались радостные возгласы плавающих в мутном бассейне, где часто купались Романовы. Но на улице Коминтерна было тихо. Магазины закрыты. Воздух недвижим, пахнет жасмином и бензином.

Она стала знаменитой. Или скорее печально известной — после прошлогодней публикации в «Советской России» ее длинного письма, в котором она оправдывала великие чистки («их слишком раздули») и задавалась вопросом об искренности сидящих ныне в Кремле. Имя Нины Александровны стало синонимом реакционера, сталиниста, антисемита. Она уже не была незаметной провинциальной преподавательницей химии. Она была Ниной Андреевой, мрачным мстителем Петродворца, голосом прошлого.

И кто же за ней стоял? Людям хотелось знать. По чьему темному сценарию она разыгрывала спектакль? Сколько еще людей думало так же, как она? Весь мир хотел знать. В ее маленькую квартирку пришло 7 тысяч писем, большая часть приветствующих ее, но некоторые — с угрозами.

И все же, казалось, она не создана для роли спорщика хотя бы внешне. Завитые волосы, узкие, глубоко сидящие глаза, одутловатое лицо — она скорее похожа на старшую медсестру: чопорная, сердитая женщина 51 года, пытающаяся, когда позволит случай, выглядеть милой.

Ожидался гость, американский репортер. Нина Александровна полтора года избегала советских журналистов, чувствуя, что ни одна газета в ее родной стране не осмелится выслушать ее беспристрастно. Они не напечатают ни ее писем, ни ее новую статью «Время не ждет», где она нападает на Кремль и «сбившихся с пути» западников и сионистских шпионов. Ее высмеяли. Один комментатор назвал ее по всесоюзному телевидению бандершей. Но она, по ее словам, «настоящий коммунист», истинно верящий в эпоху опасных «уклонений». И теперь, когда ей есть что рассказать, например, об образовании группы под названием «Единство», чья цель — сохранить власть пролетариата, она решила рассказать об этом прежде всего капиталистам.

«Так получилось,— говорит Нина Александровна.— Для советских людей общение со мной означает, что они поддерживают Андрееву, а этого нельзя допустить. Все равно что дразнить красной тряпкой быка. Я стала символом, и многие люди зарабатывают себе на жизнь просто упоминанием моего имени».

Ее гость прибыл, представился. Натянуто улыбаясь, она повторила его имя, смещая ударения, казалось, пытаясь уловить в фамилии этнические корни. Но все же вежливость не позволяла ей задавать вопросы впрямую. Так ничего и не обнаружив, она улыбнулась и пригласила гостя выпить чаю с конфетами.

Журналист преподнес ей коробку немецких шоколадных конфет и бутылку бордо.

«Как мило»,— сказала Нина Александровна.

Разговор перескакивал с предмета на предмет, бессвязно и сумбурно, как полет шмеля между двумя оконными стеклами. Наконец темой беседы неожиданно стал рок-н-ролл.

«Вам очень нравится рок?» — спросил репортер.

Глаза Нины Александровны расширились, она была шокирована. Рок — ведь это «безумные ритмы», песни, которые можно было назвать только «полуживотными непристойными имитациями секса».

Она прочла в ленинградских журналах о певце Юрии Шевчуке. «Он поет песню «Предчувствие гражданской войны». Господи, да что же это такое? И я видела его фотографию. На нем пара рваных джинсов и распахнутый жилет. Ладно, пускай, но извините, все расстегнуто, грудь видна и ниже, половой орган торчит! Он танцует с выпирающим членом перед всеми этими девчонками. О какой же чистоте можно говорить после этого?»

Вопрос остался без ответа и, казалось, повис в воздухе. Потом Нина Александровна изложила свою точку зрения. «Все дело в том, что нам, может, и не нужна железная рука, но в любом государстве должен быть порядок,— сказала она, повышая голос, касаясь этой более высокой темы.— Это не государство, это словно сборище анархистов. А при таком сборище нет ни государства, ни порядка, ничего нет. Государство — это прежде всего порядок, порядок, порядок».

Ярлыки политической жизни давно ничего не означают в Советском Союзе. Если бы Михаил Горбачев был политиком в конце 20-х и говорил о переходе ферм в частное владение, демократизации управления и Коммунистической партии, свободном рынке, он был бы записан в «правые уклонисты». И тогда его поставили бы к стенке. «Левая оппозиция», последователи Троцкого, тоже были «врагами народа». Их тоже ссылали или пристреливали.

«Сейчас «правые» стали «левыми», а «левые» — «правыми», и никто не знает, что все это означает. Кто есть кто?» — говорит Нина Александровна. Глаза ее бегают, как у раздраженного подростка.

Она выпивает чай и несколько рюмочек коньяка. Ее муж Владимир Иванович Клушин, ученый, ничем не примечательной внешности, сидел за столом, часто прерывая разговор, давая жене возможность собраться с мыслями. Потом она продолжала: «Володя, тише. Я расскажу дальше сама, спасибо».

С 85-го года, говорит она, страна ждала результатов реформы Горбачева. Где же они? «Под руководством Ленина страна за четыре года успешно сделала революцию, победила в гражданской войне и отразила нападение иностранных захватчиков. За четыре года при Сталине народ разбил фаши-

стскую армию и встал во главе мирового рабочего движения. Ровно столько же времени потребовалось, чтобы залечить раны, нанесенные войной, и достичь предвоенного уровня производства».

А каковы результаты перестройки, «детища мысли либеральной интеллигенции»? Сплошной обман, вздор. «Политическая структура общества антисоциалистического движения выражается в форме демократических союзов и народных фронтов. Растет число экологических катастроф. Уровень морали падает. Существует культ денег. Упал престиж честного, производительного труда. Обострилась ситуация в социалистическом содружестве. Польша и Венгрия бегут впереди нас — и прямо в пропасть».

Именно эти отчаянные мысли — что страна свернула с истинного пути и мчится к пропасти — заставили Нину Александровну написать свое знаменитое письмо. Она защищала «традиционные ценности» — уютные сталинские истины о коллективизации, централизованной власти, господстве пролетариата, предательстве шпионов-«космополитов».

Она стала думать, не написать ли ей письмо после двух статей Александра Проханова об Афганистане и политике. Эти статьи были опубликованы в консервативной газете Союза писателей «Литературная Россия» и рабочей газете «Ленинградский рабочий». Она их одобрила, но решила, что «этого недостаточно». Написала несколько длинных писем, изложив волнующие ее вопросы, и разослала по разным изданиям. В газете «Советская Россия» ее попросили сделать статью из двух писем. Вопреки слухам, что редакция кардинально переделала статью, Нина Александровна сказала: «Это все мое». По ее словам, все, что исправили, так это убрали несколько цитат и добавили первый абзац о политических спорах со студентами.

Письмо называлось «Не могу поступаться принципами» и стало политическим событием сезона не столько из-за самой статьи, сколько из-за реакции на нее. По сей день многие в стране убеждены в том, что был заговор...

Это был решающий момент вечной игры большевиков в «кто есть кто?», и все же ни один из тех, кто об этом говорит, не знает всех фактов по «делу Андреевой», а те, кто знает, молчат.

Нина Александровна улыбнулась — грубоватая усмешка человека, притворяющегося, что скрывает секрет, который ни за что не выдаст, а, что еще вероятнее, она его и не знает.

«Я не могу быть на сто процентов уверена»,— сказала она, но поняла «из московских источников», что «Лигачев читал и одобрил ее письмо к публикации». «Более того, и Горбачев читал статью еще до публикации. И не возражал».

Ее муж поднял руку, рискуя разрушить семейное спокойствие.

«Я не думаю, что Горбачев читал,— сказал он.— Ему просто принесли, показали, и он сказал: прекрасно, давайте. Не посмотрев даже. Потом из Монголии, где проходила встреча идеологических работников, приезжает Яковлев, и...»

И так далее. Если с письмом Андреевой и были связаны какие-то темные делишки, ни автор письма, ни ее муж не знали ничего, кроме сплетен. Все, что могла сказать Нина Александровна: да, из всех лидеров Кремля Егор Лигачев — единственный, «кто стоит на твердой марксистской позиции». Горбачев, наоборот, говорит о выкорчевывании старых деревьев и посадке новых. А так не пойдет.

Нина Александровна оставила гостя с мужем, повязала на своей полной талии фартук и ретировалась на кухню. Она готовила шикарный обед — салаты, жареная картошка, овощи, мясо и лишь изредка заглядывала в комнату, чтобы контролировать слова мужа.

Пока жена готовила, Владимир Иванович прямо ожил.

Он говорил мало, осознав знаменитость и строгость жены. В ее отсутствие он стал посвободнее, но как только он начал нудно рассказывать об «огромном значении Сталина», появилось ощущение, что он выступает за себя и за нее. Он не был знаменитостью, и это развязало ему язык. Там, где она бы сдержала эмоции, Владимир Иванович был непримирим:

«Что молодое поколение узнает из «Юности» и «Огонька»? Что Сталин был параноик, садист, пьяница, убийца,— начал он.— Его пытаются отождествить с Мао Цзэдуном, как будто при Сталине не было достижений.

Что касается репрессий, я не могу говорить об их масштабе. Ведь сейчас многие запросто подменяют цифры, когда речь идет о прошлом. Хрущев, работая в комиссии по расследованию репрессий, назвал число репрессированных — 870 тысяч. Это много, но не 20 или 50 миллионов, как некоторые пытаются сейчас выставить. Сейчас все основано на выдумке и подтасовке фактов.

Ведь борьба без жертв не бывает.

Но я был на фронте в 43-м году. Я знал простых солдат и офицеров. Они по-разному относились к Сталину... Большинство колхозников и интеллигенции уважало его. На любом празднике первую рюмку пили за главнокомандующего, за Сталина. Никого не заставляли этого делать.

И мой отец был репрессирован, по 58-й статье. И что из того?» Владимир Иванович рассказывает, как его отец, инженер, потерял «какие-то бумаги, государственную тайну... что-то в этом роде» во время войны. Жестокое наказание «за ошибку,— заключил он,— но в конце концов обвинение было не напрасным».

«Вы,— сказал он, указывая на гостя,— из более молодого поколения. Спросите своих родителей, может быть, они воевали. В то время человеческая жизнь была совсем не так ценна, как сейчас. В нашей стране войны шли с 14-го по 17-й год, потом опять с 18-го по 21-й. И во время войны людей казнят даже тогда, когда, может быть, нестрогого наказания было бы достаточно. Это очень жестоко... но если бы такой жестокости не было, все просто разбежались бы в разные стороны. Иногда и жестокость оправданна».

Обед был горячим, длинным и сытным. Как правило, русские реакционеры прекрасно готовят. Нина Александровна готовила исключительно. Если еще принять во внимание, что продуктов в Ленинграде практически нет, а в провинции, за городом, дела обстоят еще хуже, обед действительно был чудом кулинарного искусства. Поев, Нина Александровна стала рассказывать о своей жизни.

«Я родилась 12 октября 1938 года в Ленинграде, в простой семье,— начала она.— Меня крестили, и я до сих пор помню звон колоколов на Пасху. Они возвышали душу... Но я верю в реальность. Религия — лишь красивая волшебная сказка о том, что пусть мы здесь страдаем, зато на том свете будет лучше. Коммунизм же основан на твоих реальных действиях, на том, что ты сделал сегодня.

Мои родители были крестьянами из Калининского района центральной России. В 29-м, когда начался голод, они переехали в город. Отец, мать и старший брат стали рабочими. У отца было только четырехклассное образование, а мама прошла ликбез. Ее семья считалась середняками. У них было 10 детей, лошадь и маленькая моторная лодка. Была еще и корова, но дети всегда ходили полуголодными.

В начале войны мать рыла окопы в Ленинграде. Она и одна из моих сестер работали в госпитале, где лежали раненые солдаты. Мне было три года, когда мы с двумя братьями и их школьным классом эвакуировались. Мама уехала из Ленинграда последним поездом, выходящим из города. После этого вся связь с Ленинградом прекратилась.

Старшая сестра ушла на фронт и погибла в 43-м году в Донбассе. Ее муж, комиссар противотанкового батальона, погиб через неделю после нее. Отец был на Ленинградском фронте, и старший брат тоже воевал.

Сестры, мать и я жили в местечке под названием Углич до 44-го года. Квартира коммунальная, 22 или 24 квадратных метра, мы ее делили еще с двумя семьями. Был только стол — я всегда удивлялась, почему его не пустят на дрова,— пустая кровать и больше ничего. Ни чашек, ни ложек, ни тарелок. Абсолютный ноль. Однажды пришли и сообщили, что мой брат и мой отец, воевавший в артиллерийском батальоне, погибли.

В 53-м, вернувшись в Ленинград, мы узнали о смерти Сталина. Я была в 6-м или 7-м классе. Объявили общий траур. Все ребята стояли на линейке, а директор говорил нам о Сталине. Все учителя плакали. Мы все стояли там, еле сдерживая слезы. День был серым, весенний день без солнца. Мы надели пальто и вышли на Невский проспект к памятнику Екатерины Великой, по радио играла траурная музыка. Все были печальны, и все думали об одном: «Что же мы теперь будем делать?»

Казалось, ожиданий Нины Александровны никто не оправдал. Хрущев был неудавшимся реформатором, пытавшимся развенчать Сталина. Брежнев был продажен и глуп. А сейчас она переживала время, когда голоса Солженицына, Медведева и Сахарова зазвучали легально, а Сталина по всесоюзному телевидению сравнивали с Гитлером. Когда Нина Александровна коснулась этого, ее глаза потемнели от холодной ярости.

«Сталин — вождь, под предводительством которого страна построила социализм за 30 лет,— говорит она.— Мы были бедны и неграмотны. Большинство крестьян были бедны настолько, что едва перебивались от урожая к урожаю.

Сегодня средства массовой информации все время лгут о Сталине. Они чернят нашу историю, вычеркивают миллионы людей, строивших социализм в очень тяжелых условиях. Мы говорим: «Смотрите, как ужасно мы жили». Ну что ж, жизнь была нелегкая, но каждый верил, что будет лучше, а уж дети и внуки будут жить совсем хорошо. Люди, у которых ничего не было, могли чего-то достичь. А что теперь? Есть ли сейчас вера в будущее? Я думаю, за четыре года перестройки вера рабочих людей пошатнулась — я подчеркиваю, рабочих, честных, обычных людей,— потому что наше прошлое оплевано.

Непредсказуемое будущее не может быть основой нормального рабочего состояния. Раньше человек, ложась спать, знал, что утром он пойдет на работу, и медицинская помощь для него бесплатна. Не очень квалифицированная помощь, но тем не менее бесплатная. А сейчас у нас нет даже этих гарантий».

После обеда втроем спустились по улице Коминтерна через небольшой парк к Петергофу, царскому дворцу. Еда была превосходной, разговор ясным и искренним, но теперь что-то было не так.

Сначала убеждения Нины Александровны казались следствием ее возраста и обстоятельств ее жизни. Она испытала бедность, ее стране угрожали. Она пережила и то, и другое во имя Сталина. Защищенная от исторических реалий, она верила только себе, в нынешние потоки опровержений она не может поверить и не поверит.

Но ближе к вечеру, когда разговор уже готов был свернуть на вечный провинциальный ритуал объяснения гостю, как лучше вернуться в город — на электричке? на пароме через залив? — Нина Александровна вдруг заговорила о еврейском вопросе. Переход на эту тему был некрасивым и внезапным.

«Включите Ленинградское телевидение,— сказала она.— Вы увидите: хвалят в основном евреев, как бы вы к этому ни относились. Человека могут при этом называть русским, но это только для наивных людей.

Если по телевидению показывают русского, обязательно найдут какого-то идиота с вытаращенными глазами и торчащими зубами. Карикатура. Потом покажут художника, который якобы представляет русское искусство. Но простите, это же не русский. Он же еврей. Почему не сказать «советский»? Это фальсификация. Он ничего не потеряет, цена ему будет та же.

В нашем обществе менее одного процента евреев. Совсем немного, ладно, так почему же в Академии наук на всех отделениях, и в культуре, в музыке, в юриспруденции почти все престижные профессии и посты заняты евреями? Посмотрите на журналистов и писателей: большая часть — евреи.

В нашем институте люди разных национальностей защищают диссертации. Но как это делали евреи? Мы видели, что они представляют обычные работы, а они настаивают, что сделали открытие мирового значения. Но в их работах же ничего нет. И вот так формируется кафедра.

Конечно, здесь работают сионистские организации. Вы не должны упускать это из виду. Они хорошие конспираторы. Я знаю, что наши ленинградские профессора — я от одного человека это узнала, он уже не работает в нашем институте,— они раз в месяц ходят в синагогу и платят там в день получки деньги. Это постоянная взаимопомощь. Именно так люди еврейской национальности продолжают попадать в институт.

Нельзя даже сказать о ком-то, что он еврей. Даже слова этого произносить нельзя. Можно же сказать: русский, украинец, так почему нельзя сказать: еврей? Это что, унижает человека? Зачем делать вид, что у него другая национальность? Еврей и сионист — разные вещи, не все сионисты — евреи. Жизнь доказывает это, и не только мне.

У нас есть друзья-евреи, прекрасные люди. В нашем обществе существуют очень интересные люди еврейской национальности, умные профессора, экономисты, и они не принимают рекламируемой сейчас политической позиции. Понимаете?»

Конечно, сказал журналист. Он понял.

Нина Александровна огляделась. Сперва она казалась немного удивленной своей несдержанностью, потом кивнула, как будто говоря: «Ну да, я сказала это. И что?»

Никто не узнавал Нину Александровну. Имя ее знали, но в лицо — никто. Из-за высоких каблуков и белого костюма она выглядела даже поважнее, чем старшая медсестра, вид у нее был гордый. Муж сохранял гостеприимный тон, описывая то этот фонтан, то вон ту историческую скамейку. Заговорили о красоте, потом и о советских конкурсах красоты. Можно было подумать, что гримаса, которую сделала Нина Александровна, должна была предназначаться только рок-н-роллу.

«Самое красивое в женщине — ее обаяние и женственность, богатство ее души, ее чистота,— сказала она.— Женщина должна очищать и возвышать мужчину, вести его к чему-то высокому, не давать волю его диким, животным инстинктам. Во время полового акта она должна обогатить его, поднять его над животным желанием. А эти девушки — они обнажаются до бог знает чего и вертят задом».

В конце концов добрались до пристани. Когда гость взошел на паром, Нина Александровна помахала ему рукой, потом повернула к дому — лицом к царскому дворцу, а спиной к Западу.

# НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ
# ВОСПОМИНАНИЯ

## НА ПОДСТУПАХ К СТАЛИНГРАДУ

Я не помню, в июне или в июле немецкий самолет приземлился на нашем аэродроме. Летчик потерял ориентировку. Этот самолет перевозил штабные оперативные документы: карты и прочее. По захваченным документам выходило, что противник имеет намерения наступать в направлении Воронежа и есть уже разработанный и оформленный документ.

Через какое-то время на наших аэродромах один за другим приземлились два немецких истребителя. Мы, конечно, летчиков взяли в плен.

«Мы,— сказали они,— летели на какой-то аэродром, сели сюда. Думали, что это наш аэродром, а оказалось, что сели в вашем расположении».

Мы докладывали в Москву, что идет подготовка наступления противником, он стягивает войска, авиацию, летчики-истребители попали к нам в плен, приземлились на нашем аэродроме. Надо было сделать соответствующие выводы.

Помню звонок Сталина по этому поводу. Разговаривал он со мной в такой несколько необычной для Сталина манере — иронически, с издевкой: «Ну, что там вам немцы подбрасывают? Вы всерьез принимаете намерения противника? Они вам карту подбросили. Самолет сел. Истребители, вы докладываете, садятся. Это, говорит, делается для того, чтобы ввести в заблуждение, дезориентировать нас». Одним словом, сказал, что мы не понимаем, что это сознательно противник делает. Нарочно подбросил нам самолет. А в первом самолете, помимо карт, был, между прочим, еще и генерал.

Сталин не понял намерения немцев. Он поверил в версию, которую они создавали. Немцы тогда распускали слухи (я это говорю уже на основе документов, которые опубликованы в книге «Совершенно секретно»), что они готовят удар в направлении Москвы, то есть в том направлении, где потерпели поражение зимой в 1941 году. Это им было нужно для дезориентации нашего командования. Им это удалось.

Вместо того, чтобы правильно разобраться и усилить нашу группировку войск, чтобы быть готовыми к отражению врага, не было сделано ничего.

Время двигалось к сроку, который был назначен Гитлером. Мы с Тимошенко сделали все, что могли, чтобы хоть как-то подготовиться.

Пришло время, которое было намечено Гитлером и указано в захваченных нами документах.

Мы с Тимошенко выехали на командный пункт. На том направлении стояла наша 21-я армия. Гордов ею командовал.

Противник точно в срок начал операцию. Как всегда, началась артиллерийская подготовка. Мы с командующим 21-й армией и Тимошенко находились на командном пункте: на чистой поляне было вырыто какое-то квадратное углубление. Вот и все оборудование КП.

Это похоже на Гордова. Он пренебрегал опасностью и демонстрировал свою храбрость. Он действительно был храбрый человек.

Наши войска были смяты, но не сразу. Полная дезорганизация нашего фронта наступила к половине, а может быть, и к концу июня 42-го. Я помню, когда наши войска отступали, то уже высокие стояли рожь и пшеница.

Я помню, тогда прилетел к нам в штаб Василевский Александр Михайлович. Усиленный нажим противника был на направлении 38-й армии, которой командовал Москаленко. Мы поговорили с товарищем Василевским и условились: сядем на машину и проедем к Москаленко — это главное направление. Основная опасность для нас была на этом направлении.

Когда мы приехали в расположение войск Москаленко, то застали ужасную картину. Противник безнаказанно на бреющем полете летал и расстреливал все, что видел: отходящие машины, танки, пехоту. Мы застали неорганизованное какое-то бегство.

Москаленко был человеком очень нервным, даже больше чем нервным. Он встретил нас с Василевским словами: «Вот вы опять ко мне приехали в такую минуту, когда я не могу головы поднять. Противник не дает покоя». Так он меня встречал и в других случаях, когда я у него бывал.

Это было началом новой катастрофы несколько севернее Харькова в направлении Воронежа и Сталинграда. Мы здесь уже без задержки, как говорится, отступали. Как только закреплялись, он опять нас сбивал с занятых позиций, и мы отходили. Тут у нас сплошной линии фронта не было. Дрались отдельные очаги сопротивления, и противник отгонял нас в направлении Дона.

Мы переправились на каком-то не то катере, не то лодке на левый берег Дона. Отъехали недалеко от Дона, расположились в каком-то селе просто отдохнуть. Войск у нас не было. Остались разрозненные части, а боеспособными единицами мы не располагали.

Назавтра мы получили указание из Москвы: штаб фронта перенести в Калач-на-Дону.

В это время начальником штаба направления стал Богин, Тимошенко принял командование юго-западным направлением и Юго-Западным фронтом, а Костенко уже погиб в Барвенковской операции вместе со штабом 6-й армии.

Когда мы получили указание из Москвы переместиться в Калач, я уехал с Богиным и Баграмяном, а Тимошенко сказал, что останется с Гуровым на этом направлении и будет организовывать войска, которые смогут переправиться через Дон.

Уехали мы. Это было очень странное решение. Мне оно было непонятно. Потом я даже не мог спросить Тимошенко, чем оно было вызвано. Я только лишь сам сделал вывод, что, видимо, Тимошенко морально подавлен.

Несколько дней мы не имели с ним связи. Он не имел связи со штабом. Мы его не могли найти. Когда Сталин обращался, то мы не могли ответить, где командующий.

Можете себе представить: в сталинские времена, когда каждому мерещились измена, предательство, это в тяжелейший период для нашей армии уже дважды на направлении, где командует Тимошенко и где я членом Военного Совета, подвергаются такому жестокому разгрому войска. А командующего нет. Значит, командующий сбежал. Нет и другого члена Военного Совета — Гурова.

Появилась, знаете, и у меня такая мысль. Хотел ее отогнать, но она сама нанизывалась на факты. В те времена Сталин вселял сомнения в сознание каждого, с кем он соприкасался. Естественно, зародились нехорошие мысли в отношении Тимошенко.

Тут мы получаем приказ: штаб переместить в Сталинград. Там имелась какая-то группа, которая нас должна была проинформировать о том, что входит в наше распоряжение, в состав нашего нового Сталинградского фронта.

Мы поехали с Богиным в машине и по дороге встретили Тимошенко.

После мне Гуров рассказывал, что они сидели в стоге сена. Разостлали бурки и командовали теми, кто был вокруг. Никакой связи они не имели, ничего не знали.

Гуров мне сказал: «У Тимошенко было настроение: что же, я поеду сейчас и буду сидеть в штабе? Что я могу Сталину сказать? Войск нет. Управлять нечем. Мне только будут указывать, как отражать натиск противника, а отражать-то нечем!»

Одним словом, солдатское самолюбие, огорчение и горечь. Он, конечно, переживал не меньше, чем я.

Его обвиняли за это поражение, а виноват был Генеральный штаб, виноват был Сталин лично.

Хочу вспомнить об одном эпизоде этого периода войны.

Мне рассказывали Маленков и Берия об одном сугубо секретном шаге, который был предпринят Сталиным в 1942 году, когда была занята немцами территория Украины и Белоруссии. Сталин искал контакта с Гитлером, чтобы на основе уступки немцам территорий Украины, Белоруссии и районов Российской Федерации, оккупированных Гитлером, договориться о прекращении военных действий. У Берия была какая-то связь с одним банкиром в Болгарии, который являлся агентом гитлеровской Германии. По личному указанию Сталина был послан наш агент в Болгарию, и ему было поручено нащупать контакты с немцами, начать переговоры и заявить им, что уступки со стороны Советского Союза такие-то. Но ответа от Гитлера не было получено.

Видимо, Гитлер настолько был убежден в своей победе, считал, что дни

*Военный Совет Сталинградского фронта: Хрущев, Чуянов, командующий фронтом Еременко. На заднем плане — генерал-майор Кириченко. 1942 год.*

---

**Продолжение. Начало см. в №№ 27, 28, 30, 31.**

существования Советского Союза сочтены и ему незачем вступать в контакт и переговоры.

Конечно, можно считать, что Сталин хотел выиграть время за счет таких уступок. Но я не знаю, какие потребовались бы время и усилия, чтобы потом наверстать это. Потерять Украину, потерять Белоруссию и западные районы Российской Федерации — это очень существенно с точки зрения возможности потом собраться с силами и вернуть все утерянное.

Впоследствии я никогда об этом не слышал ни от кого. Тогда это на ухо шепотом было сказано Берия и Маленковым. Я сейчас даже не помню, было ли это сказано при жизни Сталина или после его смерти, но точно помню, что такой разговор был.

## СТАЛИНГРАД

Как я уже говорил, мы уехали в Сталинград вдвоем с Богиным. Тимошенко не поехал, хотя было прямое указание Сталина прибыть туда и было даже указано время.

Ехали мы с Богиным вдвоем в машине. Настроение, конечно, хуже некуда. Мы свой штаб переносим в Сталинград и знаем, что между Доном и Сталинградом у нас почти нет войск.

Нас встретил генерал Толбухин. Он был назначен начальником укрепленного района Сталинграда и занимался строительством укреплений, то есть отрывал траншеи и противотанковые рвы. Мало было еще сделано, видимо, он не так давно был назначен. Боевых единиц у него было очень мало.

Вскоре после того, как мы прибыли с Богиным в Сталинград, меня вызвали в Москву. Я, конечно, ожидал новых неприятностей, поскольку провалы на фронте не могли сулить мне каких-то приятностей в Москве. Но Сталин никаких упреков мне не сделал.

Я даже думал, что он, может быть, как-то осознал свою неправоту в том, что не послушал меня, когда я добивался утверждения приказа перейти к обороне на Барвенковском направлении. Сталин этого, конечно, сказать не мог, если он даже так подумал. У него язык не повернется, чтобы признать свою неправоту. Я этого не слышал никогда и не ожидал этого. Но то, что он встретил меня довольно спокойно, без упреков, хотя создавшееся положение было очень тяжелым, позволяло так думать.

Сталин расспрашивал меня, но я мало что мог сказать, потому что не знал ни города, ни обстановки. Рассказывал он, какие там армии и как нужно организовать оборону.

Вдруг обращается ко мне и говорит: «Кого командующим назначить?»

А о Тимошенко совершенно ничего не говорит.

Тимошенко командовал Юго-Западным фронтом, который теперь превращался в Сталинградский. Поэтому, естественно, возникал вопрос о его кандидатуре. Но раз он его не назвал, я тоже не стал говорить о Тимошенко.

Только спросил: «А вы кого считаете?»

Сталин отвечает: «Можно назначить командующим Еременко, но он лежит в госпитале и не может сейчас приступить к командованию».

Я о Еременко тогда слышал, но лично его не знал и с ним никогда не встречался.

Для меня Еременко было новое, свежее имя. Я только знал, что он хорошо дрался с немцами в районе Гомеля и на подступах к Курску. Правда, с этого направления как раз немец ударил с юга на север, соединился и замкнул в своем окружении нашу группировку в районе Киева.

Сталин опять начал нажимать, чтобы я назвал командующего Сталинградским фронтом. Называть мне маршала Тимошенко? Для Сталина это была бы не находка с моей стороны. Сталин знал Тимошенко лучше, чем я. Еще по Первой Конной.

Одним словом, Тимошенко был на виду, особенно после уничтожения командного состава. На фоне оставшихся Тимошенко выглядел довольно заметно.

Когда я еще уезжал в Киев первым секретарем, где командующим округом в то время был Тимошенко, Сталин давал мне о нем хорошие отзывы и хорошую характеристику. Характеристика заключалась главным образом в том, что это честный человек, на которого можно положиться. Правда, Сталин никогда глубокого доверия никому не оказывал. Всегда у него было заложено внутреннее какое-то подозрение.

Я говорю: «Товарищ Сталин, я могу назвать кандидатов только из тех людей, которые командовали на нашем направлении. Других я не знаю. Поэтому командующего Сталинградским фронтом вы сами должны называть. Вы больше людей знаете, у вас шире горизонт».

«Да что вы? — начал он так резко.— Что вы? Я вот вам уже сказал о Еременко. Очень хорош был бы командующим фронтом Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он в окружении. Если бы можно было его как-то оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но Власова нет. Называйте вы, кого хотите».

Я крепился, крепился, но был поставлен в такие условия, что не должен был выходить из помещения, пока не назову командующего Сталинградским фронтом. Я говорю: «Из людей с нашего фронта я назвал бы Гордова, даже при его недостатках. Недостаток его в том, что он очень грубый человек, дерется. Сам очень щупленький, но дерется, бьет офицеров. Но военное дело он понимает. Поэтому я бы назвал его».

Сам Сталин, когда ему докладывал какой-нибудь командир, часто спрашивал: «Вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!»

Одним словом, набить морду тогда считалось геройством. Потом я узнал, что Еременко ударил даже члена Военного Совета.

Я ему потом говорил: «Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы генерал, командующий, и вы ударили члена Военного Совета».

«Знаете ли, такая обстановка была».

«Какая бы ни была обстановка, но есть другие средства общения с членом Военного Совета, чем кулачный бой».

Он объяснял, что сложилась тяжелая обстановка. Надо подать снаряды. Он приехал, а член Военного Совета сидел и играл в шахматы.

Я говорю: «Я не знаю. Если он играл в шахматы в такое тяжелое время — это нехорошо, но бить его не украшение командующего и вообще человека».

Потом этот член Военного Совета был секретарем Астраханского обкома. Это после смерти Сталина. Порядочный человек, заслуживающий уважения.

Давал в морду Буденный. Бил Захаров. Потом он стал членом Военного Совета Сталинградского фронта. Я его ценил и уважал как человека, понимающего военное дело. Он преданный Советскому государству и партии человек, но очень несдержанный на руку.

Одним словом, я назвал Гордова.

Сталин говорит: «Хорошо, утвердить Гордова».

Гордов приступил к исполнению обязанностей командующего фронтом.

Противник стал подтягивать войска, и наши армии вошли с ним в соприкосновение под Сталинградом. Был это конец июля — жарища стояла. С Гордовым мы поехали в 62-ю армию к Колпакчи.

Докладывает он нам о положении дел на фронте, как вдруг мы слышим стрельбу. Эти артиллерийские выстрелы были для нас неожиданны.

Оказалось, что противник прорвался и начал теснить наши армии. Немцы заняли Цимлянскую и непосредственно стали угрожать нам. Случилось что-то невероятное на нашем южном фланге. Сведений мы не получали и поэтому не знали, что делается у нас на южном фланге.

Потом мы узнали, что катастрофа разразилась в значительно большем масштабе, чем мы предполагали. Не только наш Юго-Западный фронт был разгромлен, но и Южный фронт был смят. Противник вышел к Ростову, дезорганизовал оборону и, я не знаю, сколько-то взял в плен, сколько-то перебил, а наши войска бежали через Дон.

Когда противник вышел на Дон восточнее Ростова, мы не могли понять, что же случилось с Ростовом. Позже мы узнали, что войска бежали, Ростов противник занял без боя. Немцы вышли восточнее Ростова к Дону и стали форсировать Дон. В результате Ростов был оставлен.

Малиновский был снят. Над ним нависла угроза немилости Сталина. После этого разгрома противник и занял Цимлянскую.

Цимлянская — это непосредственная угроза Волге. От Цимлянской до Волги рукой подать. Цимлянская, Калач Царицынский и Волга — самый короткий путь — 100 километров или даже меньше. Я сейчас стал забывать расстояния, хотя я их измерял довольно часто на своей машине.

Мы с Гордовым освободили Колпакчи и назначили Шумилова.

Завязались бои уже на подступах к Дону.

Однажды мы с Гордовым решили поехать в 64-ю армию и познакомиться с командующим армией Чуйковым. Я Чуйкова не знал, а только слышал, что Чуйков боевой генерал и был нашим военным советником у Чан Кайши. Он только что приехал из Китая и принял 64-ю армию, стоявшую южнее Ростова. Поехали мы по степи. Тревожных донесений мы с этого фланга тогда не имели.

Но когда мы туда приехали, то увидели ужасную картину. Там степи калмыцкие, южные, полупустынные. Много земель, непригодных для обработки. И вот мы увидели, как по степи, как «белые лебеди», рассыпанным строем шли от Дона на восток наши бойцы 64-й армии. Они были прижаты противником к Дону и вплавь, сбросив обмундирование, в сорочках и кальсонах, переплывали, кто мог, Дон, и отступали на восток.

Приехали мы в расположение штаба. В небольшом кустарнике стояли машины. Никаких строений не было. Стояли штабные машины и все остальное, что нужно для штаба армии. Дорожки хорошо были распланированы, убраны и почищены.

Так мы познакомились с новым командующим Чуйковым. Он был элегантно одет. Необычно, не так, как наши генералы во время войны были одеты. Ходил со стеком. Производил впечатление человека с претензией. Это произвело не особенно приятное впечатление. Гордов тут же на него набросился со своей грубостью и руганью: действительно, армия потеряла управление войсками. Учитывая настроения того времени, тяжелую обстановку и то, что Чуйков только что прибыл из Китая и внешне выглядел довольно вычурно, он производил невыгодное впечатление. Мы вынуждены были поставить вопрос о замене его. Освободили Чуйкова и назначили командующим армией генерала Шумилова. Шумилов в это время командовал 62-й армией. Товарища Чуйкова мы взяли в резерв фронта.

Мы с Гордовым поручили тогда Чуйкову собирать отставших бойцов, организовать из них отряды и действовать с этими отрядами против немцев. Чуйков занялся этим делом. Он организовал отряд, я не помню, какого состава. Он отличился, хорошо действовал и наносил удары по врагу, который рвался к Волге. Это было уже осенью, наверное, сентябрь, а может быть, даже и в октябре.

Сталинградским фронтом в это время уже командовал Еременко. Возник вопрос: кого назначить командующим 62-й армией, которая должна была защищать вход в город. К этому времени у меня сложилось очень хорошее впечатление о генерале Чуйкове. Мы позвонили Сталину.

Он спросил: «Кого же вы рекомендуете назначить на 62-ю армию, которая будет в городе?»

Я назвал Чуйкова.

Его почему-то всегда называли по имени и отчеству. А это бывало редко. Не знаю даже, почему так повелось.

И вдруг, не знаю на каком основании, Сталин спрашивает: «А не пропьет он армию?»

Я говорю: «Товарищ Сталин, я никогда не слышал, что он пьяница и может пропить армию. Не знаю, откуда у вас такие сведения о Чуйкове. Чуйков себя очень хорошо показал как командующий отрядом, который он сам организовал. Я думаю, что он будет хорошим организатором и хорошим командующим 62-й армией».

Сталин говорит: «Хорошо, назначайте. Утвердим его».

Это было уже при Еременко. Противник нас прижал к Дону.

Незадолго до этого нам позвонил Сталин и сказал, что решили назначить командующим Сталинградским фронтом Еременко, а Гордова — заместителем командующего Сталинградским фронтом.

При превосходстве в артиллерии, и особенно в авиации, форсировать Дон не представляло большой трудности для противника. Он форсировал Дон, и завязались бои непосредственно на подступах к Сталинграду и южнее Сталинграда. Упорные бои продолжались день и ночь.

Я должен сказать, что мне нравился командующий своей распорядительностью и, я бы сказал, своей военной четкостью в управлении войсками. Я поддерживал Еременко. Хотя я неплохо относился к Гордову, но считал, что Еременко, безусловно, выше, как военный руководитель, как командир, по сравнению с Гордовым.

Мы с Еременко Гордова использовали на особо опасных участках с тем, чтобы он мог там помочь командирам оказать противнику более упорное сопротивление. Гордов делал все, что мог. Я не чувствовал особого его недовольства или же он умел подавлять в себе его, после того, как был смещен с поста командующего фронтом.

В скором времени Гордов вышел из строя. Он был ранен. Его сейчас же поместили в госпиталь, а потом отправили в Куйбышев, где была его семья. Там он лечился, потом вернулся на фронт, но уже не на Сталинградский.

Я с ним встречался уже, по-моему, в 1944 году, когда он командовал, кажется, 3-й Гвардейской армией и вышел на границу с Польшей. Он хорошо воевал и закончил войну. Погиб он в результате произвола Сталина. Был арестован и казнен уже после окончания войны.

Чтобы не возвращаться к этому, я расскажу о том, что мне стало известно о причине его казни из разговора Сталина с Берия.

Гордов и бывший маршал Кулик (в это время он был генералом, поскольку его разжаловали и сняли с него звание маршала) приехали в Москву. Они служили где-то за пределами Москвы. Они расположились, кажется, в гостинице «Москва». Подвыпили. И тот, и другой не прочь были изрядно выпить. Особенно Кулик здорово пил. Гордов тоже пил, но мне казалось, что он менее привязан к выпивке.

Так как они были в опале у Сталина, а война кончилась, то они были, видимо, очень недовольны, возбуждены. Напились и вели разговор о том, как война проходила, как кончилась. Видимо, анализировали, почему наша армия отступала. Потягивали и Сталина. Я помню из разговоров между Сталиным и Берия такие слова Кулика: «Рыба начинает вонять с головы». Ясно, что рыба воняет с головы, а голова — это Сталин. Сталин, конечно, не мог тер-

петь людей, которые так выражались.

Это стало известно по очень простой причине. За ними наблюдали и их везде преследовали подслушиванием. Когда они приехали в Москву, то их поселили в номера, которые оборудованы техникой подслушивания. Поэтому весь разговор стал известен нашей разведке и был доложен Сталину. Это их и погубило. Я считаю, что это было бесчестно со стороны Сталина. Сталин, наверное, сам бы себя подслушивал, если бы мог, не говоря уж о тех, кому он начинал не доверять.

Я с уважением относился к Гордову. Я считал, что он обладал хорошими качествами командира. Это он показал на деле и в Сталинграде, и после Сталинграда, когда командовал армиями.

Каждый человек имеет свои недостатки. Кулик, при его командирских недостатках, был честным, преданным человеком. Он всю свою жизнь отдал армии. Он служил армии так, как позволяли его силы, его умственные способности. Его Сталин перед войной переоценивал как артиллериста и поручил ему вопросы артиллерийского обеспечения всей Советской Армии. Это было неправильно. Он был не способен на это. Сталин несет ответственность, что он доверил этому человеку пост, который был ему не по плечу. Но после войны казнить его... Это было жестоко и несправедливо. Здесь проявилось злоупотребление властью, раз он у власти. Раз он это может сделать, то он и делал: казнил и миловал.

Вернусь к Сталинграду. Противник продолжал атаки против наших войск, а мы оказывали упорное сопротивление.

Бегства или отступления, граничащего с бегством, которые характеризовали положение в 1941 году, не было и в помине. Наши войска, если и отходили, то лишь в результате давления более крупных войсковых соединений противника, сильного артиллерийского огня, превосходства в самолетах, танках и другом вооружении.

Штаб наш размещался на реке Царице. Там очень глубокий овраг образовался в результате многолетней работы дождевых и талых вод. Большая промоина. Эта промоина и высокий край были использованы под командный пункт.

Я не знаю, когда он был сооружен. Когда мы пришли, он уже был готов. Я даже думаю, что, возможно, этот командный пункт готовился для какого-то другого штаба, не фронтового. Уж слишком там было все сделано на сталинский вкус. Фанерой были облицованы стены. Все дачи Сталина облицовывались дубовой фанерой. Там так же было сделано. Был сделан длинный коридор, а от этого коридора в глубь горы прорыты штольни. Все было очень хорошо сделано. Даже туалет был оборудован. Военные в полевых условиях не могли и думать даже об этом.

Но я никогда не слышал разговоров ни до этого, ни, тем более, после этого, для каких целей и для кого готовился этот командный пункт.

Противник уже очень близко подошел к городу, прорвал нашу оборону и танками вышел к Волге с северной стороны, в районе поселка Рынок.

Рабочие, которые занимались испытанием танков, и военные преградили путь прорыва в город, организовали оборону на первых порах, потом мы стащили части с других участков фронта и построили оборону, направленную на север.

Противник прорвался к Волге. Мы были уже в полуокружении. С севером мы не имели связи по железной дороге. Нашим тылом была Волга, а серьезных переправочных средств у нас, собственно, не было. Они были отведены раньше, или были потоплены. Мы располагали только мелкими средствами. Переправлялись на лодках, на катерах.

Когда сложилось такое тяжелое положение, мы сделали переправу на левый берег тоже в районе Рынка. Когда противник прорвался в этом районе, мы напрягли все силы, а это было нелегко, и разрушили переправу. Он мог ее использовать и выскочить на левый берег Волги.

Потеря переправы очень тяжело сказалась на нас. Фактически была нарушена возможность получать боепитание и пополнение расположенным в городе войскам. Но с большим трудом наплавной мост разрушили.

Однажды произошел такой эпизод. Я о нем хочу рассказать, так как он очень характерен для Сталина, особенно тех времен.

Вдруг мне звонит Сталин и довольно нервно в грубой форме задает вопрос: «Почему вы приступили к эвакуации города?»

Потом начал высказывать свое неодобрение.

Я говорю: «Товарищ Сталин, кто вам это докладывал? Никакой эвакуации города нет. Ничего такого не делается. Я не знаю, откуда вы получили такие сведения. Эти сведения совершенно не верные».

Он положил трубку. Я тогда думаю, кто это мог такую пакость подбросить и, видимо, лично мне? Я решил позвонить Малышеву, хотя я не думал, что Малышев может пойти на такую низость.

Я говорю: «Вот, товарищ Малышев, мне звонил товарищ Сталин».

Рассказываю, о чем он мне говорил.

«Да, мне он тоже только что звонил,— отвечает Малышев,— и буквально в этих же выражениях высказал свое негодование. Я не знаю сам, кто мог сочинить такую ложь».

Я подумал: «Черт его знает, этого Чуянова. Да вряд ли Чуянов пошел на такую низость».

Позвонил Чуянову.

Говорю: «Товарищ Чуянов, вы не знаете, кто-либо ставил вопрос об эвакуации города? Сталин звонил по этому вопросу».

Он говорит: «И мне звонил тоже и очень возмущенно выражал свое негодование. Возмущался».

Когда я спросил этих людей, больше уже ни к кому не обращался. Явно, это была выдумка Сталина, видимо, как он считал, профилактика. Никто об эвакуации не думал. Никто ничего не делал, хотя нужно было бы подумать, нужно было бы.

Ну, я уже знал, что теперь такую инициативу проявить, это нарваться на очень неприятные последствия.

Инициативу проявил сам Сталин.

Правда, Сталин позвонил, когда были утрачены всякие возможности для эвакуации оборудования заводов Сталинграда. Он вдруг мне звонит: «Нам нужно завод на востоке пустить, нельзя ли оборудование станочное с тракторного, оружейного там и других заводов самое ценное эвакуировать?»

Я говорю: «Товарищ Сталин, сейчас уже совершенно невозможно ничего эвакуировать. У нас никаких наплавных средств нет. Мы с трудом питаем армию. Переплавляем только нетяжелые грузы».

«Ну, так что — сможете?»

Я говорю: «Попытаемся».

Мы кое-что начали было демонтировать из станочного оборудования. Подтащили к Волге, в район переправы. Но, по-моему, ничего и не вывезли.

Прилетел Маленков. Я не знаю, зачем он прилетел и чем он мог нам помочь. Но он прилетел из Москвы, а Москва, как говорится, выше сидит и дальше видит. Находился он у нас. Проводил дни и ночи без пользы для себя и без пользы для нас.

Потом, когда противник вплотную подошел и стал просачиваться в город, усилилась бомбежка, начались пожары, прилетели Василевский, Новиков,— командующий воздушными силами, Воронов.

Воронов и раньше к нам прилетал и бывал по нескольку дней, а потом улетал.

Я был очень невысокого мнения об этих людях, которые приезжали из Ставки. Конкретно они нам ничем не могли помочь, за исключением только тех случаев, когда Воронов или Новиков, или еще кто, приезжавший по поручению Ставки, привозили что-то реальное. А реальное — это боекомплекты, это авиация, это пехотные или артиллерийские части и прочее.

Если же они приезжали сами, так сказать, своими собственными «портретами», которые мы себе и так реально представляли, потому что все эти люди хорошо нам известны, то это нас не радовало. Просто они отнимали у нас время, не принося никакой пользы делу.

Вот собрались тогда Василевский, Маленков, Воронов, Новиков, другие представители Ставки. Одним словом, очень много народу.

Так как город горел и находился все время под бомбежкой, то городское руководство тоже перебралось в наш командный пункт. Создалась там теснота, как говорится, не повернешься.

Обстановка ухудшалась. В это время, а это всегда так бывало в самый критический момент, я чувствовал какое-то обостренное внимание к себе со стороны Сталина.

Я видел, как шушукаются Василевский с Маленковым. Они, видимо, выгораживали собственные персоны. Видимо, они, как говорится, писали донос, чтобы свалить вину на кого-то. На кого же? Конечно, на командующего фронтом и члена Военного Совета в первую голову. Правда, со стороны Василевского я не чувствовал неправильного понимания нашего положения.

Если они шушукались, то я считал, это инициатива Маленкова. Сам-то он в военных вопросах ничего не понимал, но в вопросах интриганства имел какие-то шансы на успех.

Потому что ему предстояло вернуться в Москву и что-то доложить Сталину: зачем он ехал и что он сделал. А вернется он, не решив задачу,— противник рвется в город. Надо как-то это объяснить. А как объяснить? Конечно, те, кто командует войсками, и виноваты. Я, может быть, утрирую, рассуждая за него, но примерно в таком духе докладывалось в Центре.

Потом Василевский и Маленков мне сказали, что они получили указание из Москвы и улетают. Они переправились через Волгу на левый берег и поехали на аэродром.

Все уехали. После такой толчеи, которая была на командном пункте, у нас наступила, я бы сказал, жуткая тишина, как в лесу бывает.

Все представители Ставки нас покинули, и мы остались с Еременко один на один. Единственное, что у нас осталось,— шутили мы с Еременко — это шикарный туалет.

Правда, в туалетную, которая была до этого в образцовом состоянии, после того, как уехали представители, уже зайти было невозможно. Она была вся загажена.

Я не помню уже по времени, вдруг звонит мне Сталин и, я удивился, довольно спокойно, что было редко в те времена, говорит мне: «Как, вы еще можете продержаться три дня?»

Это как раз вскоре после отлета Василевского, Маленкова и других представителей Ставки.

Я говорю: «Товарищ Сталин, не знаю, откуда вы берете такой срок для нас. Мы считаем, что не только три дня продержимся, но значительно больше. Я не могу сказать, потому что на войне нельзя ручаться, но мы сейчас, во всяком случае, чувствуем, что наши войска уже получили крещение, и это дает уверенность, что они будут и дальше упорно защищать свои позиции».

«Вот хорошо! — говорит.— Вы продержитесь три дня. Мы сейчас организуем удар с севера с тем, чтобы освободить вас, то есть левое крыло противника, которое с севера вышло к Волге, отсечь или отбросить от Волги. Но когда начнутся бои на севере, вы организуйте, какие у вас есть силы, удар из Сталинграда с тем, чтобы немцы не могли перебросить подкрепления против наших войск, которые будут наносить удар с севера».

Я говорю: «Хорошо, мы все это сделаем».

Начали осуществлять этот удар с севера. Но эти усилия не завершились никаким разгромом немцев и отбросить их от Волги не удалось. Основная задача, которая ставилась, не была выполнена. Я не знаю, какими силами располагало тогда северное направление, но результата не было.

После этого эпизода на северный участок были подброшены войска с тем, чтобы противник не мог развивать успех вверх по Волге, то есть на север. Эти войска входили в состав Сталинградского фронта. Сюда была подтянута армия под командованием Москаленко и армия под командованием Малиновского. Опять готовился удар с целью отсечь северное крыло немецкой армии, которое вышло на Волгу, и восстановить положение, которое было до этого.

Когда был сосредоточен довольно солидный кулак, мы с Еременко поехали на командный пункт проводить операцию.

Мы надеялись на успех. В назначенный час началась артиллерийская подготовка и мы предприняли наступление. К сожалению, это наступление успеха не имело, несмотря на очень хорошие войска.

В скором времени у нас забрали этот участок фронта. Это было правильно, потому что мы находились в Сталинграде, а этот участок находился за Сталинградом на севере, и очень плохая связь создалась с этой армией.

В это время я опять был вызван в Москву. То, что я услышал там, безусловно, было сочинено Маленковым. Мол, командующий и командный состав войск Юго-Западного и Южного фронтов, которые отходили на Сталинград и здесь заняли оборону, привыкли с 1941 года только к отступлению. Поэтому, мол, они недостаточно стойко организуют оборону. Сами поддаются панике и отходят. Таким образом, надо заменять этот командный состав. Стали заменять. Я потом узнал, что многих командующих заменили.

Это совершенно ни на чем не основанная обывательская точка зрения. Она была пущена для того, чтобы оправдать поездку Маленкова. Чтобы снять с себя ответственность и взвалить, так сказать, ее на других, была такая совершенно никчемная теория. Но она гуляла повсюду.

И среди военных были нехорошие настроения. Вот, говорили: отступаем. Почему отступаем? Отступаем, потому что солдат не чувствует, за что он должен воевать, за что он должен умирать. Взять первую мировую войну. Тогда у солдата была земля, у него было хозяйство свое. Он воевал за Россию, но он воевал и за свой дом. А сейчас все общее, все колхозное. Поэтому, мол, нет стимула. Это уже теория антисоветская, антисоциалистическая. Она взваливала ответственность на наш советский строй, на социалистические начала, которые были заложены в нашей стране. Конечно, эта теория тоже была подмоченная. Это теория людей, которые страдали упадничеством и начали выдумывать неправильные объяснения нашим поражениям.

Жизнь потом опровергла эти утверждения. Если кое-кому, кто сейчас носит довольно высокие воинские звания, напомнить, что вот такие-то были рассуждения, то они, наверное, возмутятся и скажут, что это клевета. К сожалению, это было. Это было, и ничего не сделаешь. Но мы это пережили. Конец таким объяснениям был положен после разгрома войск Паулюса под Сталинградом...

*Окончание следует.*

# В челябинской женской колонии проведен конкурс... «Мисс очарование»

Анна САЕД-ШАХ

* * *

В этих стенах, где мелкая ложь
как задаток,
где здоровьем, любовью и жизнью
божатся,
я еще уцелела — и этому рада,
лишь меняю белье, чтоб больней
унижаться.
Здесь меня уважают и любят,
и верят,
потому что не тварь —
поддаюсь дрессировке,
и содержат меня, как надежного
зверя,
а из шерсти пушистые вяжут веревки.
Здесь улыбкой моей проверяют
на вшивость,
здесь, увы, от меня —
никакого вреда,
здесь я стала родною и равной,
когда
в первый раз зареклась, поклялась,
побожилась.

Фото Сергея ВАСИЛЬЕВА

Вот и принято решенье,
начинается игра:
я дарую вам прощенье
всем, кто мне желал добра.
Всем, кто прошен и непрошен,
у моих звонил дверей,
всем, кто брошен и неброшен
в бездну памяти моей.

# ДЕЛОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

## ФОНД «АНТИСПИД»

### СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ЭВКО»: 75 ПРОЦЕНТОВ ВАЛЮТЫ — НА «АНТИСПИД»

Начальный валютный капитал, необходимый, чтобы обеспечить больницы одноразовым медицинским инструментом, можно заработать. Для этого быстро организовать производство и сбыт на валюту продукции, пользующейся спросом за рубежом. Так, совместное предприятие «ЭВКО» в рамках антиспидовской программы может обеспечить производство и реализацию за рубежом на свободно конвертируемую валюту изделий из дерева, черных и цветных металлов, а также металлических отходов, не используемых нашей промышленностью. Мы имеем все возможности развернуть производство в течение текущего полугодия. Единственным условием является предоставление нашему предприятию разрешения МВЭС СССР на продажу этой продукции за рубеж на свободно конвертируемую валюту, которая будет направлена на создание у нас в стране предприятий по выпуску необходимого медицинского инструмента. Согласно нашим расчетам, эта сумма составит 12—15 миллионов инвалютных рублей в год. Помимо этого, у нас имеются серьезно проработанные предложения по созданию сверхрентабельных с точки зрения мировой конъюнктуры производств различного направления, которые позволят увеличить указанную сумму как минимум в три раза.

Мы хотим направлять 75 процентов заработанной валюты на закупку производственных линий, изготавливающих одноразовое медицинское оборудование, предусмотренную в вашей программе «АНТИСПИД». Производственные помещения для размещения этих линий у нас имеются. Мы располагаем также возможностями для изыскания необходимого сырья.

Председатель правления СП «ЭВКО»
генеральный директор НПО «Химмаштехнология»
В. П. НЕЧАЕВ

### ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «КРАСНОГВАРДЕЕЦ»: МОЖЕМ ВЫПУСКАТЬ 500 МИЛЛИОНОВ ШПРИЦЕВ ЕЖЕГОДНО

С фирмой «Б. С. МЕДИКАЛ» (Италия) мы подписали протокол о намерениях создать в короткие сроки совместное предприятие по производству 500 миллионов штук шприцев ежегодно.

Главная проблема — где взять валюту для расчета за кредит.

К вам обращаемся с большой просьбой рассмотреть возможность использования для этих целей средств, поступающих на благотворительный валютный счет № 70000015.

Использование валютных средств просто на закупку шприцев не самый лучший выход. Наиболее эффективный и надежный путь — создание совместного предприятия.

По достигнутым с фирмой условиям совместное предприятие начнет продажу шприцев советским учреждениям уже с 1989 года по цене, не превышающей 50 процентов цены мирового рынка.

По согласованию с фирмой «Б. С. МЕДИКАЛ» мы приглашаем редакцию журнала «Огонек» быть одним из учредителей совместного предприятия.

Выражаем нашу благодарность журналу за замечательную идею, позволившую нам увидеть свет в конце валютного туннеля.

Генеральный директор
Г. Н. ЛЕОНОВ

### КООПЕРАТИВ «АРТСЕРВИС»: ПОМОЖЕМ ОРГАНИЗОВАТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ АУКЦИОН

Руководитель выставочной секции кооператива В. В. Рубинчик предложил профессиональную помощь в организации благотворительных выставок-продаж и аукционов картин современных советских художников за рубежом. Высококвалифицированные искусствоведы будут подбирать произведения разных направлений, комплектовать коллекции для выставок. Страхование, упаковку «выезжающих» на продажу картин — все это кооператив тоже берет на себя.

### КООПЕРАТИВ «ПЛАМЯ» — ПЕРЕДАЕМ 360 ДОЛЛАРОВ

Мы провели общее собрание кооператива и решили всю заработанную нами валюту — 360 долларов — перевести на счет «АНТИСПИД».

Председатель кооператива «Пламя» В. А. МИРОНОВ

### ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Поддерживаем и считаем акцию благотворительного целевого сбора валюты очень умным и единственно правильным решением в трагически сложившейся и практически неразрешаемой в нашей стране ситуации.

Мы от всей души хотим помочь вам в этой благородной и нужной человечеству акции, которая, как надеются все люди доброй воли, поможет предотвратить жертвы страшной болезни.

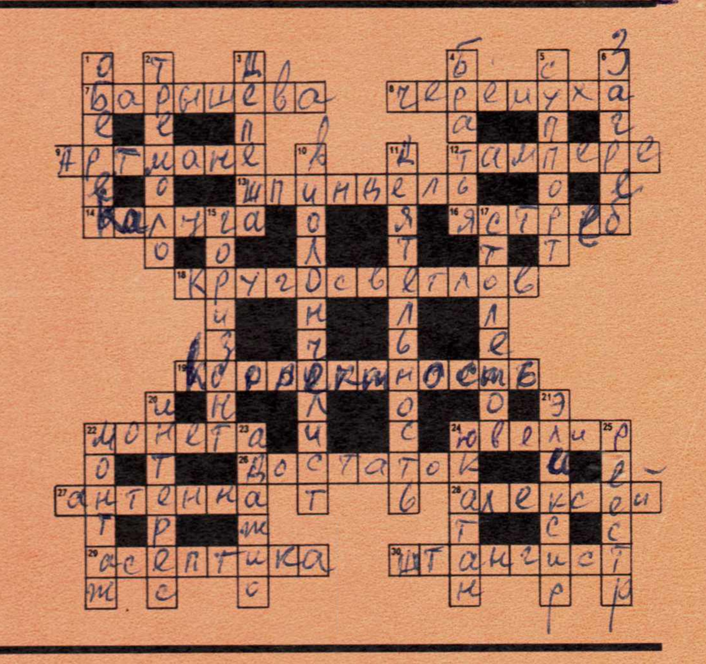
Центр традиционной культуры занимается проблемами исконно народного творчества, возрождением забытых промыслов, культурных ремесел. Мы бы хотели внести свой вклад в то, чтобы национальное искусство страны было передано и сохранено для здорового и крепкого поколения.

Средства на счет № 70000015 «АНТИСПИД» будут перечислены из валютных поступлений Центра.

Президент ВЦТК
Д. В. ПОКРОВСКИЙ

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 7. Советская баскетболистка, чемпионка Олимпиады 1976 года. 8. Декоративное, медоносное, лекарственное древесное растение. 9. Латышская актриса, народная артистка СССР. 12. Город в Финляндии, где проходила первая конференция РСДРП. 13. Вал прокатного стана. 14. Пресноводная осетровая рыба. 16. Хищная птица. 18. Профессор в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». 19. Вежливость, тактичность. 22. Отчеканенный из металла денежный знак. 24. Мастер по изготовлению драгоценных изделий. 26. Материальная обеспеченность. 27. Устройство для излучения или приема радиоволн. 28. Рыбак в опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». 29. Метод профилактики. 30. Тяжелоатлет.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Польский народный танец. 2. Быстрое чередование двух созвучий в музыке. 3. Спешное уведомление. 4. Роман К. А. Федина. 5. Основной узел металлорежущего станка. 6. Город в Югославии. 10. Музыкант, играющий на смычковом инструменте. 11. Занятие, труд. 15. Видимая граница неба и земной поверхности. 17. Русский физик, открывший первый закон фотоэффекта. 20. Внимание, привлекаемое значительным, занимательным. 21. Крепкий настой из растительных веществ, употребляемый в медицине и косметике. 22. Сборка и установка конструкций сооружений, технологического оборудования. 23. Медленный темп в музыке. 24. Полуостров в Центральной Америке. 25. Список, перечень.



**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32**

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 7. Дистанция. 9. Гидроузел. 11. Бурав. 13. «Волна». 14. Железнодорожный. 16. Дикция. 17. Патриот. 19. График. 20. Межевание. 23. Сириус. 24. «Джангар». 27. Петров. 30. Диспетчеризация. 32. Пение. 33. Ероол. 34. Медведица. 35. «Машинисты».

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Удмуртия. 2. Янычек. 3. Ливенка. 4. «Сиверко». 5. Бриджи. 6. Плановик. 8. Стаж. 10. Зной. 12. Великодушие. 13. Выпрямление. 15. Дарование. 17. Поезд. 18. Триер. 21. Рисберма. 22. «Мойдодыр». 25. Житница. 26. Абиджан. 28. Апсида. 29. Шарнир. 30. Диод. 31. Ярус.

Лев Бородулин — известный спортивный фотожурналист. Он долгие годы работал в журнале «Огонек». Маленькую фотолабораторию мы делили с ним на двоих.

До сих пор в лаборатории попадаются письма, полученные из редакций различных спортивных изданий мира, с просьбой прислать фотографии Бородулина.

Он работал в «Огоньке» в различных жанрах, естественно, снимая то, что нужно было журналу, но больше всего был предан спорту.

Он автор ряда фотографий, которые вошли в фонд спортивной фотоклассики. В 1970 году в Советском Союзе вышла книга «В объективе — спорт. Фотографии Льва Бородулина».

И никого не удивило желание Льва «полностью сосредоточиться на спортивной тематике». Для этого он решил уйти из журнала.

Я был тогда редактором фотоотдела, и мне не очень хотелось отпускать его. Но он ушел. А скоро выяснилось, что он уехал с семьей из Союза. В те времена выезд из страны был приравнен к измене Родине. Страдали не только остающиеся родственники, но и коллеги по работе, которые не «углядели врага».

Только тогда мне стало ясно, почему так упорно Лева не хотел слушать мои доводы в пользу «Огонька». Он хотел избавить своих товарищей от неотвратимых неприятностей.

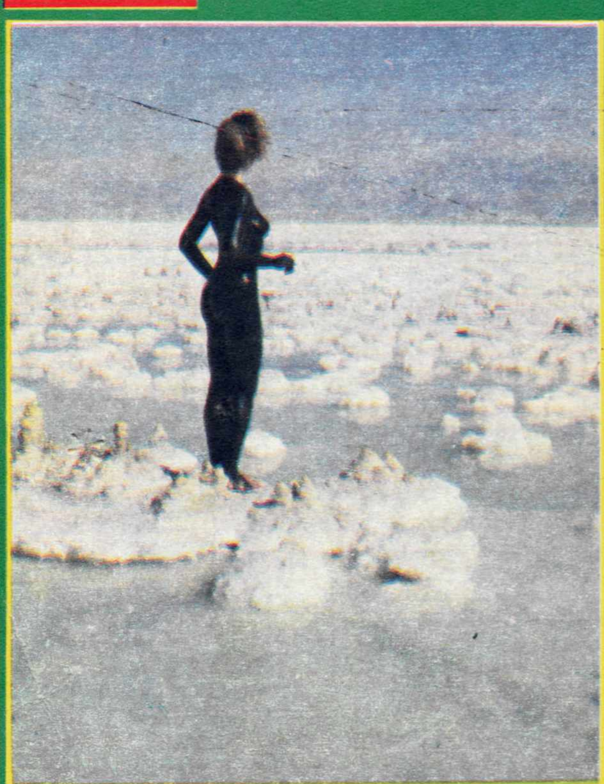
Потом мы изредка получали красивые цветные открытки с грустным содержанием, а в журнале их читали украдкой, как «запрещенную» литературу.

...Шли годы. Мы знали, что Бородулин хорошо и много работает. Снимки, которые мы публикуем, сделаны в Израиле.

Времена счастливо изменились. Изменился и наш журнал. И сегодня, спустя долгие годы, на страницах «Огонька» вновь мы видим под фотографиями фамилию Бородулина.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

ОГОНЁК



40 коп.
Индекс 70663